

Вестник БарГУ

Научно-практический журнал

Издаётся с марта 2013 года

№ 1 (11), июнь, 2022

Серия «Исторические науки
и археология. Экономические
науки. Юридические науки»

Учредитель: учреждение образования
«Барановичский государственный университет».

Адрес редакции:
ул. Войкова, 21, 225404 г. Барановичи.
Телефон: +375 (163) 64 34 77.
E-mail: vestnikbargu@gmail.com .

Подписные индексы: 00996 — для индивидуальных
подписчиков; 009962 — для организаций.
Свидетельство о регистрации средств массовой
информации № 1533 от 30.07.2012, выданное
Министерством информации Республики Беларусь.

В соответствии с приказом Высшей
аттестационной комиссии Республики Беларусь
от 21 января 2015 г. № 16 научно-практический
журнал «Вестник БарГУ» серия «Исторические
науки и археология. Экономические науки.
Юридические науки» включён в Перечень научных
изданий Республики Беларусь для опубликования
результатов диссертационных исследований
по историческим наукам и археологии,
экономическим наукам, юридическим наукам.

Научно-практический журнал «Вестник БарГУ»
включен в РИНЦ (Российский индекс научного
цитирования), лицензионный договор
№ 06-01/2016.

Выходит на русском, белорусском
и английском языках.
Распространяется на территории
Республики Беларусь.

Заведующий редакционно-издательской
группой А. Ю. Сидоренко
Технический редактор Л. Н. Щербук
Компьютерная вёрстка С. М. Глушак
Корректор Н. Н. Колодко

Подписано в печать 08.06.2022. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага ксерокопная. Печать цифровая.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 11,25. Уч.-изд. л. 7,70.
Тираж 100 экз. Заказ . Цена свободная.

Полиграфическое исполнение: Гродненское
областное унитарное полиграфическое
предприятие «Слонимская типография».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/203 от 07.03.2014, № 2
от 25.02.2014. Адрес: ул. Хлюпина, 16, 231800
г. Слоним, Гродненская обл.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кочурко В. И. (гл. ред. журн.), доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик
Белорусской инженерной академии, академик Международной академии технического
образования, академик Международной академии наук педагогического образования,
академик Академии экономических наук Украины, заслуженный работник образования
Республики Беларусь, профессор кафедры технического обеспечения сельскохозяйственного
производства и агрономии (учреждение образования «Барановичский государственный
университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Климук В. В. (зам. гл. ред. журн.), кандидат экономических наук, доцент, первый
проректор (учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Барановичи, Республика Беларусь).

Климук В. В. (гл. ред. сер.), кандидат экономических наук, доцент, первый проректор
(учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи,
Республика Беларусь); **Прудникова А. Н.** (отв. секретарь сер.) (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Гребень Т. М. (ред. текстов на англ. яз.) (учреждение образования «Барановичский
государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Андрияшко М. В. (отв. за направление «Юридические науки»), кандидат юридических
наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Барановичи, Республика Беларусь); **Ермакович Л. И.** (отв. за направление «Историче-
ские науки и археология»), кандидат исторических наук, доцент (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь);
Лизакова Р. А. (отв. за направление «Экономические науки»), кандидат экономических
наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Барановичи, Республика Беларусь).

Безуглая В. А., кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «БИП —
Университет права и социально-информационных технологий», Минск, Республика Беларусь);
Быков А. А., доктор экономических наук, профессор (учреждение образования «Белорусский
государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь);
Василевич Г. А., доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной
академии наук Беларуси, заслуженный юрист Республики Беларусь (Белорусский
государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Вишневецкий А. Ф.**, доктор
исторических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь
(учреждение образования «БИП — Университет права и социально-информационных
технологий», Минск, Республика Беларусь); **Гурский В. Л.**, доктор экономических наук,
доцент (государственное научное учреждение «Институт экономики Национальной академии
наук Беларуси», Минск, Республика Беларусь); **Житкевич Г. Я.**, кандидат экономических
наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Барановичи, Республика Беларусь); **Захарченко Л. А.**, кандидат экономических наук, доцент
(учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Брест,
Республика Беларусь); **Кривуть В. И.**, доктор исторических наук, доцент (учреждение
образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика
Беларусь); **Колядко И. Н.**, кандидат юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Куган С. Ф.**, кандидат
экономических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный
технический университет», Брест, Республика Беларусь); **Лабейко О. А.**, кандидат
экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный
университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Литвинский А. В.**, кандидат исторических
наук (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи,
Республика Беларусь); **Лосев В. В.**, кандидат юридических наук, доцент (учреждение
образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика
Беларусь); **Лученок А. И.**, доктор экономических наук, профессор (государственное научное
учреждение «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси», Минск, Республика
Беларусь); **Людвигевич О. Н.**, кандидат юридических наук, доцент (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь);
Манкевич И. П., кандидат юридических наук, доцент (учреждение образования «Белорусский
государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь);

Медведева Г. Б., кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь); **Нечухрин А. Н.**, доктор исторических наук, профессор (учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно, Республика Беларусь); **Омельянюк А. М.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь); **Познякевич В. Н.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Посохина Г. И.**, кандидат исторических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест, Республика Беларусь); **Рябова К. И.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Солодовников С. Ю.**, доктор экономических наук, профессор (Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь); **Таранова Т. С.**, доктор юридических наук, профессор (учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь); **Функ Я. И.**, доктор юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Шабанов В. Б.**, доктор юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Шевлюков А. П.**, доктор экономических наук, профессор (учреждение образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации», Гомель, Республика Беларусь); **Яковчик Н. С.**, доктор экономических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заслуженный работник сельского хозяйства Республики Беларусь (Институт повышения квалификации и переподготовки кадров агропромышленного комплекса учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет», Минск, Республика Беларусь).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ

Андреева О. В., кандидат экономических наук, доцент (Центр стратегических исследований социально-экономического развития Юга России РГЭУ (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация); **Астратова Г. В.**, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация); **Белянская О. В.**, кандидат юридических наук, доцент (Институт права и национальной безопасности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», Тамбов, Российская Федерация); **Биглова Г. Ф.**, доктор экономических наук, доцент (Институт социально-экономических исследований федерального государственного бюджетного научного учреждения «Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук», Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация); **Горбатова М. А.**, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Российская Федерация); **Закирова Э. Р.**, кандидат экономических наук, доцент (Институт дополнительного образования федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург, Российская Федерация); **Звирибуле А.**, доктор экономических наук, профессор (Латвийский сельскохозяйственный университет, Елгава, Латвийская Республика); **Касич А. А.**, доктор экономических наук, профессор (Киевский национальный университет технологий и дизайна, Киев, Украина); **Кузнецова Ю. А.**, кандидат экономических наук (филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева» в г. Новокузнецке, Новокузнецк, Российская Федерация); **Момот Т. В.**, доктор экономических наук, профессор (Харьковский национальный университет городского хозяйства имени А. Н. Бекетова, Харьков, Украина); **Одинцова Т. М.**, кандидат экономических наук, доцент (Институт финансов, экономики и управления федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет», Севастополь, Российская Федерация); **Острогляд А. В.**, кандидат юридических наук, доцент (учреждение высшего образования «Университет Короля Данила», Ивано-Франковск, Украина); **Терзиев В. К.**, доктор наук (экономика), доктор наук (национальная безопасность), доктор наук (социальная деятельность) профессор (Военная академия имени Георгия Раковского, Русенский университет имени Ангела Кънчева, Русе, Болгария); **Шалаев В. П.**, доктор философских наук, профессор (федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Поволжский государственный технологический университет», Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Российская Федерация); **Шаркова А. В.**, доктор экономических наук, профессор (федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Российская Федерация).

Promoter: Educational institution
"Baranovichi State University".

Editorial address:
21 Voykova Str., 225404 Baranovichi.
Phone: +375 (163) 64 34 77.
E-mail: vestnikbargu@gmail.com .

Subscription indices: 00996 — for individual subscribers;
009962 — for companies.
The certificate of the registration of mass media № 1533
of 30.07.2012 issued by the Ministry of Information
of Belarus.

In accordance with the order of the board of the Higher
Attestation Commission of the Republic of Belarus on
January 21, 2015 № 16 the scientific-and-practical journal
"BarSU Herald", the series "Historical Sciences and
Archaeology. Economics. Law" was included on the list of
the scientific publications of the Republic of Belarus for
publishing the results of dissertation research History of
science and archaeology, Economics, Laws.

Scientific-and-practical journal "BarSU Herald"
is included into RSCI (Russian Science Citation Index),
license agreement № 06-01/2016.

Issued in Russian, Belorussian and English. The journal is
distributed on the territory of the Republic of Belarus.

Managing editor A. Y. Sidorenko
Technical editor L. N. Scherbuk
Desktop Publishing S. M. Glushak
Proofreader N. N. Kolodko

Signed print 08.06.2022. Format 60 × 84 1/8. Paper xerox.
Digital printing. Headset Times. Conv. pr. s. l. 11,25.
Acc.-pub. s. l. 7,70. Circulation of 100 copies.
Order . Free price.

Printing performance: Grodno Regional Printing Unitary
Enterprise "Slonim printing establishment". The state
registration certificate of the publisher, manufacturer and
publications distributor № 1/203 of 07.03.2014, № 2
of 25.02.2014. Address: 16 Hlyupin St., 231800 Slonim,
Grodno region.

EDITORIAL BOARD

Kochurko V. I. (*editor-in-chief*), DSc in Agriculture, Professor, Academician of the Belarusian Academy of Engineering, Academician of the International Academy of Technical Education, academician of the International Academy of Pedagogical Education, Academician of the Academy of Economic Sciences of Ukraine, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus, Professor of Department of Technical Support of Agricultural Production Processes and Agronomic Sciences (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus).

Klimuk V. V. (*deputy editor-in-chief*), PhD in Economics, Associate Professor, first vice-rector (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus).

Klimuk V. V. (*the series editor-in-chief*), PhD in Economics, Associate Professor, first vice-rector (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus); **Prudnikova A. N.** (*executive secretary of the series*) (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus).

Greben T. M. (*ed. of texts in English*) (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus).

Andryashka M. V. (*responsible for the area "Law"*), PhD in Law, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus);

Ermakovich L. I. (*responsible for the area "Historical Sciences and Archaeology"*), PhD in History, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus); **Lizakova R. A.** (*responsible for the area "Economics"*), PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus).

Bezuglaya V. A., PhD in Economics, Associate Professor (Private educational institution "BIP — university of law and social-information technologies", Minsk, the Republic of Belarus);

Bykov A. A., Doctor of Economic Sciences, Professor (Belorussian State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Vasilevich G. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Honored Lawyer of the Republic of Belarus (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus);

Vishnevskiy A. F., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus (Private educational institution "BIP — University of law and social-information technologies", Minsk, the Republic of Belarus); **Gurskiy V. L.**, Doctor of Economics, Associate Professor (State scientific institution "The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, the Republic of Belarus); **Zhitkevich G. Ya.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus); **Zaharchenko L. A.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus);

Krivut V. I., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus); **Kolyadko I. N.**, PhD in Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Kugan S. F.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus); **Labeyko O. A.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus); **Litvinskiy A. V.**, PhD in History (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus); **LOSEV V. V.**, PhD in Law, Associate Professor (Belorussian State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus);

Luchenok A. I., Doctor of Economic Sciences, Professor (State scientific institution "The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, the Republic of Belarus); **Lyudvikevich V. N.**, PhD in Law, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus); **Mankevich I. P.**, PhD in Law, Associate Professor (Belorussian State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Medvedeva G. B.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus); **Nechuhryn A. N.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Educational institution "Yanka Kupala State University of Grodno", Grodno, the Republic of Belarus); **Omelyanyuk A. M.**, PhD in

History (Educational institution "Yanka Kupala State University of Grodno", Grodno, the Republic of Belarus); **Omelyanyuk A. M.**, PhD in

Economics, Associate Professor (Educational institution "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus); **Poznyakevich V. N.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus); **Posohina G. I.**, PhD in History, Associate Professor (Educational institution "Brest State A.S. Pushkin University", Brest, the Republic of Belarus); **Ryabova K. I.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus); **Solodovnikov S. Yu.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Educational institution "Belarusian National Technical University", Minsk, the Republic of Belarus); **Taranova T. S.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belorussian State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Funk Ya. I.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Shabanov V. B.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Shevlyukov A. P.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Educational institution "The Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperation", Gomel, the Republic of Belarus); **Yakovchik N. S.**, Doctor of Economic Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Honored Worker of Agriculture of the Republic of Belarus (Professional Development and Retraining Institute of Agribusiness Specialists of Educational institution "Belarusian State Agrarian Technical University", Minsk, the Republic of Belarus).

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Andreeva O. V., PhD in Economics, Associate Professor (the Center for Strategic Studies of Socio-Economic Development of the South of Russia RSUE, Rostov-on-don, Russian Federation); **Astratova G. V.**, Doctor of Economic Sciences, PhD in Technical Sciences, Professor, Honored Worker of High Professional Education of Russian Federation (Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation); **Belyanskaya O. V.**, PhD in Law, Associate Professor (the Institute of Law and National Security of Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation); **Biglova G. F.**, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor (the Institute of Socio-Economic Studies of the Federal State Budgetary Institution of Science "Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences", Ufa, Bashkortostan, Russian Federation); **Gorbatova M. A.**, PhD in Law, Associate Professor (Saint Petersburg Institute (Branch) of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University (RLA of the Ministry of Justice of Russia", Saint Petersburg, Russian Federation); **Zakirova E. R.**, PhD in Economics, Associate Professor (the Institute of Continuing Education of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Economic University", Yekaterinburg, Russian Federation); **Zvirbule A.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Latvia University of Agriculture, Jelgava, Republic of Latvia); **Kasich A. A.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Kyiv National University of Technologies and Design, Kyiv, Ukraine); **Kuznetsova Yu. A.**, PhD in Economics (the Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University in Novokuznetsk", Novokuznetsk, Russian Federation); **Momot T. V.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (A.N. Beketov National University of Urban Economy in Kharkiv, Kharkiv, Ukraine); **Odintsova T. M.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institute for Finance, Economics and Management of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Sevastopol State University", Sevastopol, Russian Federation); **Ostroglyad A. V.**, PhD in Law, Associate Professor (Higher Educational Institution "King Danila University", Ivano-Frankivsk, Ukraine); **Terziev V. K.**, D.Sc. (Economics), D.Sc. (National Security), D.Sc. (Social Activities), Professor (Military Academy "G. S. Rakovski", the University of Ruse "Angel Kanchev", Rousse, Bulgaria); **Shalaev V. P.**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Volga State University of Technology", Yoshkar-Ola, the Mari El Republic, Russian Federation); **Sharkova A. V.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (the Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation", Moscow, Russian Federation).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- Булатая В. Ю.** Адлюстраванне і ацэнка падзей адраджэння царкоўнай уніі ў матэрыялах газеты “Крыніца” (“Białoruskaja Krynica”) у міжваенны перыяд
- Елизаров С. А.** Председатели местных исполкомов БССР 1953—1964 годов: основные тенденции, качественный и количественный состав
- Ермаковіч Л. І.** Праваслаўныя брацтвы на Беларусі
- Посохина Г. И.** Новые направления в идеологии коммунистической партии Китая в эпоху проведения политики реформ и открытости
- Смірноў С. М.** Рэлігійная палітыка Аляксандра Севера: традыцыя і сінкрэтызм
- Стукачева Ю. Ю.** Методологічныя змяненні ў амерыканскай гістарычнай навуцы ў 1970—1980-х гадах

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Гуторова Е. В.** Территориальная мобильность рабочей силы: сущность, классификация, особенности в Республике Беларусь
- Климук В. В.** Оценка эффективности развития инновационной инфраструктуры Республики Беларусь в векторе наукоемкой экономики
- Лабейко О. А., Скидан К. Н.** Теоретико-методические аспекты государственного регулирования рынка труда

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Василевич Г. А.** Развитие конституционно-правового статуса человека и гражданина в контексте изменений и дополнений Конституции по итогам референдума 2022 года
- Людвикевиц О. Н.** Внештатное сотрудничество в контексте реализации концепции юридического образования
- Чмыга О. В.** Право на запрос, предложения и замечания, обращение депутата местного Совета как значимый инструмент местной коллегиальной представительной демократии
- Шуленкова И. В., Ворошкевич С. А.** Уголовно-правовая характеристика контрабанды как опасного таможенного преступления

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 6 Bulataja V.** Reflection and evaluation of the events of the revival of the church union in the materials of the newspaper “Krynica” (“Białoruskaja Krynica”) in the interwar period
- 11 Elizarov S. A.** Chairmen of local executive committees of the BSSR 1953—1964: main trends, qualitative and quantitative composition
- 18 Ermakovich L. I.** Orthodox brotherhoods in Belarus
- 26 Posokhina G. I.** New directions in the ideology of the communist party of China during the period of the reform and opening-up policy
- 33 Smirnou S. M.** Religious politics of Alexander Severus: tradition and syncretism
- 38 Stukacheva Y. Y.** Methodological changes in american historical science in the 1970—1980s

ECONOMICS

- 44 Gutorova A. V.** Territorial mobility of the labor force: essence, classification, features in the Republic of Belarus
- 54 Klimuk V. V.** Assessment of the effectiveness of the development of innovation infrastructure of the Republic of Belarus in the vector of knowledge-intensive economy
- 62 Labeyko O. A., Skidan K. N.** Theoretical and methodological aspects of state regulation of the labor market

LAW

- 67 Vasilevich G. A.** The development of the constitutional and legal status of a person and a citizen in the context of amendments and additions to the Constitution following the results of the 2022 referendum
- 72 Lyudvikevich V. N.** Non-staff cooperation in the context of realization the concept of the legal education
- 77 Chmyga O. V.** Right to request, suggestions and comments, appeal of local Council deputy as a significant instrument of local collegiate representative democracy
- 83 Shulenkova I. V., Voroshkevich S. A.** Criminal and legal characteristics of smuggling as a dangerous customs crime

УДК 94(476)«1921–1939»

В. Ю. Булатая

Дзяржаўная ўстанова адукацыі «Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы», вул. Маскоўская, 15,
220007 Мінск, Рэспубліка Беларусь, +375 (29) 211 57 25, wiktoriaumianek@gmail.com

**АДЛЮСТРАВАННЕ І АЦЭНКА ПАДЗЕЙ АДРАДЖЭННЯ ЦАРКОЎНАЙ УНІІ
Ў МАТЭРЫЯЛАХ ГАЗЕТЫ “KRYNICA” (“BIAŁORUSKAJA KRYNICA”)
У МІЖВАЕННЫ ПЕРЫЯД**

Артыкул прысвечаны стаўленню беларускіх каталіцкіх актывістаў да працэсу распаўсюджвання неауніі ў міжваенны перыяд на тэрыторыі Заходняй Беларусі, якое было адлюстравана на старонках газеты “Крыніца”. Даследаванне скіравана на вызначэнне пазіцыі, якой прытрымлівалася канкрэтная грамадская супольнасць у дачыненні да неауніі. Дзеля вырашэння даследчай задачы былі прааналізаваны прадстаўленыя ў бібліятэчных зборах нумары газеты “Крыніца” з красавіка 1921 года па верасень 1939-га. Вынікі даследавання паказалі, што беларускія каталіцкія актывісты негатыўна ставіліся да распаўсюджвання неауніі. Яны тлумачылі гэта тым, што з’ява не задавальняла інтарэсы беларускага народу, не прыносіла аніякага рэлігійнага плёну і насіла палітычны характар. Аднак да ідэі злучэння Праваслаўнай і Каталіцкай царквы яны ставіліся пазітыўна.

Ключавыя словы: неаунія; Беларуская хрысціянская дэмакратыя; газета “Крыніца”; канфесіянальная палітыка; Заходняя Беларусь.

Бібліягр.: 18 назваў.

V. Bulataja

State Institution of Education “National Institute for Higher Education”,
15 Moscow Str., 220007 Minsk, the Republic of Belarus, 375 (29) 211 57 25, wiktoriaumianek@gmail.com

**REFLECTION AND EVALUATION OF THE EVENTS OF THE REVIVAL
OF THE CHURCH UNION IN THE MATERIALS OF THE NEWSPAPER “KRYNICA”
 (“BIAŁORUSKAJA KRYNICA”) IN THE INTERWAR PERIOD**

The article is devoted to the attitude of Belarusian Catholic activists to the process of spreading neounion in the interwar period on the territory of Western Belarus, which was reflected on the pages of the newspaper “Krynica”. The study aims to determine the position held by a particular community in relation to neounion. In order to solve the research problem, the issues of the newspaper “Krynica” presented in the library collection from April 1921 to September 1939 were analyzed. The results of the research showed that Belarusian Catholic activists had a negative attitude to the spread of neo-union. They explained this by the fact that the phenomenon did not satisfy the interests of the Belarusian people, did not bring any religious results and was of a political nature. However, they were positive about the idea of uniting the Orthodox and Catholic Churches.

Key words: neounion; BCD; the newspaper “Krynica”; confessional politics; Western Belarus.

Ref.: 18 titles.

Уводзіны. У міжваенны час на тэрыторыі Заходняй Беларусі адбываўся працэс адраджэння царкоўнай уніі, якая была прынята Берасцейскім саборам у 1596 годзе і скасаваная Полацкім царкоўным саборам у 1839-м. У 1924 годзе біскуп Генрык Пшэздзецкі атрымаў ад Рымскага Папы спецыяльныя паўнамоцтвы па распаўсюджванні неауніі ва ўсходніх ваявод-

ствах Другой Рэчы Паспалітай. Па прапанове Ватыкана да гэтай работы далучыліся і манаскія каталіцкія ордэны — бенедыктынцы, францысканцы, дамініканцы [1, с. 116]. Пазіцыя польскага ўраду не супярэчыла інтарэсам Апостальскай сталіцы, якая на заходнебеларускіх землях перадусім спадзявалася на запасіць досвед, патрэбны для планаванай будучай унійнай працы ў Расіі, і не імкнулася ўзмацняць масавую свядомасць мясцовага насельніцтва [2, с. 432].

Варта разумець, што неаунія на землях Заходняй Беларусі распаўсюджвалася ва ўмовах шматканфесійнага насельніцтва. Дзейнасць уніятаў галоўным чынам была скіравана на канфесійнае перавыхаванне праваслаўных жыхароў. Але апорай уніі ў Заходняй Беларусі былі менавіта беларусы-каталікі, нашчадкі колішніх уніятаў [1, с. 120]. Улічваючы гэтыя акалічнасці, стаўленне да працэсу распаўсюджвання неауніі ў Заходняй Беларусі было неадназначным як з боку Польскай аўтакефальнай праваслаўнай царквы, так і з боку беларускага рыма-каталіцкага духавенства, пазіцыя якога цудоўна адлюстравана на старонках тагачасных друкаваных выданняў.

Матэрыялы і метады даследавання. Даследчую зацікаўленасць для нас уяўляюць публікацыі ў газеце “Кругіца” (“Białoruskaja Kruhica”), якая выдавалася беларускімі каталіцкімі актывістамі партыі «Беларуская хрысціянская дэмакратыя» (далей — БХД). Гэта абумоўлена тым, што ў масе матэрыялаў адлюстроўвалася пазіцыя актывістаў БХД, якія пераважна былі звязаны з колам беларускага рыма-каталіцкага духавенства. Дзякуючы таму, што газета стабільна выходзіла адносна доўгі час, мы можам прасачыць дынаміку стаўлення да неауніі.

Матэрыяламі даследавання сталі нумары газеты “Кругіца” (“Białoruskaja Kruhica; 1917—1940). Выдавецкі орган газеты — БХД. У 1921 годзе газета пазіцыянавала сябе як хрысціянска-дэмакратычная, з 1921 па 1927 год — сялянская газета, у 1927—1939 гадах — палітычная, грамадская і літаратурная газета [3, с. 107]. Яна выходзіла раз на тыдзень, аднак часта канфіскаўвалася ўладамі. У 1926 годзе “Кругіца” была зачынена, замест яе стала выходзіць “Białoruskaja Kruhica” [4, с. 547]. З 1937 года выхад газеты стаў нерэгулярным праз закрыццё яе на пэўны час.

З той прычыны, што выдавецкі орган газеты “Кругіца” — БХД, у якой большая частка кіраўніцтва была прадстаўлена каталіцкімі актывістамі і святарамі, асноўны змест газеты складалі публікацыі аб праблемах Каталіцкага касцёла ў межах міжваеннай Заходняй Беларусі. Але ў газеце выходзілі матэрыялы і пра жыццё і навіны з іншых канфесій. У прыватнасці, маса публіцыстычных матэрыялаў у газеце была прысвечана распаўсюджванню неауніі на тэрыторыі Заходняй Беларусі.

Пры падрыхтоўцы артыкула выкарыстоўваліся агульнанавуковыя (аналіз, сінтэз) і спецыяльныя гістарычныя метады даследавання (кантэнт-аналіз, гісторыка-параўнальны).

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. Прааналізаваўшы публіцыстычныя матэрыялы, у якіх узнімалася тэма неауніі, былі вызначаны наступныя тэматычныя рубрыкі, у якіх акрэсліваецца стаўленне да працэсу адраджэння царкоўнай уніі, яго асаблівасці: 1) унія як тэарэтычны саюз Праваслаўнай царквы і Рыма-каталіцкага касцёла ў Беларусі; 2) унія — чужая для беларусаў з’ява (па меркаванні аўтараў газеты “Кругіца”); 3) выказванне праваслаўных беларускіх дзеячаў на тэму распаўсюджвання неауніі; 4) пазіцыя актывістаў БХД адносна з’яўлення новай царкоўнай уніі.

Унія як тэарэтычны саюз Праваслаўнай царквы і Рыма-каталіцкага касцёла ў Беларусі. У 1921 годзе папулярнай рубрыкай газеты “Кругіца” стала рубрыка «Куток аб уніі», дзе аўтары разважалі аб паяднанні Праваслаўнай царквы і Каталіцкага касцёла [5, с. 2; 6, с. 2; 7, с. 2]. Аўтары былі захоплены гэтай ідэяй і цалкам яе падтрымлівалі. Аднак маленькія публікацыі хутчэй насілі тэарэтычны характар, чым практычны. Аўтары завяралі, што ідэю унію яны падтрымлівалі і будуць падтрымліваць. Яны сцвярджалі і разумелі, што «падзел беларусаў каталікоў і праваслаўных, такія іх узаемныя адносіны, як цяпер, зусім ненармальныя і шкодныя» [8, с. 2]. Трагедыяй актывісты лічылі, што беларусы-каталікі знаходзяцца пад польскім уплывам, а Праваслаўная царква — пад маскоўскім. Унія ж магла, на думку актывістаў, устараніць такое становішча рэлігійных беларусаў. Таксама аўтары газеты ўдакладнілі, што такім чынам меркавалі

адны яны: «Мы беларусы каталікі, асабліва беларускае каталіцкае духавенства. Прощу нас усё польскае духавенства, бо такія нашы планы стаяць упоперак польскаму касцёлу...» [8, с. 2]. Таксама яны бачылі трагедыю ў тым, што паміж польскасцю і каталіцтвам у Заходняй Беларусі часта ставілі знак роўна [8, с. 2]. Але пасля таго, як неаунія стала распаўсюджвацца на тэрыторыі Беларусі, стаўленне аўтараў газеты “Круніца” да з’явы стала ўжо далёка не такім прызным.

Унія — чужая для беларусаў з’ява (па меркаванні аўтараў газеты “Круніца”). Такі тэзіс прасочваўся літаральна ва ўсіх публікацыях, якія выходзілі ў газеце “Круніца” на тэму распаўсюджвання уніі на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў перыяд з 1925 па 1936 год. Сярод шэрагу разваг аўтараў газеты можна вылучыць некалькі падстаў, паводле якіх яны ўсяляк намагаліся прасоўваць думку аб няшчырасці неауніі на тэрыторыі Заходняй Беларусі.

Польскае духавенства. Чужой неаунія, па меркаванні каталіцкіх беларускіх актывістаў, была таму, што за яе рэалізацыю на тэрыторыі Заходняй Беларусі ўзялося польскае каталіцкае духавенства. Так, адзін з аўтараў пісаў, што трагедыя неауніі была ў тым, што да адраджэння уніі спрычыніліся «польскія езуіты» [9, с. 1]. Аўтар тлумачыў гэта тым, што яны пайшлі па лініі польскай традыцыйнай палітыкі, абмінаючы пры гэтым мову і характар беларусаў [9, с. 1]. Варта адзначыць, што арганізацыйна візантыйска-славянскі абрад Каталіцкай царквы не меў уласнай іерархіі і падпарадкоўваўся мясцовым рымска-каталіцкім біскупам. Біскуп Мікалай Чарнецкі, які быў прызначаны ў 1931 годзе апостальскім візітарам парафій усходняга абраду, юрыдычнай улады не меў [1, с. 117]. Таму ў публікацыях часта прасочваўся тэзіс: у справах уніі не павінна быць польскага вышэйшага і ніжэйшага духавенства, якое не хоча слухаць аб патрэбах беларускага народу [10, с. 1]. У сувязі з гэтым, па меркаваннях аўтараў газеты, пераход у унію беларусаў адбываўся з карысных выгод. Да уніі далучаліся або тыя, «што паводзіліся з сваім свяшчэннікам, або тыя, што дзеля розных асабістых мэтай хочучь мець добрую марку ў палякаў, а таксама тыя, хто пабачыў, што прадстаўнікі альбертынскай місіі за духоўныя паслугі бяруць менш грошай, чым праваслаўныя, або зусім не бяруць» [9, с. 1].

Недавер да матываў тых святароў, якія распаўсюджвалі унію. У артыкуле «У справе рэлігійнай уніі» ў 1931 годзе аўтар растлумачыў, чаму няпэўнымі з’яўляюцца матывы распаўсюджвання неауніі на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Небяспеку аўтары бачылі ў тым, што беларусаў-каталікоў палякі лічылі за сваіх, «яны перакананы, што каталіцкі касцёл, будучы ў Польшчы “польскім” касцёлам — хутчэй ці пазней прыцягне беларусаў-каталікоў да польскай культуры і народнасці» [11, с. 1]. Аднак зусім не так было з праваслаўным насельніцтвам. З аднаго боку, там укараніўся ўплыў Расіі, а з другога — існавала нянавіць да Польшчы. Адпаведна, для таго, каб выкараніць гэтыя два чыннікі ў праваслаўных, «трэба ад іх адняць іх фундамент — праваслаўе». Дзеля гэтага былі абраны два кірункі: ужыванне сярод праваслаўных лацінскага абраду і распаўсюджванне непасрэдна неауніі. Аўтар артыкула непакоіўся тым, у якой форме неаунія будзе праводзіцца далей, якія людзі будуць у гэтым задзейнічаны: «Дагэтуль форма была расейская: расейскі абрад, расейская мова і г. д., людзі таксама пераважна расейцы, дык такія расейцы, каторыя знаходзяцца на службе ў палякаў, а такія, як ведама, найгоршыя. Дык справа уніі і для нас беларусаў дагэтуль вельмі прыкрая» [11, с. 1].

Варта адзначыць і публікацыю «Пункты ў справе рэлігійнай уніі» за 1931 год, аўтар якой падпісаўся псеўданімам «Вясковец». У ёй аўтар разгледзеў адносіны вясковых жыхароў да справы неауніі. Так, па меркаванні аўтара, у народзе шмат кажуць пра унію, аднак ён «у справе уніі яшчэ не мае ніякага паняцця» [12, с. 1]. Па меркаванні аўтара, у справе уніі не павінна быць польскага вышэйшага і ніжэйшага духавенства, якое не хоча слухаць аб патрэбах беларускага народу. Таксама аўтар адзначыў недавер вяскоўцаў да езуітаў. Гэты факт ён звязваў з гістарычнай памяццю і прачытаннем раней кніг рускай класікі [12, с. 1].

Распаўсюджванне неауніі з дапамогай камісіі “Pro Russia”. Насцярожвала актывістаў і тое, што унія праводзілася на тэрыторыі Заходняй Беларусі пад загадамі камісіі “Pro Russia”. Аўтар пад псеўданімам «Вясковец» перакананы, што свядомыя беларусы баяліся не толькі паланізацыі, але і русіфікацыі. Ён зрабіў выснову, што ў Рыме Беларусь не прызнавалі, калі дзейнасць адбывалася пад такой назвай. Аўтар перакананы, што становішча было б

не такое жахлівае, калі б пад мэтавую аўдыторыю траплялі рускія, але пад гэта траплялі і беларусы, і ўкраінцы [10, с. 1].

Выказванне праваслаўных беларускіх дзеячаў на тэму распаўсюджвання неауніі. У 1930 годзе на старонках “Кгупіса” праваслаўнае жыццё ў Заходняй Беларусі сталі рэгулярна асвятляць і ўласныя праваслаўныя аўтары. Гэта звязана з тым, што пасля 1926 года газета пашырыла сваю аўдыторыю: цяпер гэта былі не толькі каталікі, але і праваслаўныя Заходняй Беларусі [13, с. 1]. Так, аўтары пісалі пад псеўданімамі «Праваслаўны беларус», «Міранін-беларус», «Праваслаўны дзеяч». Тэмы, на якія былі гэтыя матэрыялы: беларусізацыя рэлігійнага жыцця, магчымасць аб’яднання царквы і касцёла, шкода неауніі для беларускага грамадства. У гэтым плане беларускія каталіцкія і праваслаўныя актывісты аказаліся салідарныя.

Праваслаўны дзеяч тлумачыць пераход праваслаўных у неаунію наступным чынам: «Праваслаўная царква на нашых землях апанавана чужынцамі, таму людзі, ратуючыся, пераходзяць у унію» [14, с. 1]. Аўтар пісаў, што, на думку свядомых беларусаў, лепшым сродкам ратавання беларускасці ў рэлігійным жыцці з’яўляўся пераход у унію. Дзеля гэтага аўтар заклікаў пачаць рашучае змаганне ўнутры Праваслаўнай царквы, бо, па-першае, унія ў Польшчы заўжды была залежнай ад польскага ўраду, па-другое, яна была залежная ад польскіх біскупаў; па-трэцяе, ён меркаваў, што хоць і казалі, што за прыхільнікаў усходняга абраду заступіўся Рым, аднак ён мала звяртаў увагі на нацыянальныя імкненні кожнага народу. Прынамсі, пакуль Беларусь не атрымае незалежнасць, Рым аб ёй клапаціцца не збіраўся [14, с. 1].

Пазіцыя актывістаў БХД адносна з’яўлення новай царкоўнай уніі. У другой палове 1920 — першай палове 1930-х гадоў побач з крытыкай неауніі ў газеце “Кгупіса” з’яўляліся матэрыялы і аб тым, як, на погляд аўтараў, трэба было б правільна здзейсніць саюз царквы і касцёла на тэрыторыі Заходняй Беларусі:

1) стварэнне беларускага ўніяцкага біскупства. Каталіцкія актывісты лічылі, што біскупы мусілі быць незалежнымі ад польскіх біскупаў, а залежнымі мусілі быць ад Апостальскай сталіцы [10, с. 1]. Біскуп мусіў мець пад сваім загадам парафіі, духавенства і семінарыю. На думку каталіцкіх беларускіх актывістаў, ідэальны варыянт уніі — гэта злучэнне каталікоў і праваслаўных пад кіраўніцтвам Папы Рымскага [15, с. 1];

2) беларускае духавенства. З той прычыны, што, па меркаванні аўтараў, польскім святарам беларускі народ не давяраў, яны былі перакананы, што працу мусіла рабіць беларускае духавенства, тады народ мог бы за імі пайсці [12, с. 1];

3) унія мусіла стаць рэлігійным праектам, а не палітычным, якім, на думку актывістаў і аўтараў, і з’яўлялася неаунія.

У кантэксце прадстаўленага даследавання асобна звернем увагу на аспект асвятлення падзей, звязаных з неауніяй. На старонках газеты сустракаліся матэрыялы, у якіх асвятляўся працэс распаўсюджвання неауніі, вынікі ўніі канферэнцый біскупаў. Такія артыкулы маглі як суправаджацца каментарыямі аўтараў, так і падавацца як простая інфармацыя [16, с. 2; 17, с. 1; 18, с. 2].

Заклучэнне. Прааналізаваўшы публіцыстычныя матэрыялы, прысвечаныя працэсу адраджэння царкоўнай уніі, можна вызначыць наступныя асаблівасці стаўлення да яго грамадскіх актывістаў з кола газеты “Кгупіса”:

1) у 1921 годзе панавалі ідэалістычныя ўяўленні аб царкоўнай уніі. Па меркаванні аўтараў, на той час аб’яднанне царквы магло б вырашыць шэраг нацыянальных пытанняў, згуртаваўшы беларускі народ на адной канфесійнай глебе;

2) з таго моманту, як адраджэнне царкоўнай уніі станавілася рэальнасцю, стаўленне да яе на старонках газеты “Кгупіса” рэзка мяняецца ў негатыўны бок. Агульнае стаўленне можна сфармуляваць тэзісам «Унія — чужая для беларусаў з’ява». Прычына гэтаму — прысутнасць польскага элемента ў царкоўных структурах грэка-каталіцкай царквы і недавер да духавенства, якое рэалізоўвала неаунію;

3) негатыўнае стаўленне да неауніі — рэдкі выпадак, калі пазіцыя каталіцкіх і праваслаўных актывістаў беларускага нацыянальнага руху супала.

Спіс цытаваных крыніц

1. *Загідулін, А. М.* Беларускае пытанне ў польскай нацыянальнай і канфесійнай палітыцы ў Заходняй Беларусі (1921—1939 гг.) / А. М. Загідулін. — Гродна : ГрДУ, 2010. — 183 с.
2. *Турунак, Ю.* Мадэрная гісторыя Беларусі / Ю. Турунак. — Вільня : Ін-т беларусістыкі, 2008. — 882 с.
3. *Говін, С. В.* Канфесійны друк у Беларусі / С. В. Говін. — Мінск : Беларус. дзярж. ун-т, 2008. — 287 с.
4. *Станкевіч, А.* З Богам да Беларусі / А. Станкевіч. — Вільня : Ін-т беларусістыкі, 2008. — 1097 с.
5. *Крыніца.* — 1921. — № 29.
6. *Крыніца.* — 1921. — № 27.
7. *Крыніца.* — 1921. — № 23.
8. *Крыніца.* — 1921. — № 16.
9. *Białoruskaja Krynica.* — 1927. — № 34.
10. *Białoruskaja Krynica.* — 1931. — № 34.
11. *Białoruskaja Krynica.* — 1931. — № 17.
12. *Białoruskaja Krynica.* — 1931. — № 34.
13. *Białoruskaja Krynica.* — 1926. — № 1.
14. *Białoruskaja Krynica.* — 1932. — № 36.
15. *Białoruskaja Krynica.* — 1929. — № 11.
16. *Białoruskaja Krynica.* — 1931. — № 27.
17. *Białoruskaja Krynica.* — 1933. — № 20.
18. *Białoruskaja Krynica.* — 1933. — № 27.

Паступіў у рэдакцыю 27.09.2021.

УДК 94(476)«1953–1964»

С. А. Елизаров, доктор исторических наук, профессорУчреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого»,
пр-т Октября, 48, 246746 Гомель, Республика Беларусь, +375 (29) 735 29 98, sergeyelisarov@mail.ru

ПРЕДСЕДАТЕЛИ МЕСТНЫХ ИСПОЛКОМОВ БССР 1953—1964 ГОДОВ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, КАЧЕСТВЕННЫЙ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ

В статье в исторической динамике представлены качественные характеристики руководителей местной вертикали органов государственной власти и управления — председателей исполкомов областных, районных и городских Советов депутатов трудящихся БССР в 1953—1964 годах. Отмечается, что мобильность состава председателей исполкомов носила ситуативный характер и во многом определялась линией на реорганизацию административно-территориального устройства республики: высшие точки этой мобильности были связаны с массовыми сокращениями областей и районов. Смены председателей облисполкомов преимущественно были вызваны их переходом на более высокую должность, председателей рай/горисполкомов — до 1957 года — негативными моментами (не справился с работой, скомпрометировал себя), 1958 — позитивными (повышение, перевод на аналогичную должность, учеба). Сменяемость председателей исполкомов проходила исключительно в среде номенклатурных кадров. Значительно возрос уровень образования председателей исполкомов БССР, однако остро ощущался дефицит людей со специализированным высшим образованием: для райисполкомов — сельскохозяйственным, для горисполкомов — техническим. Отсутствие теоретических знаний в области управления в исследуемый период в определенной степени нивелировалось обучением в системе партийного просвещения.

Ключевые слова: Белорусская ССР; кадровая политика; область; район; Советы; исполнительные комитеты; председатели.

Библиогр.: 25 назв.

S. A. Elizarov, Doctor of Historical Sciences, Professor

Educational institution “Sukhoi State Technical University of Gomel”,

48 Octiabria Ave., 246746 Gomel, the Republic of Belarus, +375 (29) 735 29 98, sergeyelisarov@mail.ru

CHAIRMEN OF LOCAL EXECUTIVE COMMITTEES OF THE BSSR 1953—1964: MAIN TRENDS, QUALITATIVE AND QUANTITATIVE COMPOSITION

The article presents in historical dynamics the qualitative characteristics of the heads of the local vertical of public authorities and management — the chairmen of the executive committees of regional, district and city Soviets of workers' deputies in 1953—1964. It is noted that the mobility of the composition of the chairmen of executive committees in the BSSR was situational in nature and was largely determined by the line for the reorganization of the administrative-territorial structure of the republic: the highest points of this mobility were associated with massive reductions of regions and districts. The changes of the chairmen of the regional executive committees were mainly caused by their transition to a higher position, the chairmen of the district/city executive committees — until 1957 — negative moments (failed to cope with the work, compromised himself), 1958 — positive (promotion, transfer to a similar position, study). The succession of the chairmen of the executive committees took place exclusively among the nomenclature staff. The level of education of the chairmen of the executive committees of the BSSR has significantly increased, but there was an acute shortage of people with specialized higher education: for district executive committees — agricultural, for city executive committees — technical. The lack of theoretical knowledge in the field of management in the period under study was offset to a certain extent by training in the system of party education.

Key words: Belorussian SSR; personnel policy; region; district; Soviets; executive committees; chairmen.

Ref.: 25 titles.

Введение. Среди руководителей органов государственной власти и управления высший эшелон местной вертикали власти и управления составляли председатели областных, районных и городских исполкомов. Эти должности всегда находились под пристальным контролем

партийных чиновников, так как, с одной стороны, именно от их умений, навыков, компетенций, инициативы зависело выполнение всех стратегических и тактических целей и задач развития советского общества. С другой стороны, они обеспечивали обратную связь местного звена власти и управления с союзными и республиканскими центрами принятия решений. Вполне уместным является утверждение известного американского специалиста по советской истории Р. В. Даниелса о том, что «любая бюрократическая организация не может функционировать исключительно сверху вниз; средства воздействия: информация, советы, рекомендации, проблемы, жалобы — все они должны направляться вверх, иначе высшее руководство не сумеет принять обоснованного решения, от которого зависит жизнь всей организации» [1, с. 361].

Вопросам кадровой политики в советской историографии было посвящено множество работ, в которых демонстрировались научность этой политики, ее приверженность принципам марксизма-ленинизма, преемственность и новаторство, исторические преимущества перед западными практиками, успешность реализации всех поставленных компартией задач в области подготовки, подбора, расстановки руководящих работников. Если и отмечались некоторые недостатки и трудности, то вслед за этим приводился материал, подтверждающий их успешное преодоление [2—4]. Типичным примером в белорусской советской историографии являются работы А. В. Люцко [5; 6].

В современных исследованиях исторического опыта кадровой политики в СССР упор делается на анализ номенклатурного механизма. Прежде всего это заметно по российской историографии, где появляется все больше работ, посвященных ее региональным проявлениям [7—9]. Однако при этом внимание российских историков сосредоточено главным образом на довоенном периоде, лишь единичные работы затрагивают временной отрезок с 1953 по 1964 год [10; 11].

В постсоветской белорусской историографии специальные работы, посвященные анализу состояния руководящих кадров (и не только местного уровня) в послевоенный период, отсутствуют. В разной степени (чаще всего сугубо фрагментарно) эти вопросы представлены лишь при исследовании конкретных вопросов социально-экономического развития БССР в 1945—1991 годах [12; 13].

В связи с этим в представленной статье автор сделал попытку рассмотреть в динамике качественный состав председателей областных, районных и городских исполкомов, выявить основные тенденции его изменения в годы «хрущевского десятилетия».

Материалы и методы исследования. Автор в исследовании придерживался принципов системности, историзма и холизма. В качестве основных использованы традиционные общенаучные и конкретно-исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный). Источниковую основу статьи составляют материалы Национального архива Республики Беларусь.

Результаты исследования и их обсуждение. Избранный в сентябре 1953 года Первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущев был безоговорочным приверженцем социалистического пути развития в его советском варианте, а все существующие проблемы в СССР считал следствием несовершенства системы управления и дефицита кадров профессиональных руководителей. В своем представлении и представлении своих единомышленников в высшем партийно-советском руководстве о путях развития советского общества, формализованных в различного рода решениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР, Н. С. Хрущев решающую роль отводил организационному фактору, в том числе сокращению и удешевлению аппарата управления при одновременном кадровом укреплении его низового (уровень промышленного или сельскохозяйственного предприятия, сельсовета) и среднего (уровень районный, городской и областной) звеньев.

Председатели исполкомов областных Советов депутатов трудящихся (облисполкомов). На 1 января 1953 года в БССР все председатели 12 облисполкомов были коммунистами, причем десять из них — с довоенным партстажем. Средний возраст составлял 50 лет, абсолютное

большинство (девять) — белорусы. Уровень образования председателей облисполкомов был относительно невысок: всего трое имели высшее образование, а один — даже низшее. Сохранялась тенденция первых послевоенных лет, когда для занятия такой должности важнее был не уровень образования, а стаж руководящей работы — все председатели облисполкомов имели такой стаж более 10 лет, в том числе десять — более 15 лет. Их кадровый состав в первое послевоенное десятилетие отличался стабильностью: трое работали в должности от 2 до 5 лет, а семь — от 5 до 10 лет [14, л. 107].

На 1 января 1962 года из шести председателей облисполкомов все были мужчинами-коммунистами в возрасте от 41 года до 50 лет, вступившими в компартию в основном в годы Великой Отечественной войны. Все они уже имели высшее образование, а четверо — еще и высшее партийное. К этому времени произошло существенное обновление состава председателей облисполкомов: четверо занимали эту должность менее 3 лет, при этом трое имели стаж руководящей работы в сфере госуправления менее 3 лет. Тем не менее, как и в прежние годы, все они были людьми с большим управленческим опытом (более 15 лет) [15, л. 167].

Сменяемость председателей облисполкомов в 1953—1962 годах (до разделения облисполкомов на промышленные и сельские) автор считает целесообразным рассматривать применительно к семи областям (Брестская, Витебская, Гомельская, Гродненская, Минская, Могилевская и Молодечненская), сохранившимся после областной реорганизации 1954 года. За 1953—1962 годы в Гродненской области сменился один председатель облисполкома, в Брестской, Могилевской и Молодечненской — по два, в Гомельской, Витебской и Минской — по три. Заметно, что интенсивность смены советских руководителей областей оказалась выше, чем в первое послевоенное десятилетие. Из закончивших работу в качестве председателей облисполкомов в 1953—1964 годах наиболее продолжительное время занимали свою должность председатели Гродненского (И. С. Кононович — с 1951 по 1961 год) и Могилевского (Я. А. Жилянин — с 1949 по 1959 год) облисполкомов. С другой стороны, менее двух лет работали председателями облисполкомов Ф. А. Сурганов (Минский облисполком), П. А. Лознев (Витебский), В. Г. Доркин (Молодечненский).

Главный мотив замены председателей белорусских облисполкомов в этот период — перевод на руководящую партийную работу. Для многих должности председателей облисполкомов служили необходимой ступенью к более престижной и значимой партийной карьере: председательство в облисполкоме означало, что человек знаком с советской работой и может руководить крупным регионом уже по партийной линии со знанием и опытом решения конкретных социально-экономических вопросов.

Для этого периода можно выделить две модели служебной карьеры председателей исполкомов, которые наиболее наглядно проявлялись среди председателей облисполкомов.

Первая — самая распространенная в 1953—1964 годах — «партийная», где должность председателя облисполкома была лишь «ступенью» для продвижения по партийной линии. Например, служебные карьеры И. Е. Полякова, Ф. А. Сурганова и В. Е. Лобанка, работавших в основном в партийном аппарате, кратковременно — председателями облисполкомов, а закончивших свои служебные карьеры на почетных, но маловлиятельных должностях Председателя Президиума Верховного Совета БССР или его заместителей. И. Е. Поляков после Великой Отечественной войны последовательно возглавлял Гомельский и Минский обкомы комсомола, Витебский горком и Речицкий райком КПБ, недолго (1956—1957) был председателем Гомельского облисполкома, после чего возглавлял Гомельский и Минский обкомы КПБ. Ф. А. Сурганов после Великой Отечественной войны работал в аппарате ЦК КП(б)Б, был вторым секретарем Минского обкома КПБ, также на короткое время (1954—1955) занял должность председателя Минского облисполкома, откуда перешел на работу первого секретаря Минского обкома КПБ, затем — секретаря, второго секретаря ЦК КПБ. Известный руководитель партизанского движения В. Е. Лобанок последовательно занимал должности председателя Полоцкого облисполкома (1944—1946), второго и первого секретаря Полесского

обкома КПБ, председателя Гомельского облисполкома (1954—1956), первого секретаря Витебского обкома КПБ.

Вторая — менее распространенная модель — «советская», когда люди связали свою судьбу исключительно с работой на советских должностях. Пример — Н. П. Абраменко. До войны он работал в аппарате СНК БССР, после войны — председателем Гомельского (1945—1952) и Минского (1952—1954) облисполкомов, затем министром промышленности мясных и молочных продуктов БССР, председателем Белорусского республиканского Союза потребителей обществ. Похожая служебная биография была у И. М. Кардовича (председатель Могилевского и Витебского облисполкомов), П. А. Левицкого (председатель Могилевского облисполкома), П. Ф. Борисова (председатель Брестского облисполкома).

Председатели исполкомов районных и городских Советов депутатов трудящихся (рай/горисполкомов). В исследуемый период степень их мобильности была выше, чем у председателей облисполкомов. После некоторого спада в 1950—1952 годах она с 18,9 % в 1952 году резко выросла до 30,5 % в 1953-м [14, л. 10—11; 16, л. 45—46]. Это вполне объяснимо: серьезные перемены в высшем союзном партийно-советском руководстве традиционно приводили к перестановкам кадров сверху донизу, в данном случае — своеобразной массовой чистке аппарата от «сталинских выдвиженцев». Однако пиковые значения сменяемости председателей рай/горисполкомов пришлось на годы наиболее интенсивных районных административно-территориальных реорганизаций: в 1959 году при ликвидации 14 районов сменилось 38,7 % председателей, в 1960-м — 15 и 42,4 % соответственно, с марта 1962 по март 1963 года — 54 и 54,7 %. В результате происходил процесс массовых замен и перемещений руководителей не только ликвидированных районов, но и укрупненных. В обычных же условиях, при отсутствии значительных административно-территориальных перемен, среднегодовая сменяемость председателей рай/горисполкомов составляла около 25,0 %, что в целом соответствовало показателям конца 1940-х — начала 1950-х годов.

Меняется вектор официального обоснования замены глав районов и городов: первоначально (до 1957 года) доминировали формулировки негативного характера (не справился с работой, скомпрометировал себя). Так, по итогам 1955 года 41,5 % потерявших должности председателей рай/горисполкомов были сняты с должности с такими формулировками. В 1957 году причины негативного характера все еще преобладают, но крайне незначительно, фактически устанавливается равенство [17, л. 22, 38]. А с конца 1950-х годов позитивные обоснования изменений в составе председателей рай/горисполкомов значительно преобладают: «сталинские кадры» утратили свои позиции на региональном уровне, на смену им пришли «хрущевские выдвиженцы». Так, в 1960 году 80,4 % председателей рай/горисполкомов были освобождены от своих должностей с «позитивными» формулировками (выдвижение на большую работу, направление на укрепление отстающих участков работы, на аналогичные должности, на учебу). В 1961 году эта цифра была гораздо скромнее (47,7 %), тем не менее почти в два раза превышали негативные моменты (22,7 %) [18, л. 15, 19]. С марта 1962 по март 1963 года позитивные моменты замены составили 58,8 % против 3,5 % негативных [19, л. 163, 177].

В исследуемый период (по мнению автора) главным образом происходило перемещение работников по вертикали. Во-первых, на своей должности до года работали в 1953 году 30,4 % председателей рай/горисполкомов, в 1959-м — 38,9 %, в 1961-м — 24,2 %, в 1962—1963 годах — 75,5 % [15, л. 169; 16, л. 44—45; 19, л. 163; 20, л. 193]. Однако этот показатель однозначно нельзя отнести к реальному обновлению кадров, т. е. появлению на должности людей, ранее занимавших иные (не обязательно более низкие) должности.

Скорректировать эти цифры могут показатели наличия стажа работы на должностях председателей рай/горисполкомов без привязки к конкретному исполкому. На 1 января 1954 года стаж работы до двух лет в должности председателя рай/горисполкома имели 48,2 %, до трех лет на 1 января 1958 года — 49,0 %, на 1 января 1960-го — 60,0 %, на 1 января 1962-го — 59,2 %, на 1 апреля 1963-го — 68,8 % [15, л. 169Ф; 16, л. 45, 46; 19, л. 163, 177; 20, л. 193; 21, л. 18].

Таким образом, вполне можно утверждать, что показатель реального обновления председательского корпуса в среднем за трехлетний цикл составил в 1950-е годы около 50 %, в начале 1960-х — от 60 до 70 %. При применении подобной методики анализа статистики председателей рай/горисполкомов, имевших пятилетний стаж работы в этой должности, можно считать пятилетний показатель появления новых людей на должностях председателей для 1950-х годов в пределах 65—70 %, а для начала 1960-х — 80—90 %.

Пополнение рядов председателей рай/горисполкомов происходило за счет лиц, входивших в номенклатурные списки, начиная с районных и городских, и уже имевших большой опыт руководящей или ответственной работы (в 1953 году стаж такой работы более 5 лет имели 93,8 %, в 1958-м — 98,8 %, в 1960—1963 годах — 100,0 % председателей рай/горисполкомов) [15, л. 169; 16, л. 45, 46; 19, л. 163, 177; 20, л. 193].

Это подтверждают также результаты выборов в местные Советы депутатов трудящихся. По итогам выборов 1961 года все председатели сельских райисполкомов уже работали либо в этой должности до выборов (92,3 %), либо на иной руководящей партийной или советской работе (7,7 %) [22, с. 62]. Не изменилась ситуация и после выборов 1963 года: показатели составили 95,8 и 4,2 % соответственно [23, с. 85].

Среди председателей рай/горисполкомов в исследуемый период фиксируется значительный рост уровня образования (прежде всего высшего): лица с высшим образованием на 1 апреля 1963 года составили 96,8 % (а вместе с незаконченным высшим — 98,1 %), тогда как на 1 января 1954-го — 8,1 и 52,3 % соответственно. При этом, несмотря на радикальное сокращение должностей председателей рай/горисполкомов (на 1 января их было занято 197, на 1 апреля 1963 года — 77), наблюдается рост образовательного уровня и в абсолютном выражении: на 1 января 1954 года было 16 председателей с высшим образованием, а на 1 апреля 1963-го — 92. На 1 апреля 1963 года не осталось ни одного председателя рай/горисполкомов с низшим (в 1954 году их было 16 человек, или 8,1 %) и незаконченным средним (в 1954 году 19 и 9,6 % соответственно) образованием [16, л. 45, 46; 19, л. 163, 177].

Если за исследуемый период удалось решить проблему получения высшего образования председателями рай/горисполкомов, то актуализируется другая, не менее значимая проблема: полученная в результате вузовского обучения специальность. Среди председателей сельских райисполкомов БССР как в 1953-м, так и в 1963 году заметен дефицит специалистов сельского хозяйства. На 1 января 1954 года из 172 председателей сельских райисполкомов только двое имели высшее образование по специальности «агроном, зоотехник», еще один — «инженер» при девяти педагогах. И в 1963 году ситуация не изменилась: среди 77 председателей не оказалось ни одного, имевшего высшее сельскохозяйственное образование, всего два — инженерное, зато было 18 педагогов и 44, получивших «другие специальности» (без расшифровки).

Правда, после очередной реорганизации системы управления сельским хозяйством и созданием в апреле 1962 года территориальных производственных колхозно-совхозных управлений — ТПКСУ (с декабря 1962-го — производственные колхозно-совхозные управления — ПКСУ) временно приоритеты изменились. Так, ТПКСУ, получившие широкие полномочия в области сельскохозяйственного производства, функционировали автономно от райисполкомов и фактически отстранили последние от решения сельскохозяйственных проблем. В связи с этим актуальнее стало наличие сельскохозяйственного образования прежде всего у начальников ТПКСУ (ПКСУ). Здесь был заметный прогресс: если на 1 октября 1962 года высшее сельскохозяйственное образование имели 38,3 % начальников ТПКСУ, то на 1 октября 1964-го — уже 54,5 % [24, л. 80; 25, л. 1].

Проблема повышения уровня управленческой квалификации местных руководителей с конца 1940-х годов в определенной мере нивелировалась обучением в системе партийно-политического образования: в Москве это Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б) — КПСС, в БССР — республиканская и областные партшколы с двумя факультетами — партийным и советским. Получение высшего партийно-политического образования все более превра-

щается в необходимое условие занятия руководящих должностей и успешной служебной карьеры. В результате, если на 1 января 1954 года его имели около 1 % председателей рай/горисполкомов, то на 1 апреля 1963-го — уже 55,6 % [16, л. 45, 46; 19, л. 163, 177].

Заключение. В 1953—1964 годах вся официальная кадровая политика в СССР и БССР была подчинена задачам сокращения управленческого аппарата, его удешевления, переброски специалистов из административно-управленческих органов непосредственно на производство. По советской линии проводить ее на местах должны были в областях председатели исполкомов областных, районных и городских Советов депутатов трудящихся.

Мобильность состава председателей исполкомов в БССР носила ситуативный характер и во-многом определялась линией на реорганизацию административно-территориального устройства республики: высшие точки этой мобильности были связаны с массовыми сокращениями административно-территориальных единиц прежде всего районов.

Замены председателей облисполкомов в этот период главным образом были связаны с их дальнейшим карьерным ростом либо в партийном, либо в советском аппарате. Если среди официальных причин замены председателей рай/горисполкомов в 1953—1956 годах доминировали негативные моменты (не справился с работой, скомпрометировал себя), то в дальнейшем ведущее положение занимают уже позитивные (повышение в должности, перевод на аналогичную должность, учеба).

Сменяемость председателей исполкомов осуществлялась исключительно в среде номенклатурных кадров. Несмотря на всю критику «номенклатурного кругооборота», в реальной практике это было явление неизбежное: номенклатурное прошлое и настоящее свидетельствовали о наличии значительного опыта управленческой деятельности и последовательного прохождения нижестоящих управленческих должностей, что служило в советских реалиях обязательным условием занятия должностей председателей исполкомов.

Значительно возрос уровень образования председателей исполкомов БССР: к началу 1963 года практически все они имели высшее образование. Однако, учитывая, что на председателях замыкалось решение многих конкретных производственных проблем как регионов, так и отдельных субъектов хозяйствования, остро ощущался дефицит людей со специализированным высшим образованием: для райисполкомов — сельскохозяйственным, для горисполкомов — техническим. Отсутствие теоретических знаний в области управления в исследуемый период в определенной степени нивелировалось обучением в системе партийного просвещения (всесоюзная, республиканская и областные партийные школы).

Статья подготовлена в рамках выполнения задания государственных программ научных исследований на 2021—2025 годы.

Список цитированных источников

1. *Даниелс, Р. В.* Взлет и падение коммунизма в России / Р. В. Даниелс. — М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2011. — 510 с.
2. *Лебин, Б. Д.* Кадры аппарата управления в СССР / Б. Д. Лебин, М. Н. Перфильев. — Л. : Наука, 1970. — 252 с.
3. *Пронин, И. И.* Руководящие кадры: подбор, расстановка и воспитание / И. И. Пронин. — М. : Мысль, 1981. — 224 с.
4. *Разумов, Е. З.* Проблемы кадровой политики КПСС / Е. З. Разумов. — М. : Политиздат, 1983. — 193 с.
5. *Люцко, А. В.* Деятельность КПБ по подбору, воспитанию и расстановке руководящих кадров (1943—1945) / А. В. Люцко. — Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1973. — 159 с.
6. *Люцко, А. В.* Деятельность КПБ по подбору, воспитанию и расстановке руководящих кадров, 1946—1950 гг. / А. В. Люцко. — Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1975. — 174 с.
7. *Карелин, Е. Г.* Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917—1937 гг.) / Е. Г. Карелин. — М. : Полит. энцикл., 2014. — 422 с.

8. *Туфанов, Е. В.* Кадры региональных управленцев в 1920—1930-е гг.: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа) / Е. В. Туфанов. — Ставрополь : ОООИД ТЭСЭРА, 2018. — 206 с.
9. *Чистиков, А. Н.* Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов / А. Н. Чистиков. — СПб. : Европ. Дом, 2007. — 294 с.
10. *Мохов, В. П.* Региональная политическая элита России (1945—1991 гг.) / В. П. Мохов. — Пермь : Перм. книж. изд-во, 2003. — 240 с.
11. *Коновалов, А. Б.* Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945—1991) / А. Б. Коновалов. — Кемерово : Кузбассвуиздат, 2006. — 635 с.
12. *Тимофеев, Р. В.* Транспорт Белорусской ССР в социально-экономическом развитии общества (конец 1943—1991 год) / Р. В. Тимофеев. — Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2013. — 400 с.
13. *Смяховіч, М. У.* Сельская гаспадарка Беларусі ў 1943—1991 гадах: этапы развіцця, дасягненні, вопыт / М. У. Смяховіч. — Мінск : Беларус. навука, 2017. — 438 с.
14. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4п. Оп. 109. Д. 32.
15. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4п. Оп. 109. Д. 62.
16. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4п. Оп. 109. Д. 38.
17. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4п. Оп. 109. Д. 46.
18. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4п. Оп. 109. Д. 64.
19. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4п. Оп. 109. Д. 65.
20. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4п. Оп. 109. Д. 59.
21. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4п. Оп. 109. Д. 53.
22. Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся Белорусской ССР, 1961 г. — Минск : Беларусь, 1962. — 81 с.
23. Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся Белорусской ССР, 1963 г. — Минск : Беларусь, 1963. — 108 с.
24. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4п. Оп. 109. Д. 63.
25. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4п. Оп. 109. Д. 70.

Поступила в редакцию 25.01.2022.

УДК 271.2(476)

Л. І. Ермаковіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», вул. Войкава, 21,
225404 Баранавічы, Рэспубліка Беларусь, +375 (29) 182 47 45, leonid.ermakovich@bk.ru

ПРАВАСЛАЎНЫЯ БРАЦТВЫ НА БЕЛАРУСІ

У артыкуле разглядаецца дзейнасць праваслаўных брацтваў на тэрыторыі Беларусі ў XVI — пачатку XX стагоддзя. На канкрэтным гістарычным фоне высвятляюцца прычыны іх узнікнення, сацыяльны склад, арганізацыйная структура, мэты, накірункі дзейнасці і іх змест. Асаблівы акцэнт зроблены на асвятленне і аналіз адукацыйнай дзейнасці праваслаўных брацтваў як галоўнага сродка павышэння царкоўна-рэлігійнай культуры праваслаўнага святарства і праваслаўнай паствы, тэалагічнай распрацоўкі і абгрунтавання хрысціянскага веравучэння ў яго праваслаўнай форме, супрацьстаяння ідэалагічнаму наступу на праваслаўную веру з боку Рымска-каталіцкай і ўніяцкай царквы, што дазволіла беларускаму народу пазбегнуць дэнацыяналізацыі і працягваць сваё існаванне ў геаграфічнай і гістарычнай прасторы. Высвятляюцца прычыны заняпаду праваслаўных брацтваў у XVIII стагоддзі і іх адраджэння ў апошній трэці XIX стагоддзя. Разглядаюцца асаблівасці дзейнасці брацтваў у апошні перыяд іх існавання.

Ключавыя словы: праваслаўе; святарства; праваслаўныя брацтвы; братчыкі; брацкія школы; каталіцтва; езуіты; уніяцтва.

Бібліягр.: 10 назв.

L. I. Ermakovich, PhD in History, Associate Professor
Educational institution “Baranovich State University”, 21 Voikova Str., 225404 Baranovich,
the Republic of Belarus, +375 (29) 182 47 45, leonid.ermakovich@bk.ru

ORTHODOX BROTHERHOODS IN BELARUS

The article deals with the activities of Orthodox brotherhoods in Belarus in the XVI — early XX centuries. The causes of their occurrence, social composition, organizational structure, goals and directions of their activities and their content are revealed in a specific historical context. Particular emphasis has been placed on the review and analysis of the educational activities of the Orthodox brotherhoods as the main means of increasing the church and religious culture of the Orthodox priesthood and the Orthodox flock, the theoretical development and justification of the Christian dogma in its Orthodox form, and opposition to the ideological attack on the Orthodox faith by the Roman Catholic and Uniate Church, that allowed the Belarusian people to avoid denationalization and continue their existence in the geographical and historical space. The reasons for the decline of Orthodox brotherhoods in the XVIII century and their revival in the last third of the XIX century are explained. The features of the activities of the brotherhoods in the last period of their existence are considered.

Key words: Orthodoxy; priesthood; Orthodox brotherhoods; brotherhood members; brotherhood schools; Catholicism; the Jesuits; the Greek-Catholic Church.

Ref.: 10 titles.

Уводзіны. У жыцці кожнага народа адбываюцца падзеі, якія прадвызначаюць шлях яго гістарычнага развіцця, закладваюць матрыцу яго духоўнага вобліку, асаблівасці светаразумення і самаўспрымання. Адною з такіх эпахальных падзей у гісторыі беларускага народа стаў пераход ад паганскай да хрысціянскай веры ў праваслаўнай форме, які суправаджаўся глыбокімі зрухамі ў духоўным жыцці і іншых сферах жыцця грамадства — сацыяльнай, палітычнай, эканамічнай.

Аднак, пачынаючы з канца XIV стагоддзя, у сувязі з унутры- і знешнепалітычнымі абставінамі, аб якіх гаворка пойдзе ніжэй, адбываецца паступовы і няўхільны працэс перафармацыі духоўнага жыцця беларускага народа на аснове прымусовага насаджэння рымска-

каталіцкай, а з другой паловы XVI стагоддзя — і ўніяцкай (грэка-каталіцкай) веры. Гэта вымушала праваслаўных вернікаў да арганізацыйнага згуртавання як для самападтрымкі і ўзмацнення ўпэўненасці ў сваіх поглядах і сілах, так і для больш паспяховага пераадолення супраціву апанентаў з каталіцкага і ўніяцкага лагераў.

Важнейшай арганізацыйнай формай яднання прыхільнікаў праваслаўя дзеля захавання сваёй рэлігійнай і этнічнай ідэнтычнасці, акрамя непасрэдна афіцыйнай царкоўнай іерархіі, сталі праваслаўныя брацтвы, чыя дзейнасць мела шматгранны характар і свае адметныя асаблівасці ў розныя гістарычныя перыяды. Аднак гэта дзейнасць з улікам канкрэтна-гістарычных абставін даследавана яшчэ недастаткова. Аўтар дадзенага артыкула паставіў задачу ў некаторай ступені запоўніць адзначаны прабел.

Матэрыялы і метады даследавання. Матэрыялам даследавання выступаюць дакументальныя крыніцы, якія рэгламентавалі рознабаковую дзейнасць праваслаўных брацтваў у розныя гістарычныя перыяды, а таксама навуковая літаратура ў кантэксце разглядаемай праблематыкі. Метадалагічную аснову даследавання складае дыялектычная тэорыя пазнання і заснаваныя на ёй агульнанавуковыя і прыватна-навуковыя метады даследавання: гістарычны, фармальна-лагічны, сістэмнага і комплекснага аналізу.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. Прычыны ўзнікнення і дзейнасць праваслаўных брацтваў нельга раглядаць без уліку гістарычнага кантэксту, якому ў розныя часы былі ўласцівы пэўныя палітычныя, сацыяльныя-эканамічныя і культурныя асаблівасці. Правобразам будучых брацтваў, якія з'явіліся на Беларусі ў XVI стагоддзі, стала братчына ў г. Полацку, вядомая з 1159 года, і віленскія мядовыя брацтвы, якія сыцілі мёд (гатавалі мядовыя напоі да рэлігійных святаў), апекавалі бедных, хворых, удоў, сірот і ўбогіх, клапаціліся аб убранні царквы [1, с. 110]. Такім чынам, дзейнасць братчын першапачаткова мела пераважна дабрачынны характар і з'яўлялася адлюстраваннем і працягам старажытных традыцый узаемапагадлівых адносін нашых продкаў, якія сфарміраваліся пад уплывам суровых прыродных, сацыяльных і штодзённых жыццёвых абставін. Але гэтыя старажытныя традыцыі ў XII стагоддзі атрымалі ўпершыню ідэалагічнае абгрунтаванне з пазіцыі хрысціянскага веравучэння. Важную ролю ў гэтых адносінах адыграла падзвіжніцкая дзейнасць выбітных рэлігійных дзеячаў і асветнікаў Е. Полацкай, К. Тураўскага, К. Смаляціча, А. Смаленскага.

Пераважна дабрачынны характар дзейнасці быў уласцівы праваслаўным братчынам і брацтвам да другой паловы XVI стагоддзя. Гэтаму спрыялі гістарычныя ўмовы іх існавання: дамінаванне праваслаўнай веры на беларускіх землях, эвалюцыя і пераемнасць грамадскіх формаў жыцця на аснове старажытнага абшчыннага ўкладу і калектывісцкіх пачаткаў, прабеларуская сутнасць новага этапу дзяржаўнасці, увасобленага ў Вялікім княстве Літоўскім, Рускім, Жамойцкім (далей — ВКЛ). У такіх сацыяльных і гістарычных умовах брацтвы з'яўляліся формай духоўнага яднання і самакіравання праваслаўных вернікаў, сродкам практычнай рэалізацыі імі сваёй хрысціянскай духоўнасці ў інтарэсах усіх сваіх братоў — хрысціян.

Хто быў ініцыятарам стварэння першых братчын, а затым і брацтваў — дакладна невядома. Але можна з упэўненасцю меркаваць, што ў першую чаргу гэта былі прадстаўнікі святарства, таксама найбольш прасунутыя ў інтэлектуальным і маральным плане праваслаўныя вернікі. Можна таксама сцвярджаць, што іх стваральнікамі былі людзі адукаваныя і самаадукаваныя, якія валодалі асновамі хрысціянскага веравучэння, здольныя ўпэўніць у сваіх поглядах непісьменную людскую масу. Атрымаць адукацыю і мець магчымасці для самаадукацыі можна было ў XII—XVI стагоддзях толькі ў гарадах, якія з'яўляліся не толькі цэнтрамі рамеснай і гандлёвай дзейнасці, але і асяродкамі культурнага жыцця і асветы. Нездарма брацтвы першапачаткова і ў наступныя часы ўзніклі і дзейнічалі ў гарадах і складаліся пераважна з прадстаўнікоў гарадскога насельніцтва — рамеснікаў і гандляроў.

Напрыканцы XIV стагоддзя ў ВКЛ адбываюцца падзеі, якія садзейнічалі істотным зменам у грамадска-палітычным жыцці. У 1385 годзе паміж ВКЛ і Польшчай была заключана дынастыч-

ная Крэўская унія, якая прывяла да пашырэння ў беларуска-літоўскім гаспадарстве рымска-каталіцкай веры. Аднак спачатку з праваслаўнай у каталіцкую веру перайшла толькі частка вышэйшага феадальнага саслоўя, а сялянскае саслоўе і гарадское насельніцтва гэты працэс увогуле не закрануў. Не адбіўся адмоўна гэты працэс спачатку і на становішчы Праваслаўнай царквы.

Паступова, у выніку падтрымкі дзяржаўнага кіраўніцтва каталіцкая вера набывае ўсё большы ўплыў у ВКЛ, што падрывала пануючае становішча ў ім Праваслаўнай царквы. Галоўнай прычынай гэтай з’явы было складанае знешнепалітычнае становішча ВКЛ, якое дыктавала неабходнасць шчыльнага ваенна-палітычнага саюза ВКЛ з каталіцкай Польшчай у сувязі з дзвюма пагрозамі яго суверэнітэту і незалежнасці: з боку Тэўтонскага ордэна з захаду і праваслаўнай Маскоўска-Рускай дзяржавы з усходу, якая выкарыстоўвала рэлігійны фактар для ўмяшання ва ўнутраныя справы ВКЛ і абгрунтавання сваёй захопніцкай палітыкі ў адносінах да беларускіх зямель.

Канец XV — сярэдзіна XVI стагоддзя прайшлі ў амаль бесперапынных войнах Маскоўска-Рускай дзяржавы з ВКЛ, якія значна аслабілі княства. У 1558 годзе маскоўскі цар Іван IV Жахлівы развязаў Лівонскую вайну, якая паставіла ВКЛ на мяжу страты свайго суверэнітэту і прымусіла яго пайсці ў 1569 годзе на заключэнне з Польшчай Люблінскай уніі, паводле якой утварылася федэратыўная дзяржава палякаў і ліцьвінаў (тагачасная назва беларусаў) — Рэч Паспалітая.

Паводле адной з умоў Люблінскай уніі дзяржаўнай рэлігіяй Рэчы Паспалітай абвешчана каталіцтва, і толькі феодальны каталіцкага веравызнання маглі займаць дзяржаўныя пасады і надзяляцца рознымі прывілеямі. Дадзеная ўмова спрыяла дэнацыяналізацыі значнай часткі беларускай шляхты і магнатаў, якія ў пагоні за дзяржаўнымі пасадамі і прывілеямі пераходзілі з праваслаўя ў каталіцтва, засвойвалі польскую мову і культуру і тым самым парывалі духоўную сувязь са сваім народам. У выніку паступова ўзмацняецца на беларускіх землях і польскі палітычны ўплыў, пашыраюцца формы дзяржаўна-палітычнай арганізацыі грамадства, уласцівыя Польшчаму Каралеўству. На гэтым фоне актывізавалі сваю дзейнасць у ВКЛ каталіцкія манаскія ордэны — аўгусцінцаў, францысканцаў, бернардзінцаў і інш. Такі стан рэчаў не мог не адбіцца адмоўна на становішчы Праваслаўнай царквы, якая паступова страчвае манаполію ў справе духоўнага выхавання насельніцтва. Сітуацыя для праваслаўя яшчэ больш ускладнілася тым, што пасля заключэння Люблінскай уніі на Беларусі шырока разгарнуў сваю дзейнасць Ордэн езуітаў — манаскі ордэн Рымска-каталіцкай царквы, які вызначаўся высокім узроўнем тэалагічнай падрыхтоўкі сваіх адэптаў. Езуіты хутка пакрылі тэрыторыю Беларусі сеткай сваіх навучальных устаноў — калегіумаў, якія давалі сярэдняю адукацыю. Першы калегіум быў створаны езуітамі ў сталіцы ВКЛ Вільні ў 1570 годзе. На яго базе езуіты стварылі ў 1579 годзе сваю акадэмію, якая стала першай вышэйшай навучальнай установай у ВКЛ. Езуіцкія навучальныя ўстановы хутка набылі папулярнасць у ВКЛ, бо вызначаліся высокім узроўнем адукацыі, чым прываблівалі да сябе прадстаўнікоў шляхецкага і мяшчанскага саслоўяў.

У плане ўзроўня адукаванасці свайго святарства і вернікаў Праваслаўная царква не вытрымлівала канкурэнцыі з боку Каталіцкай царквы, тым больш што апошняя знаходзілася пад усё ўзрастаючай апекай кіруючых колаў ВКЛ, вымушаных аглядвацца на палітычныя дамоўленасці з каталіцкай Польшчай і талерантныя адносіны да каталіцтва з боку значнай часткі беларускай шляхты і магнатаў.

Становішча Праваслаўнай царквы яшчэ больш ускладнілася ў сувязі з тым, што езуіты пачалі актыўна прапагандаваць у ВКЛ ідэю царкоўнай уніі, зліцця праваслаўя і каталіцтва ў адну веру, якая атрымала назву ўніяцкай, або, па-іншаму, грэка-каталіцкай (грэка-рымскай) веры.

У царкоўнай уніі езуіты і актыўна іх патрымліваючыя польскія феодальныя бачылі прамежкавы сродак пераводу з цягам часу ўсяго насельніцтва ВКЛ у каталіцтва, маючы на ўвазе стратэгічную мэту — дэнацыяналізацыю беларусаў і іх апалячванне. Ідэю уніі таксама падтрымлівала частка вышэйшага праваслаўнага святарства ВКЛ, бачачы ў ёй сродак захавання свайго высокага сацыяльнага статусу і набыцця новых прывілеяў. У прыватнасці, гэта датычыцца поглядаў і дзейнасці епіскапа Уладзімірскага і Брэсцкага Іпацыя Пацея.

Неспрыяльныя сацыяльна-палітычныя ўмовы дзейнасці Праваслаўнай царквы, наступ каталіцтва і ўзмацненне праўніяцкіх настрояў у царкоўным асяроддзі прымусілі праваслаўныя брацтвы змяніць галоўны вектар сваёй дзейнасці. Калі да Берасцейскай царкоўнай уніі 1596 года іх дзейнасць мела пераважна дабрачынны характар, то з канца XVI стагоддзя галоўным накірункам іх дзейнасці становіцца абарона Праваслаўнай царквы і супрацьдзеянне наступу каталіцкай і ўніяцкай веры. Гэтую дзейнасць ажыццяўлялі як ужо існаваўшыя брацтвы, так і новыя, якія ў значнай колькасці з'явіліся напрыканцы XVI — пачатку XVII стагоддзя. Менавіта стварэннем брацтваў і ўзняццем адукацыі праваслаўнае насельніцтва ВКЛ «стало обнаруживать особенную деятельность к защите своей веры» [2, с. 186].

Важнейшым на тэрыторыі Беларусі было Віленскае брацтва, заснаванае ў 1584 годзе. Акрамя Віленскага напрыканцы XVI — пачатку XVII стагоддзя былі створаны брацтвы Магілёўскае, Бельскае, Мсціслаўскае, Слонімскае Прэабражэнскае, Слуцкае, Крычаўскае, Менскае, Шклоўскае і інш. [2, с. 215]. Ствараліся яны з бласлаўлення патрыярха Канстанцінопальскага Іераміі супраць і царкоўных улад Рэчы Паспалітай. Яны існавалі пераважна ў гарадах і складаліся з прадстаўнікоў мяшчанскага саслоўя — рамеснікаў і гандляроў, а таксама з прадстаўнікоў шляхты і праваслаўнага святарства. Патрэбна асобна падкрэсліць важную ролю буйных феодалаў-магнатаў у справе стварэння брацтваў і забеспячэння іх дзейнасці. Менавіта магнаты аказвалі падтрымку брацтвам сваімі грашмыма і абаронай. Да таго ж брацтвы часта ствараліся на ўласных землях магнатаў, што значна абмяжоўвала магчымасці дзяржаўнай улады ўплываць на працэс іх стварэння і дзейнасці. Вялікую дапамогу брацтвам аказвалі беларускія магнацкія роды Алелькавічаў, Сапегаў, Хадкевічаў, Агінскіх, Храптовічаў і інш.

Разам з тым дзяржаўныя ўлады Рэчы Паспалітай усяляк абмяжоўвалі дзейнасць праваслаўных брацтваў, асабліва пасля заключэння Берасцейскай царкоўнай уніі. Ім забаранялася будаваць свае храмы і адкрываць школы. З маўклівай падтрымкі свецкіх улад ужо нам вядомы Іпацій Пацей, які ў 1599 годзе стаў кіеўскім мітрапалітам, у выніку чаго пад яго кіраванне перайшла ўся Праваслаўная царква ВКЛ, адбіраў у праваслаўных брацтваў іх цэрквы, школы, манастыры, непакорных яму праваслаўных святароў саджаў у турмы, галіў ім бароды і галовы, выганяў з прыходаў, падвяргаў катаванням [2, с. 192—194]. Падставай для такіх яго дзеянняў стала тое, што ў выніку заключэння Берасцейскай царкоўнай уніі Праваслаўная царква страціла статус самастойнай канфесіі, яе існаванне і дзейнасць ужо не мелі з фармальнага пункту гледжання законнай падставы.

Нягледзячы на неспрыяльныя ўмовы, брацтвы паказалі неверагодную здольнасць да выжывання, перш за ўсё дзякуючы сваёй самаарганізацыі, непахіснасці і самадысцыпліне сваіх членаў.

Праваслаўным брацтвам быў уласцівы абшчынны ўклад жыцця на аснове ўнутранага самакіравання. Іх дзейнасць рэгулявалася статутамі, якія вызначалі мэты брацтваў, правілы дзейнасці і паводзін братчыкаў. Статуты зацвярджаліся каралямі Рэчы Паспалітай, якія выдавалі адпаведныя граматы на дзейнасць брацтваў, улічваючы важную ролю праваслаўнага элемента ў захаванні палітычнай стабільнасці ў дзяржаве.

Складаўся каталог (спіс) членаў брацтва, якія ўносілі пэўную колькасць грошай на яго рахунак. У брацкіх спісах былі людзі розных саслоўяў: святары, князі, шляхцічы, рамеснікі, гандляры, якія абавязваліся выконваць усе правілы, рашэнні, пастановы, захоўваць тайну.

Штогод са свайго асяроддзя братчыкі выбіралі асабліва сумленных членаў — старэйшын (старастаў) для штодзённага вядзення спраў брацтва: вырашэння спрэчак, расходавання грашовых сродкаў, пакарання за розныя правіннасці, адстойвання інтарэсаў брацтва перад свецкімі ўладамі.

Вышэйшай уладнай інстанцыяй брацтва з'яўляўся агульны сход яго членаў, які праходзіў у спецыяльна пабудаваным брацкім доме пры брацкай царкве.

Такі парадак арганізацыі брацтваў дазваляў арганічна спалучаць цэнтралісцкія і дэмакратычныя пачаткі ў іх дзейнасці з ухілам на свядомыя маральна-рэлігійныя паводзіны братчыкаў. Гэтыя паводзіны, безумоўна, вымагалі цвёрдай упэўненасці ў сваіх поглядах і актыў-

нага супрацьдзеяння антыправаслаўным настроям ва ўрадавых колах і значнай частцы грамадства. Яскрава такі духоўны настрой у дзейнасці брацтваў характарызуе пасланне львоўскага праваслаўнага епіскапа Балабана магілёўскім братчыкам ад 25 жніўня 1605 года. Ён пісаў: «Воин не во время мира и домашних занятий познается, но во время рати, а кормчий на море показывает свое искусство не во время тишины и благоприятного ветра, но во время бушевания морских и противных ветров, когда спасает себя самого и находящихся с ним в корабле. Так и вера и твердость истинных христиан обнаруживается во время восстания многих ненастных и соблазнов» [2, с. 215—216].

Менавіта дзякуючы цвёрдасці духу і рашучай практычнай дзейнасці брацтва нярэдка дамагаліся аднаўлення правоў Праваслаўнай царквы, свабоды веравызнання, адкрыцця новых брацтваў, вяртання праваслаўных цэркваў ад уніятаў, будаўніцтва новых праваслаўных храмаў. Плёну ў гэтай справе да сэрэдзіны XVII стагоддзя ў многім паспрыяла ўкраінскае казацтва, якое выступіла за абарону праваслаўя з дапамогай зброі. Гэтая рашучая і ваяўнічая стыхія ўяўляла грозную для кіруючых колаў сілу, якая інстынктыўна разумела характар рэлігійна-палітычных узаемадачынненняў у феадальным грамадстве, адлюстраваных у формуле «Чыя ўлада — таго і вера». Таму сваю ваяўнічую дзейнасць казацтва ажыццяўляла пад сцягам барацьбы супраць феадальнай эксплуатацыі сялян і мяшчан, а таксама барацьбы супраць польскай-каталіцкай («ляшскай») веры дзеля абароны веры праваслаўнай. І трэба сказаць, што пад гэты сцяг гатовы былі стаць і станавіліся многія беларускія сяляне і мяшчане. Сумесна яны вялі антыфеадальную ўзброеную барацьбу, якая ў сярэдзіне XVII стагоддзя перарасла ў казацка-сялянскую вайну на Беларусі (1648—1651) і якая з цяжкасцю была падаўлена ўладамі ВКЛ.

Актыўная падтрымка ўкраінскім казацтвам праваслаўнай веры вымушала кіруючыя колы ВКЛ і ўвогуле Рэчы Паспалітай кіравацца абачлівымі падыходамі да дзейнасці праваслаўных брацтваў, каб не дапусціць глыбокага абвастрэння нацыянальна-рэлігійных супярэчнасцей, якія маглі б справакаваць чарговы сацыяльна-палітычны выбух у грамадстве з непрадказальнымі негатыўнымі наступствамі.

Яшчэ адным важнейшым чыннікам, які забяспечыў брацтвам росквіт і поспех іх дзейнасці да сярэдзіны XVII стагоддзя, была створаная імі сістэма асветы і адукацыі праваслаўнага насельніцтва. Асветніцкая дзейнасць спачатку не выходзіла за межы самаадукацыі братчыкаў, чытання свяшчэнных кніг, найперш Бібліі. Аднак паступова брацтва пашыралі школьнае навучанне, бачачы ў ім сродак абароны ад каталіцкага і ўніяцкага наступу, бо толькі адукаваныя людзі могуць свядома і аргументавана адстойваць свае погляды і быць перакананымі ў іх правільнасці.

Гісторыя брацкіх гарадскіх праваслаўных школ пачалася ў 1584 годзе, калі віленскія мяшчане звярнуліся да свецкіх уладаў з просьбай дазволіць ім адкрыць школу «мовы грэчаскай, лацінскай і рускай, а таксама кнігадрукарню» [1, с. 213]. У 1592 годзе граматай караля Рэчы Паспалітай Жыгімонта III Вазы па просьбе мяшчан было заснавана Берасцейскае брацтва з правам адкрыцця школы для навучання дзяцей хрысціянскіх [3, с. 54].

Брацкія школы розных гарадоў падтрымлівалі ўзаемныя адносіны. Так, у Віленскую брацкую школу былі запрошаны настаўнікі з брацкай школы г. Бярэсця. У прыватнасці, у Віленскай школе адзін час працаваў настаўнік з Бярэсця Стэфан Зізаний, які «с пламеннай ревностью возбуждал православных к защите своей веры» [1, с. 214]. За такія свае паводзіны ён неўзабаве быў выдалены з Вільні.

Брацтва клапаціліся аб высокім прафесійным і маральным стане школьных настаўнікаў. У школьным статуце было запісана, што настаўнік школы «маець быць благочестив, разумен, кроток, ...не пьяница, не блудник, не лихоимец» [4, с. 39]. Настаўнік павінен быў аднолькава ставіцца да ўсіх вучняў, багатыя з іх не маглі нічым выдзяляцца, акрамя ведаў. У школы прымалі дзяцей з розных саслоўяў — шляхты, мяшчан і нават жабракоў. Галоўнае, каб гэта былі прадстаўнікі праваслаўнага юнацтва. Бацькі ўносілі грашовую плату за навучанне сваіх дзяцей, а неплацежасольныя вызваліліся ад платы. Адначасова бацькі заключалі з кіраўніцтвам

школы дамову наконт таго, чаму яна павінна навучыць іх дзяцей. Вучні жылі ў сваіх бацькоў, родзічаў, знаёмых, а некаторыя школы мелі свае інтэрнаты.

Да XVII стагоддзя падзелу школ на класы не існавала, вучні падзяляліся на некалькі груп у залежнасці ад узросту. У XVII стагоддзі пачала ўсталёўвацца класна-ўрочная сістэма заняткаў: 4—8 класаў. Навучальны год пачынаўся 1 верасня, прадугледжваліся летнія канікулы (ліпень—жнівень).

У сваіх асноўных рысах парадак навучання, які існаваў у брацкіх школах, захаваўся да нашага часу ў сістэме агульнай сярэдняй адукацыі: пачатак заняткаў раніцай, пераклічка вучняў, высьвятленне прычын іх адсутнасці на занятках, праверка выканання і засваення хатняга задання, выкладанне новага матэрыялу і яго замацаванне.

Асноўная ўвага надавалася грунтоўнаму азнаямленню вучняў з веравучэннем Праваслаўнай царквы і навучанню мовам — польскай, царкоўнаславянскай і, што вельмі важна, беларускай. У склад школьных прадметаў таксама ўключаліся лацінская і грэчаская мовы, што давала магчымасць здольным вучням працягваць навучанне ў заходнееўрапейскіх універсітэтах і мець еўрапейскі ўзровень адукацыі.

У брацкіх школах таксама выкладаліся рыторыка і дыялектыка. Матэрыяльна забяспечаныя школы мелі магчымасць запрасіць на працу лепшых настаўнікаў, прапанаваць сваім вучням выкладанне ў поўным аб'ёме сямі вызваленых навук (граматыкі, дыялектыкі, рыторыкі, музыкі, арыфметыкі, геаметрыі, астраноміі). Пры гэтым асабліва ўвага надавалася навуцы прамоўніцкага мастацтва — рыторыцы. Гэта было неабходна для паспяховага вядзення рэлігійнай палемікі з праціўнікамі праваслаўя з каталіцкага і ўніяцкага лагераў.

На ніве школьнай адукацыі праваслаўных брацтваў плённа працавалі бліскучыя педагогі — палемісты браты Лаўрэнцій і Стэфан Зізаніі, Лявонцій Карповіч, Мялецый Сматырыцкі, якія ўнеслі важкі ўклад ва ўмацаванне тэалагічнага падмурка праваслаўнай веры і яе абарону, выхаванне вялікай колькасці яе свядомых прыхільнікаў і абаронцаў. Для многіх з іх служэнне праваслаўю стала галоўнай сферай жыццёвых інтарэсаў і сэнсам усяго жыцця.

Кіравалі ўсімі справамі школ найбольш прыстойныя і адукаваныя братчыкі, якіх брацтвы вылучалі са свайго складу. Кожная школа мела свой статут, які рэгламентаваў парадак яе функцыянавання, правы і абавязкі настаўнікаў, а таксама патрабаванні да вучняў. Узначальваў школу рэктар, якога выбіралі і наймала брацтва. Яно ж вызначала тэрмін яго працы і ўзровень яе аплаты. Звычайна рэктарам становілася асоба духоўнага звання, якая валодала глыбокімі ведамі ў розных галінах навукі [1, с. 115].

Выхаваннем і навучаннем непасрэдна займаліся настаўнікі, якіх таксама наймала брацтва па ўзгадненні з рэктарам. Такім чынам, ахарактарызаваны вышэй парадак арганізацыі і дзейнасці брацкіх школ вызначаўся сваім дэмакратызмам, які прадугледжваў узгадненне інтарэсаў усіх зацікаўленых бакоў — брацтваў, выкладчыцкага складу, вучняў і іх бацькоў.

З другой паловы XVII стагоддзя праваслаўныя брацтвы паступова пачынаюць здаваць свае пазіцыі ў беларускім грамадстве. Гэтаму спрыялі ўнутрыпалітычныя і знешнія абставіны. Унутрыпалітычныя абставіны былі явязаны са здрадай праваслаўнай веры многіх магнацкіх родаў і шляхты, якія перайшлі ў каталіцтва і ўніяцтва, гвалтоўным насаджэннем уніяцкай веры сярод праваслаўнага насельніцтва тымі ж магнатамі, а таксама ўрадавымі коламі ВКЛ і Рэчы Паспалітай. Не спрыялі праваслаўнай веры і знешнепалітычныя абставіны: узброены ціск на ВКЛ з боку праваслаўнай Маскоўска-Рускай дзяржавы, які знаходзіў маўклівае спачуванне, а нярэдка і непрыхаваную падтрымку беларускага праваслаўнага насельніцтва, на якую ўлады вымушаны былі рэагаваць абмежаваннем правоў праваслаўных вернікаў і іх галоўных заступнікаў — брацтваў. Напрыканцы XVIII стагоддзя каля 80 % беларусаў ужо сталі ўніяцкамі, такім чынам, уніяцтва стала іх нацыянальнай рэлігіяй. Яшчэ раней непрыкметна зышлі з гістарычнай сцэны праваслаўныя брацтвы, страціўшы сацыяльную глебу свайго існавання.

Напрыканцы XVIII стагоддзя ў выніку трох падзелаў Рэчы Паспалітай беларускія землі з дапамогай вайскавай сілы былі далучаны да Расійскай імперыі і апынуліся пад яе прыгнё-

там. Цяпер ужо імперская Расія пачала гвалтоўна пераводзіць беларусаў-уніятаў у праваслаўную веру. У 1839 годзе на Полацкім царкоўным саборы была забаронена беларуская ўніяцкая царква (скасавана Берасцейская царкоўная унія 1596 года), а ўсе яе культавыя пабудовы і маёмасць былі перададзены Праваслаўнай царкве. Цяпер ужо праваслаўе карысталася абсалютнай падтрымкай з боку расійскага самаўладдзя і не мела ніякіх перашкод у сваім існаванні і панаванні. Становішча ўніяцтва і праваслаўя змянілася да адваротнага і не вымагала ад праваслаўных аднаўлення брацтваў для абароны сваіх інтарэсаў, якія былі ўжо поўнасьцю забяспечаны і якім ўжо нішто не пагражала.

Аднак памяць пра унію і прыхільнасць да ўніяцкай веры ў сьвядомасці беларускага народа яшчэ захоўваліся і былі даволі трывалымі. Гэта яскрава пацвердзіла паўстанне 1863—1864 гадоў пад кіраўніцтвам К. Каліноўскага супраць расійскага прыгнёту. Менавіта К. Каліноўскі вылучыў лозунг адраджэння ўніяцтва, якое лічыў нацыянальнай рэлігіяй беларусаў. У адным з нумароў заснаванай ім беларускамоўнай газеты «Мужыцкая праўда» ён пісаў, што цар маскоўскі «адабраў ад нас нашу справядлівую ўніяцкую веру і пагубіў нас перад Богам на векі; а зрабіў гэта для таго, каб мог нас без канца драці, а Бог справядлівы не меў злітавання над намі» [5, с. 17].

Ідэя адраджэння ўніяцкай веры прыцягнула на бок паўстання яе прыхільнікаў з ліку сялянства і ўніяцкага святарства. У паўстанні таксама прыняла ўдзел значная частка беларусаў-каталікоў і праваслаўных беларусаў, не задаволеных расійскім прыгнётам. Вось гэтая антырасійская, праўніяцкая і пракаталіцкая накіраванасць удзельнікаў паўстання прымусіла расійскі ўрад адрадзіць праваслаўныя брацтвы на беларускіх землях, каб з іх дапамогай аслабіць пазіцыі Рымска-каталіцкай царквы і прадухіліць апалячванне насельніцтва Паўночна-Заходняга краю, як у тыя часы расійскія ўлады называлі Беларусь [6, с. 55]. Адначасова ў беларусаў знішчалася памяць пра унію, ствараліся ўмовы для іх выхавання ў расійскім імперска-вялікадзяржаўным духу.

У 1867 годзе ў Паўночна-Заходнім краі ўжо мелася 187 брацтваў [7, с. 10]. Ставілася задача, каб яны існавалі ў кожным прыходзе. Членам брацтва мог быць любы паўналетні праваслаўнага веравызнання, які пражываў у Расійскай імперыі [8, с. 11]. Такім чынам, членамі брацтваў часта становіліся служыўшыя на Беларусі рускія чыноўнікі, святары, дактары, інжынеры, настаўнікі школ і гімназій, афіцэры расійскай арміі, прадстаўнікі іншых прафесій. Гэта таксама спрыяла русіфікацыі беларускага краю.

Брацтвы вялі барацьбу з рэлігійнымі іншаверствамі, у прыватнасці, з іудаізмам. Дзеля гэтага яны, напрыклад, вялі публічныя сумоўі з мясцовым яўрэйствам «о заблуждениях талмудического учения и о непреложной истинности христианского православного вероучения» [9, с. 2].

Традыцыйна яны займаліся і хрысціянска-дабрачыннай, а таксама культурна-асветніцкай дзейнасцю: дапамагалі бедным, хворым і знявечаным хрысціянам праваслаўнага веравызнання, сіротам, ажыццяўлялі бібліятэчную і выдавецкую дзейнасць, арганізавалі правядзенне святаў, прапагандавалі цвярозы вобраз жыцця і інш. Вялікую ўвагу яны таксама надавалі адкрыццю і арганізацыі школ, у якія ўжо прымалі і дзяўчынак.

Брацкія школы рыхтавалі для царкоўна-прыходскіх школ народных настаўнікаў з самога народнага асяроддзя, надаючы ім адукацыю ў строгім духу Праваслаўнай царквы [10, с. 19]. Тэрмін навучання ў брацкіх школах складаў тры гады. Першыя два гады адукацыя ажыццяўлялася ў самой школе, а трэці год адводзіўся на практычнае азнаямленне з будучым настаўніцтвам у пачатковых школах. Пералік вывучаемых прадметаў уключаў у сябе: Закон Божы (3 урокі ў тыдзень), арыфметыку і пачатковую геаметрыю (4 урокі), геаграфію з прыродазнаўствам (2 урокі), чыстапісанне (2 урокі), рускую мову (6 урокаў). Усё навучанне вялося на рускай мове, акрамя Закона Богага, які выкладаўся на царкоўнаславянскай мове. У прамежках паміж урокамі вучні займаліся розным штуркарствам у школьнай майстэрні, а пасля абеду — царкоўнымі спевамі [10, с. 24].

Мэты, якія ставіліся перад адноўленымі брацтвамі, спакваля дасягаліся. Але іх дзейнасць была спынена ў выніку бальшавіцкай рэвалюцыі ў кастрычніку 1917 года. Сёння яны на Беларусі зноў адраджаюцца, па-ранейшаму займаюцца падтрымкай праваслаўнай веры, рэлігійна-асветніцкай і дабрачыннай дзейнасцю. Але ўся гэтая дзейнасць адбываецца ва ўмовах поліканфесійнай структуры беларускага грамадства, рэлігійнай талерантнасці і свабоды веравызнання, раўнапраўя канфесій, аддзялення Царквы ад дзяржавы і школы ад Царквы, у выніку чаго Царква пазбавілася функцый адукацыі і выхавання народа, перастала быць афіцыйным інструментам дзяржаўнай палітыкі. Такая сітуацыя вымагае дзейнасці Праваслаўнай царквы і яе брацтваў ва ўмовах свабоднай канкурэнцыі, суперніцтва за ўплыў у грамадстве з іншымі канфесіямі, найперш з рымска-каталіцкай канфесіяй.

Заклучэнне. Праведзены аналіз мэтаў і накірункаў дзейнасці праваслаўных брацтваў на Беларусі ў XVI — пачатку XX стагоддзя дазваляе зрабіць наступныя абагульненні.

Брацтвы, як нацыянальна-рэлігійныя аб'яднанні праваслаўнага насельніцтва ВКЛ, на першым этапе свайго існавання пераважна займаліся дабрачыннай дзейнасцю, у аснове якой ляжалі ўласцівыя хрысціянству ідэі міласэрнасці і чалавекалюбства.

У сувязі з каталіцка-езуіцкім наступам і ўвядзеннем у ВКЛ уніяцкай веры брацтвы напрыканцы XVI стагоддзя галоўную ўвагу пачынаюць надаваць абароне праваслаўнай веры, якая адыграла важную ролю ў прадухіленні дэнацыяналізацыі беларускага народа. Галоўным чыннікам у гэтай справе стала адукацыйная дзейнасць праваслаўных брацтваў.

Аднаўленне брацтваў у апошняй трэці XIX стагоддзя тлумачыцца перш за ўсё імкненнем расійскага ўрада нейтралізаваць польскі палітычны і каталіцкі ўплыў на Беларусі, знішчыць у беларусаў памяць пра унію і тым самым забяспечыць дамінаванне на беларускіх землях тых формаў грамадскага і духоўнага жыцця, якія былі ўласцівы Расійскай імперыі.

Спіс цытаваных крыніц

1. Беларусы. Грамадскія традыцыі / В. Ф. Бацяеў [і інш.] ; рэдкал.: В. М. Бялявіна [і інш.] ; Ун-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі. — Мінск : Беларус. навука, 2002. — Т. 6. — 606 с.
2. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. Издано П. Н. Батюшковым. — СПб. : Тип. товарищества «Общественная польза», 1890. — 376 с.
3. Криштапович, Л. Е. Беларусь и Россия: историческое и цивилизационное единство : монография / Л. Е. Криштапович. — Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2006. — 94 с.
4. Таляронак, С. В. Брацкія праваслаўныя школы на Беларусі ў XVI—XVII стст. / С. В. Таляронак // Пачатк. шк. — 1992. — № 3. — С. 38—40.
5. Янушкевіч, Я. Тварам да шыбеніцы: Кастусь Каліноўскі і Паўстанне 1863—1864 гадоў у беларускай паэзіі : анталогія / Я. Янушкевіч. — Ракаў, 2013. — 137 с.
6. Восович, С. М. Православные братства Витебщины и их культурно-просветительская деятельность в 1861—1914 гг. : монография / С. М. Восович. — Брест : Изд-во БрГТУ, 2009. — 200 с.
7. Милович, А. Западнорусские православные братства, их современное значение и задачи / А. Милович. — Вильна : Рус. Почин, 1912. — 36 с.
8. Восович, С. М. Культурно-просветительская деятельность Брестского Свято-Николаевского братства во второй половине XIX — начале XX века / С. М. Восович // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. гуманітар. і грамад. навук. — 2007. — № 4 (31). — С. 10—16.
9. Устав Мстиславского отделения Могилевского церковного Богоявленского Братства. — Тип. Могилев. Губерн. правления, 1898. — 11 с.
10. Отчет совета церковного братства во имя святителя Николая и преподобной Ефросинии, княжны Полоцкой в г. Полоцке. — Витебск, 1868. — 53 с.

Паступіў у рэдакцыю 09.03.2022.

УДК 94*06(510)

Г. И. Посохина, кандидат исторических наук, доцентУчреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», б-р Космонавтов, 21,
224016 Брест, Республика Беларусь, +375 (29) 790 69 87, halinaposokhina@tut.by

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИДЕОЛОГИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ В ЭПОХУ ПРОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКИ РЕФОРМ И ОТКРЫТОСТИ

В статье рассматриваются новые тенденции, появившиеся в идеологии Коммунистической партии Китая после провозглашения Дэн Сяопином политики реформ и открытости. Коммунистическая партия Китая в этот период сумела соединить общие принципы марксизма с конкретными задачами, стоявшими перед страной. Теория социализма с китайской спецификой учитывает социально-экономические, политические и идейно-культурные особенности Китая. В этой связи построение общества «сяокан» является стержнем политики КНР, который будет лежать в основе выбора стратегии экономических реформ.

Ключевые слова: КНР; современная идеология Коммунистической партии Китая; социализм с китайской спецификой; общество «малого благоденствия» (сяокан); XIX съезд Коммунистической партии Китая.

Библиогр.: 10 назв.

G. I. Posokhina, PhD in History, Associate Professor

Educational institution “Brest State A. S. Pushkin University”,

21 Kosmonavtov Blvd, 224016 Brest, the Republic of Belarus, +375 (29) 790 69 87, halinaposokhina@tut.by

NEW DIRECTIONS IN THE IDEOLOGY OF THE COMMUNIST PARTY OF CHINA DURING THE PERIOD OF THE REFORM AND OPENING-UP POLICY

The following paper studies the new trends in the ideology of the Communist Party of China (CPC) after Deng Xiaoping proclaimed the policy of reform and opening-up. During this period, the CPC managed to combine the general principles of Marxism with the specific tasks facing the country. The China-specific theory of socialism takes into account the socio-economic, political, ideological, and cultural characteristics of China. In this regard, the building of the “xiaokang shehui” society (moderately prosperous society) is the core of the PRC’s politics, which influences the choice of economic reforms strategy.

Key words: China; modern ideology of the CPC; theory of socialism with Chinese specificity; moderately prosperous society (xiaokang shehui); 19th Congress of CPC.

Ref.: 10 titles.

Введение. В 2021 году исполнилось 100 лет со дня создания Коммунистической партии Китая (далее — КПК). Эта партия за прошедшее столетие прошла путь от небольшой группы коммунистов до многомиллионной организации, которая успешно руководит страной, ставшей на путь построения социализма с китайской спецификой. В соответствии с официальной китайской историографией, в истории КПК сменилось пять поколений китайских руководителей: первое поколение — поколение Мао Цзэдуна, второе — Дэн Сяопина, третье — Цзян Цзэминя, четвертое — Ху Цзиньтао, нынешнее, пятое, возглавляет Си Цзиньпин. Каждое из поколений китайских руководителей внесло свой вклад в теорию построения социалистического общества. В качестве идеологической основы текущих преобразований в партийные документы КПК наряду с идеями марксизма-ленинизма, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, теорией «трех представительств» Цзян Цзэминя и концепцией научного развития Ху Цзиньтао включены идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новом веке. В современных усло-

виях, когда марксистская идеология переживает серьезный кризис, творческий подход китайского руководства к наследию классиков марксизма-ленинизма, переосмыслению отдельных положений традиционной конфуцианской идеологии приносит ощутимые результаты.

Целью данного исследования является изучение организационных и идеологических мер, которые позволили руководству КПК избежать перерождения партии в условиях тех вызовов, которые возникают перед ней на фоне перехода к рыночным отношениям в экономике.

Материалы и методы исследования. Основу исследования составили общенаучные методы: анализ, синтез, систематизация. Комплексность и системность обеспечены привлечением первоисточников и работ исследовательского характера, посвященных данной проблематике.

Важными источниками являются программные документы КПК (материалы съездов, отчетные выступления китайских лидеров), официальные заявления государственных чиновников страны.

Результаты исследования и их обсуждение. Политика реформ и открытости, начавшаяся в Китае в 1978 году, связана с именем лидера второго поколения китайских руководителей Дэн Сяопина. Он возглавил группу так называемых маоистов-прагматиков. Именно Дэн Сяопин выдвинул теорию построения социализма с китайской спецификой. По его инициативе в 1977—1978 годах в Китае была проведена масштабная кампания под лозунгом «Практика — единственный критерий истины». Он выступил против начетнического подхода к теории классиков марксизма-ленинизма, под которыми подразумевались не только Маркс, Энгельс, Ленин, но и Мао Цзэдун. «Суть марксизма — в реалистическом подходе к действительности. Надо выступать за реализм, а не за книгопочтение. Успех нам в реформе и открытости принесли не книги, а практика, реалистический подход к действительности», т. е. речь шла о том, что надо видоизменять марксизм, приспособлять его к современному миру, который кардинальным образом отличается от тех исторических условий XIX века, когда жили классики марксизма. По мнению российского исследователя В. Г. Булова, «фактически весь комплекс положений, составляющих теорию Дэн Сяопина о социализме с китайской спецификой, представляет собой творческий марксизм, новое слово в марксизме» [1, с. 14].

Во-первых, это нашло свое выражение в том, что руководство КПК, приступая к осуществлению политики реформ и открытости, совершило поворот в понимании роли рынка при социализме. Экономика в Китае по-прежнему регулируется государством, но уже не путем планирования, а через рыночные отношения. Для характеристики современной экономической ситуации в Китае чаще всего употребляется термин «социалистическая рыночная экономика». Рынок является базисом китайской экономики. Решение о формировании в стране системы социалистической рыночной экономики было принято в 1992 году на XIV съезде партии. Процесс утверждения рыночных отношений идет постоянно на протяжении 40 лет. Придя к власти, нынешний лидер Китая Си Цзиньпин добавил новое положение о том, что «решающая роль рынка» не означает всей роли. Социалистическая рыночная экономика не исключает существования правительства, но при этом меняются его функции. Оно уже не занимается мелочной опекой хозяйственных субъектов, а руководит научным макроэкономическим регулированием, обеспечением нормального регулирования рыночных механизмов и т. д.

Принципиально важное новшество касается роли частной собственности. Вопреки утверждениям, имевшим место в советской марксистской литературе, где частная собственность рассматривалась как чуждое природе социализма явление, китайское руководство заявило о том, что частная собственность является неотъемлемым элементом строительства социалистического общества. В Китае практикуется одинаковое отношение властей к предприятиям различных форм собственности. Все они имеют равные права и возможности для ведения хозяйственной деятельности. Как известно, в Китае за годы проведения реформ появились смешанные предприятия с участием иностранного капитала, а также предприятия со 100 %-ным

иностранным капиталом. Дэн Сяопин считал их создание полезным дополнением к социалистической экономике и приносящим выгоды социализму.

Еще одним нововведением стало кардинальное изменение отношения к деревне. Дэн Сяопин и его соратники провели аграрную реформу, которая способствовала развитию производительных сил в аграрном секторе (ропуск народных коммун, введение системы семейного подряда, ликвидация уравниловки и т. д.).

В процессе осуществления политики реформ и открытости, строительства социализма с китайской спецификой произошло изменение социально-политической ситуации в стране. В Китае в последнее время коренным образом изменилось отношение к различным социальным слоям. К примеру, Дэн Сяопин включил интеллигенцию в состав современного рабочего класса. Китайская наука и образование находятся в привилегированном положении. Изменился и социальный состав КПК. Партия открыла двери для вступления в ряды своей организации представителей тех социальных слоев, которых раньше невозможно было представить в ее рядах.

Выступая с отчетным докладом на XVI съезде КПК, лидер третьего поколения китайских руководителей Цзян Цзэминь заявил: «Появившиеся в процессе социальных перемен предприниматели и техперсонал негосударственных научно-технических предприятий, управленческий и технический персонал, работающий по контракту на предприятиях иностранного капитала, индивидуальные хозяева, частные предприниматели, лица, занятые в посреднических организациях, лица свободных профессий и другие слои общества, словом, все они строители социализма с китайской спецификой... Следует уважать и охранять все виды труда, полезного народу и обществу... Вся предпринимательская деятельность китайских и зарубежных инвесторов в процессе нашего строительства должна поощряться. Следует охранять все трудовые и нетрудовые доходы. Нельзя упрощенчески брать за критерий для определения политической прогрессивности либо отсталости людей то, есть ли у них имущество, а если да, то сколько. Здесь главным образом надо смотреть, каковы они по своему идейно-политическому состоянию и реальным поступкам, как появилось у них имущество, как они им распоряжаются и как его используют, какой вклад они вносят собственным трудом в дело социализма с китайской спецификой» [2].

Следует отметить, что теоретические новшества, выдвинутые Дэн Сяопином и его последователями, вызвали брожение в кругах партийной и научной общественности. Часть китайских коммунистов даже выражала сомнения в правильности проводимой политики реформ и открытости. Дэн Сяопин, отвечая на критику в свой адрес, неизменно повторял: «Народ смотрит на практику. Как только он увидит, что социализм, реформы, открытость все же неплохи, наше дело может жить в веках!» [1, с. 19].

В эпоху Дэн Сяопина начинается и новое возрождение конфуцианства в КНР. В 1979 году он официально объявил о тесной связи конфуцианской концепции «сяокан» с провозглашенной им политикой реформ и открытости. Дэн Сяопин использовал понятие «сяокан» (общество малого достатка, средней зажиточности) для характеристики китайской модели модернизации. В 1984 году Дэн Сяопин дал дополнительное разъяснение к своей концепции «сяокан»: «Среднедушевой ВВП в 800 дол. США к концу нынешнего столетия — вот это и есть “сяокан”» [3].

В октябре 1987 года на XIII съезде КПК понятие «сяокан» было официально определено в качестве «второго шага» стратегии социалистической модернизации. В соответствии с этой стратегией в качестве первого шага Китай должен был решить проблему обеспечения народа питанием и одеждой, а к 1990 году удвоить ВВП по сравнению с уровнем 1980 года. Вторым шагом должно было стать удвоение показателей ВВП к концу XX века, дальнейшее повышение уровня жизни на основе достаточного обеспечения народа питанием и одеждой (до уровня средней зажиточности). Третий шаг — увеличение среднедушевого ВВП к середине XXI века до уровня среднеразвитых стран, обеспечение народу уровня жизни выше среднезажиточного.

Лидер нового поколения китайских руководителей Цзян Цзэминь на XVI съезде КПК (ноябрь 2002 года) выдвинул концептуальную идею «тройного представительства». Выступая на открытии съезда, Цзян Цзэминь отметил, что для создания новой обстановки в строительстве социализма с китайской спецификой необходимо высоко нести великое знамя теории Дэн Сяопина и твердо претворять в жизнь важные идеи «тройного представительства». Обобщая основной опыт, который КПК накопила на протяжении истекших 13 лет, Цзян Цзэминь сказал, что весь этот опыт партии вместе с ее прошлым опытом, накопленным со дня ее образования, сводится, в конце концов, к одному: КПК должна постоянно представлять требования развития передовых производительных сил Китая, прогрессивное направление передовой китайской культуры, коренные интересы самых широких слоев китайского народа. «Таковы неизбежные требования сохранения и развития социализма, таков тот неизбежный вывод, который вытекает из нелегких поисков и великой практики всей партии», — подчеркнул Цзян Цзэминь [4].

«Сяокан» также стал важной темой обсуждения на XVI съезде. Всестороннее построение общества «сяокан», как отмечалось в докладе Цзян Цзэминя, — задача Китая на первое двадцатилетие нынешнего века: «За первое двадцатилетие нынешнего века нам полагается сосредоточенными силами развернуть на пользу миллиарда с лишним населения всестороннее строительство среднезажиточного общества более высокого уровня. Такого общества, которое отличается более развитой экономикой, более совершенной демократией, более передовой наукой и просвещением, более процветающей культурой, более глубокой гармонией и более обеспеченной жизнью народа. Это неизбежный этап развития в осуществлении стратегических задач третьего шага модернизации, соединяющий последующее с предыдущим, решающий этап усовершенствования системы социалистической рыночной экономики и расширения открытости внешнему миру. Благодаря строительству на этом этапе и дальнейшим усилиям в течение нескольких десятилетий можно будет к середине нынешнего века закончить в основном модернизацию и превратить нашу страну в богатую, могущественную, демократическую и цивилизованную социалистическую державу» [4].

Свое логическое продолжение идеи построения среднезажиточного общества получили в докладе Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК в 2007 году. В выступлении было заявлено, что китайскому руководству необходимо твердо руководствоваться теорией Дэн Сяопина и важными идеями «тройного представительства», углубленно претворять в жизнь научную концепцию развития.

Ху Цзиньтао отметил, что научная концепция развития является продолжением и развертыванием важных идей трех поколений китайских руководителей, концентрированным выражением мировоззренческих и методологических принципов марксизма по этому вопросу, научной теорией, связанной корнями с марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, важными идеями «тройного представительства» и идущей в ногу с эпохой, той важной стратегической идеей, которой необходимо твердо держаться и которую необходимо претворять в жизнь при продвижении социализма с китайской спецификой.

По его словам, научная концепция развития выдвинута с учетом основных реалий начальной стадии социализма в стране, на основе обобщения практики Китая и заимствования зарубежного опыта развития, в свете новых требований самого развития. Со вступлением страны в новый век и новый период процесс развития в Китае продемонстрировал целый ряд новых стадийальных особенностей.

Ху Цзиньтао указал, что со времени начала проведения политики реформ и открытости Китай добился впечатляющих результатов развития, приковавших взоры всего мира. Как производительные силы, так и производственные отношения, как экономический базис, так и надстройка претерпели серьезные изменения далеко идущего значения. И тем не менее основная реалья Китая — то, что страна все еще находится и будет долго находиться на начальной стадии социализма, эта реалья не изменилась. Противоречие между постоянно расту-

щими материально-культурными потребностями народа и отсталым общественным производством остается главным противоречием общества [5].

И в дальнейшем руководители Китая постоянно обращались к проблеме построения среднезажиточного общества. 15 ноября 2012 года в Пекине завершился XVIII съезд КПК. 29 ноября 2012 года новый Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин провозгласил концепцию «Чжунго мэн» («Китайская мечта») о великом возрождении китайской нации. Эта концепция была выдвинута фактически без предварительного коллективного обсуждения и партийных дебатов, сразу после избрания Си Цзиньпина главой партии. По мнению профессора Лукьянова, руководителя Центра изучения цивилизаций Института Дальнего Востока РАН, «Китайская мечта» также наполнена духом конфуцианства, используемого председателем Си для мобилизации патриотизма и энтузиазма нации. Председатель Си придает важное значение конфуцианскому учению. Сложившуюся ныне систему ценностей он выражает в конфуцианских философских максимах: «народ — основа государства», «небо, земля и человек едины», «достигать согласия при наличии разногласий», «благородный муж думает о долге» и др. [6].

В дальнейших выступлениях и докладах уже в ранге председателя КНР Си Цзиньпин назвал три главных условия осуществления «Китайской мечты»: 1) неотступное движение по пути социализма с китайской спецификой; 2) возвышение духа китайской нации, сердцевиной которого является патриотизм; возвышение духа эпохи, сердцевину которого составляют реформы и новаторство; 3) объединение сил нации.

Председатель Си определил и этапы достижения поставленной цели: 1) к 100-летию основания КПК (2021) решить задачу создания общества «сяокан»; 2) к 100-летию образования КНР (2049) решить задачу создания богатого, цивилизованного, гармоничного и современного социалистического государства [6].

В октябре 2017 года состоялся XIX съезд КПК. Накануне съезда Китай столкнулся с новой тенденцией — снижением темпов ежегодного прироста ВВП с 9—11 % в 2002—2011 годах до 6—9 % в 2012—2016 годах [7].

Эксперты объясняют это как внутренними причинами — достигнут высокий объем ВВП, что приведет к большим сложностям при попытке обеспечить еще более высокие показатели ВВП, так и внешними — связанными со значительным снижением спроса на китайскую экспортную продукцию из-за мирового финансового кризиса.

Большое внимание на съезде уделялось развитию инноваций. Китай вступил в период сокращения численности экономически активного населения, поэтому экономический рост не может, как раньше, быть достигнут за счет задействования на производстве большого количества рабочей силы. В этой связи в Китае появилось понятие «новая нормальность» (синь чантай). Оно указывает на постепенные перемены в динамике развития экономики КНР после мирового экономического кризиса 2008—2009 годов. Новая нормальность обозначала стремление руководства КНР достичь к 2020 году построения общества «малого благоденствия». Решать эту задачу приходилось в новых условиях снижения темпов экономического роста [8].

В отчетном докладе отмечались и многочисленные проблемы, возникающие на пути построения общества «малого благоденствия». В частности, это проблема неравномерности развития страны, недостаточный научно-технический потенциал, нерациональная структура производства, проблема развития инноваций. Уровня общества среднего достатка (зажиточности) Китай пока не достиг, поэтому считает себя еще не социалистической, а развивающейся страной [9, с. 12].

По мнению ряда экспертов, предполагалось, что на съезде будут внесены существенные корректировки в проведение политического и экономического курса китайского руководства, направленные на большую либерализацию экономической и политической жизни для более тесной интеграции с мировой экономикой. Но КПК в очередной раз подтвердила свою приверженность социализму с китайской спецификой. Об этом свидетельствует тот факт, что в основных документах, принятых на съезде, подтверждено, что Китай идет к осуществлению

«двух вековых целей» — к 2020 году (100-летию образования КПК) построить общество «малого благоденствия» (сяокан шэхуэй) и к 2049-му (100-летию образования КНР) — «богатую демократическую цивилизацию и гармоничную прекрасную социалистическую мощную державу» [8]. Включение в партийные документы в качестве идеологической основы текущих преобразований «идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новом веке» означает укрепление его власти как внутри партии, так и в государстве. Фактически Си Цзиньпин поставлен в один ряд с такими политическими деятелями, как Мао Цзэдун и Дэн Сяопин.

Посол Китайской Народной Республики в Российской Федерации, давая интервью российским СМИ в мае 2021 года, вновь подтвердил: «Теория социализма с китайской спецификой — это не просто “копирование” идей марксизма-ленинизма, а научная теория, сформированная из “практики, познания, повторной практики и повторного сознания”. Китайские коммунисты, опираясь на науку, дали ответ на следующие важные вопросы: что такое социализм, как его строить? Какую создавать партию и каким образом? Какого развития достичь, как это сделать? Какой социализм с китайской спецификой развивать в новую эпоху, каким образом? Данная теория с помощью новых подходов решила множество новых проблем, нашла ответы на вызовы, с которыми прежде никто не сталкивался, выдвинула немало новых идей и сформулировала выводы, которые не были сделаны теоретиками марксизма. Теория социализма постоянно обогащается и развивается на практике» [10].

Таким образом, в Китае сохраняется приверженность главной программной цели КПК — строительству социализма. При этом речи не идет ни о строительстве капитализма, ни о конвергенции, ни о какой-либо другой теории. XIX съезд единогласно признал важной руководящей идеологией идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новом веке. Эта теория считает буржуазные элементы равноправными участниками строительства социализма. Частный собственник в Китае рассматривается не как враг, а как равноправный партнер в процессе построения социалистического общества. Все формы собственности, в том числе и частной, уравниваются в правах с государственной, общественной. Организации КПК охватывают все организации и учреждения страны, включая и частные компании. Представители частного сектора экономики регулярно проходят обучение в партийных школах и административных институтах. Си Цзиньпин неизменно подчеркивает, что «мы строим именно социализм с китайской спецификой, а не капитализм, как утверждают некоторые люди за пределами Китая» [7, с. 20].

Заключение. Рассмотренные новые аспекты в идеологии КПК свидетельствуют о том, что китайское руководство стремится оперативно и своевременно отвечать на возникающие вызовы как внутри страны, так и в глобальном масштабе. С одной стороны, китайское руководство выдвигает новые идейные установки, отвечающие реалиям XXI века, с другой — постоянно обращается к идеям основоположников марксизма.

Список цитированных источников

1. Буров, В. Г. Китаизированный марксизм — теоретическая основа деятельности Компартии Китая / В. Г. Буров // Азия и Африка сегодня. — 2019. — № 1. — С. 9—21.
2. Доклад Цзян Цэминя на XIV Всекитайском съезде КПК [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/russian>. — Дата доступа: 11. 09.2021.
3. Путь современного Китая к обществу «сяокан» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1037055540>. — Дата доступа: 12. 09.2021.
4. Цзян Цзэминь: важные идеи «тройного представительства» являются руководящими идеями, которых КПК обязана держаться долгое время [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/russian>. — Дата доступа: 13.09.2021.

5. Ху Цзиньтао об углубленном претворении в жизнь научной концепции развития [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/russian> . — Дата доступа: 11.09.2021.
6. Лукьянов, А. Е. Философские прообразы «Китайской мечты» [Электронный ресурс] / А. Е. Лукьянов. — Режим доступа: http://www.kitaichina.com/se/txt/2016-02/05/content_712793.htm . — Дата доступа: 11.09.2021.
7. Островский, А. XIX съезд КПК: новые задачи перед страной — новые вызовы / А. Островский // Азия и Африка сегодня. — 2018. — № 1. — С. 9—16.
8. Новости Посольства КНР в РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org> . — Дата доступа: 11.09.2021.
9. Дейч, Т. XIX съезд КПК: значение для Китая и его внешней политики века / Т. Дейч // Азия и Африка сегодня. — 2018. — № 5. — С. 11—18.
10. Чжан Ханьхуэй: что такое социализм с китайской спецификой? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org> . — Дата доступа: 05.09.2021.

Поступила в редакцию 10.03.2022.

УДК 94(37)

С. М. СмірноўБеларускі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Мендзялеева, 36, 220037 Мінск,
Рэспубліка Беларусь, +375 (44) 599 43 35, viales89@gmail.com**РЭЛІГІЙНАЯ ПАЛІТЫКА АЛЯКСАНДРА СЕВЕРА: ТРАДЫЦЫЯ І СІНКРЭТЫЗМ**

Дадзены артыкул прысвечаны аналізу асноўных асаблівасцей рэлігійнай палітыкі рымскага імператара Аляксандра Севера на аснове звестак рымскіх гісторыкаў, эпіграфікі і нумізматыкі. Разглядаюцца праявы рэлігійнага традыцыяналізму і сінкрэтызму ў палітычнай і рэлігійнай прапагандзе Аляксандра Севера. Актуальнасць дадзенага даследавання заключаецца ў высвятленні гістарычнай карціны развіцця духоўнай культуры рымскай цывілізацыі, якая дагэтуль з'яўляецца асновай культуры сучаснага свету. Рэлігійная палітыка Аляксандра Севера адначасова падтрымлівала традыцыі рымскай рэлігіі і цярпіма ставілася да сінкрэтычных тэндэнцый у рэлігійным жыцці насельніцтва Рымскай імперыі.

Ключавыя словы: рэлігійная палітыка; сінкрэтызм; традыцыяналізм; рымская рэлігія; Рымская імперыя.
Бібліягр.: 23 назвы.

S. M. SmirnovBelarussian State University, 36 Mendeleeva Str., 220037 Minsk, the Republic of Belarus,
+ 375 (44) 599 43 35, viales89@gmail.com**RELIGIOUS POLITICS OF ALEXANDER SEVERUS: TRADITION AND SYNCRETISM**

This article is devoted to the analysis of the main features of the religious policy of Alexander Severus and is based on the evidence of Roman historians, numismatics and epigraphy. The article deals with the manifestations of syncretism and traditionalism in the political and religious propaganda of Alexander Severus. The relevance of this research is in clarifying the historical picture of the development of the spiritual culture of the Roman civilization, which is the basis of modern culture. The religious policy of Alexander Severus simultaneously supported the traditions of the Roman religion and was tolerant to syncretic tendencies in the religious life of the population of the Roman Empire.

Key words: religious politics; syncretism; traditionalism; roman religion; the Roman Empire.
Ref.: 23 titles.

Уводзіны. У гістарыяграфіі рэлігійная палітыка рымскага імператара Аляксандра Севера вызначаецца як рэакцыя на рэлігійныя мерапрыемствы імператара Элагабала. Гісторыкі падкрэсліваюць, што асноўнай асаблівасцю рэлігійнай палітыкі Аляксандра Севера была падтрымка традыцыйнай рымскай рэлігіі [1, с. 384—385; 2, с. 93—94]. На думку А. М. Штаерман, Аляксандр Север імкнуўся падтрымаць культ найлепшых рымскіх імператараў, што адпавядала ідэалагічным сімпатыям рымскай палітычнай эліты [2, с. 93]. Сярод заходніх даследчыкаў пануе думка, што перыяд кіравання Аляксандра Севера з'яўляўся эпохай рэлігійнай цярпімасці і сінкрэтызму [3, с. 448—449, 451—470].

Аналіз рэлігійнай палітыкі Аляксандра Севера ўскладняецца праблемай аўтэнтычнасці слоў з біяграфіі імператара ў Гісторыі Аўгустаў (Scriptores Historiae Augustae, або SHA) пра яго асабісты ларарый. Аўтэнтычнасць дадзеных звестак адмаўляе нямецкі даследчык Ё. Штраўб, які лічыць зборнік біяграфій рымскіх імператараў палемічным творам эпохі імператара Феадосія. Гэты твор, на думку Ё. Штраўба, прадстаўляе язычніцкі погляд на гісторыю Старажытнага Рыму [4]. На думку польскага гісторыка Р. Сускага, біяграфія Аляксандра Севера з'яўляецца самай недакладнай біяграфіяй з Гісторыі Аўгустаў. Р. Сускі прызнае рэлігійную цярпімасць у палітыцы апошняга прадстаўніка дынастыі Севераў, але ставіць пад сумнеў звесткі Гісторыі Аўгустаў аб асабістым ларарый рымскага імператара. Асноўная лінія рэлігійнай палітыкі Аляксандра Севера заключалася ў шырокай падтрымцы традыцый рымскай рэлігіі [5, с. 272—289].

Матэрыялы і метады даследавання. Дадзеная праца прысвечана аналізу рэлігійнай палітыкі Аляксандра Севера на аснове звестак рымскіх гісторыкаў, нумізматычнага і эпиграфічнага матэрыялу. Пры аналізе дадзеных звестак можна выявіць асноўную мадэль узаемадзеяння рэлігійнага традыцыяналізму і сінкрэтызму ў рэлігійнай палітыцы рымскага імператара.

Рэлігійны сінкрэтызм у дадзенай працы разглядаецца як працэс і вынік узаемадзеяння розных рэлігійных традыцый на прасторах Рымскай імперыі [6, с. 83—96]. Значную ролю ў духоўным жыцці імперыі займала рымская рэлігійная традыцыя. На думку Дж. Шайда, рымская рэлігія была адкрытай да ўплыву вераванняў іншых народаў Рымскай імперыі, але захоўвала сваю тоеснасць і валодала гнуткім рытуальным стандартам [7, с. 32—33].

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. Сведчанні рымскіх гісторыкаў паказваюць, што рэлігійная палітыка Аляксандра Севера істотна адрознівалася ад палітыкі імператара Элагабала. Новы імператар і яго родзічы імкнуліся ліквідаваць негатыўныя наступствы рэлігійнай рэформы папярэдняга імператара (Dio Cass. LXXX, 1—3; SHA Alex. Sev. XV. 1) [8, с. 363—364; 9, с. 162]. Аляксандр Север адправіў назад свяшчэнны камень салярнага бога ў сірыйскую Эмесу, вярнуў статуі рымскіх багоў, якія былі ў храме салярнага бога, на свае былыя месцы (Dio Cass. LXXIX, 21. 3; Herodian VI, 1. 1—3) [8, с. 363; 10, с. 213]. На падставе дадзеных звестак можна казаць аб палітыцы рэлігійнай рэстаўрацыі, якую праводзіў Аляксандр Север [11]. Імператар аднаўляў прэстыж традыцыі рымскай рэлігіі, супрацьпастаўляў сябе папярэдняму імператару, які здзейсніў радыкальную рэформу рымскай рэлігіі. Рэформа імператара Элагабала заключалася ва ўзвышэнні ролі эмескага бога, які станавіўся новым вярхоўным богам Рымскай імперыі. Гэтая рэформа атрымала негатыўную ацэнку з боку рымскіх гісторыкаў, якія прадстаўлялі пазіцыю рымскай палітычнай эліты.

Палітыка рэлігійнай рэстаўрацыі Аляксандра Севера пацвярджаецца звесткамі нумізматычнага матэрыялу. Выявы свяшчэннага каменя эмескага салярнага бога знікаюць з рымскіх манет. На манетах Аляксандра Севера прысутнічаюць выявы традыцыйных рымскіх багоў. Рымскі імператар надаваў значную ўвагу шанаванню вярхоўнага бога рымскага пантэону Юпітэру Капіталійскаму, які згубіў статус вярхоўнага бога падчас правядзення рэлігійнай рэформы Элагабала. Рымскі Юпітэр атрымлівае на манетах Аляксандра Севера традыцыйны найменні: Conservator Aug., Propugnator, Ultor, Stator (RIC IV. II. Severus Alexander № 4, 18, 34, 140, 142, 201, 202) [12]. Выявы вярхоўнага бога Старажытнага Рыму сведчаць, што Юпітэр выступаў як асабісты апякун імператара і ўсёй імперыі. Звяртаюць увагу манеты з легендай Iovi Ultor (RIC IV. II. Severus Alexander № 203, 560, 561) [12; 13, с. 7—8]. Эпітэт Ultor (Помснік) з'яўляецца незвычайным для Юпітэра, бо на чаканцы рымскіх імператараў з такім эпітэтам часцей выступаў рымскі бог вайны Марс [11]. На медальёне Аляксандра Севера прысутнічае выява храма ў гонар Iovi Ultor, які падобны на храм эмескага салярнага бога на манетах імператара Элагабала [11; 12, с. 8]. Сярод еўрапейскіх даследчыкаў існуе меркаванне, што Аляксандр Север пасвяціў храм Элагабала ў храм Iovi Ultor, каб прадэманстраваць сваю прыхільнасць традыцыям рымскай рэлігіі [14]. Такім крокам рымскі імператар імкнуўся заручыцца падтрымкай рымскай палітычнай эліты, а таксама рашуча парваць з рэлігійнай рэформай Элагабала. Новы эпітэт Юпітэра сведчыць, што Аляксандр помсціць свайму папярэдніку за парушэнне рэлігійных традыцый Рыма [11; 14]. Рэлігійная рэформа і асоба імператара Элагабала падваргаліся damnatio memoriae (праклён памяці). Хаця культ эмескага бога не быў забароненым, але губляў сваё афіцыйнае месца, якое атрымаў падчас рэлігійнай рэформы папярэдняга імператара [7, с. 104—105].

Аляксандр Север у сваёй палітычнай і рэлігійнай прапагандзе падкрэсліваў значную ролю рымскага бога Марса ў жыцці імперыі. На манетах гэтага імператара Марс выступае з эпітэтамі «Помснік» (Ultor), «Пераможца» (Victor), «Абаронца» (Propugnator), «Носьбіт Міру» (Pacifero) (RIC IV. II. Severus Alexander № 6, 21, 157—162, 207) [18]. Выкарыстанне Марса ў прапагандзе Аляксандра Севера сведчыць аб пошуках паразумення з вайскавай элітай Рымскай імперыі. Рымскі бог Марс выступае як абаронца дабрабыту і мірнага жыцця на манетах рымска-

га імператара. Імператар спадзяваўся на падтрымку Марса, калі ў 231 годзе н. э. адпраўляўся ў паход супраць дзяржавы Сасанідаў. Знешнія пагрозы імперыі штурхалі выкарыстоўваць вобраз Марса ў чаканцы, каб прадэманстраваць насельніцтву абараназдольнасць Рымскай імперыі.

Аляксандр Север выкарыстоўваў у сваёй рэлігійнай палітыцы рымскую багіню Венеру. На манетах багіня атрымлівае эпітэты *Victrix* (Пераможца) і *Caelestis* (Нябесная) (RIC IV. II. Severus Alexander № 308, 309). Апошні эпітэт рымскай багіні можа набліжаць яе да пунічнай багіні Таніт, або Ураніі, культ якой быў далучаны да рэлігійнай рэформы імператара Элагабала [15]. Культ сінкрэтычнай багіні не пацярпеў ад рэлігійнай рэстаўрацыі Аляксандра Севера. Выявы традыцыйных рымскіх багін прысутнічаюць на манетах, якія прысвечаны Юліі Мамеі — маці рымскага імператара Аляксандра Севера. На гэтых манетах вылучаюцца выявы багіні Венеры з легендамі *Venus Felici*, *Venus Felix*, багіні Юноны з легендай *Iuno Conservatrix*, а таксама выявы багін Весты, Фартуны, Вікторыі (RIC IV. II. Severus Alexander № 340—342, 350—358, 360—364, 365) [12]. Сам імператар дэманстраваў прыхільнасць да традыцыйных рымскіх багін, якія сімвалізавалі рымскія цноты — Набожнасць, Мужнасць, Надзея, Спакой, Паспех (RIC IV. II. Severus Alexander № 9, 13, 51, 77, 95, 137, 149, 167, 170, 181) [12]. Салярны бог *Sol* застаецца на манетах гэтага імператара, але захоўвае традыцыйнае рымскае аблічча (RIC IV. II. Severus Alexander № 8, 76, 102, 106, 109—119) [12].

Правінцыяльная чаканка ў Рымскай імперыі адлюстроўвае мясцовую рэлігійную сітуацыю і ўзаемадзеянне рэлігійнай палітыкі рымскага цэнтра і правінцыяльных эліт [16]. На шматлікіх манетах, якія паходзяць з усходніх правінцый Рымскай імперыі, можна заўважыць выявы мясцовых багоў і багоў грэка-рымскага пантэону. На чаканцы рымскай правінцыі Віфініі прысутнічаюць выявы багоў Дэметры, Пасейдона, Цюхе, Асклепія, Зеўса і Апалона. Гэтыя правінцыяльныя манеты сведчаць аб значнай папулярнасці грэчаскіх багоў у гэтым рэгіёне (RPC VI Severus Alexander № 3025, 3029, 3033, 3156, 3157, 3161, 3162) [16]. Выявы Серапіса і Ісіды больш характэрны для егіпецкай чаканкі (RPC VI Severus Alexander № 10401, 10508, 10617, 10646) [16]. Таксама на егіпецкіх манетах прысутнічаюць выявы Геліяса і Селены, але іканаграфія сонечнага бога Геліяса адпавядае традыцыйным выявам *Sol Invictus* на агульнаімперскіх манетах (RPC VI Severus Alexander № 10453, 10524, 10563) [16]. Але правінцыяльная чаканка амаль не разглядаецца ў аналізе рэлігійнай сітуацыі ў Рымскай імперыі даследчыкамі гісторыі антычнай рэлігіі.

Пазітыўная рэакцыя эліты, рымскага войска і насельніцтва на прыхільнасць Аляксандра Севера да традыцыйных багоў рымскага пантэону заўважна ў эпіграфічным матэрыяле. Надпіс з лагернага свяцілішча ў рымскай Германіі прысвечаны ў гонар Юпітэра, Марса, Вікторыі, імператара Аляксандра і яго маці Юліі Мамеі (CIL XIII, 8017) [17]. Згодна са сведчаннямі надпісу з верхняй Паноніі, Луцый Антоній Сабініян аднавіў разбураны храм Юпітэру, Юноне, Мінерве, Нептуну, Ліберу і іншым багам падчас кіравання імператара Аляксандра (CIL III, 11079) [17]. Жыхары панонскага Аквінка паставілі алтар у гонар Юпітэра Тэўтана, які з'яўляўся сінкрэтычным кельцка-рымскім богам, і Юноны за дабрабыт і здароўе імператара (CIL III, 10481) [17]. Салдаты II Дапаможнага легіёну, які размяшчаўся ў Паноніі, пасвяцілі надпіс у гонар Маці Зямлі (CIL III, 10469) [17]. Таксама сустракаюцца надпісы за здароўе і дабрабыт імператара ў гонар Кібелы (CIL VIII, 19981; CIL XIV, 4303), Дыяны (CIL III, 10304; CIL III, 13722), мясцовага бога Азіза (AE 1910, 142), Лібера і геніі мясцін (CIL XIII, 8205) [17]. У Сармізегетузе быў пастаўлены алтар Малакбелу, Яргіболу і пальмірскім багам (CIL III, 7955; AE 2011, 1084) [17]. Жыхары Рымскай імперыі імкнуліся падкрэсліць сваю лаяльнасць традыцыйнаму рымскаму пантэону, але адначасова шанавалі мясцовых багоў і багоў усходніх культураў. Гэта сведчыць пра суіснаванне рэлігійнага сінкрэтызму і традыцыяналізму ў духоўнай культуры Рымскай імперыі.

Такім чынам, звесткі нумізматыкі і эпіграфікі дэманструюць вернасць імператара рымскім рэлігійным традыцыям. Апошні прадстаўнік дынастыі Севераў не праяўляў публічную прыхільнасць да замежных культураў. Прычына гэтага заключаецца ў тым, што імператар

абапіраўся на падтрымку прадстаўнікоў рымскай палітычнай эліты, якія асуджалі рэлігійную палітыку папярэдняга імператара. Сведчанні рымскіх гісторыкаў дазваляюць заўважыць сінкрэтычную лінію ў палітыцы гэтага імператара. Аляксандр Север ставіў статуі абагаўлёных імператараў, а ў асабістым ларарыі імператара прысутнічалі статуі Апалонія Цянскага, Арфея, Аўраама і Хрыста (SHA Alex. Sev. XXIX, 2) [9, с. 170]. Звычайна даследчыкі не давяраюць сведчанням са зборніка біяграфій рымскіх імператараў [4; 5, с. 257—290]. Гісторыя Аўгустаў разглядаецца як ненадзейная гістарычная крыніца па гісторыі рымскага грамадства II—III стагоддзяў н. э. [5, с. 273]. Польскі даследчык Р. Сускі лічыць, што праявы сінкрэтызму ў рэлігійнай палітыцы Аляксандра Севера мусілі быць заўважны на манетах гэтага імператара [5, с. 275]. Дадзены довад не звяртае ўвагу на сведчанне царкоўнага гісторыка Еўсевія Кесарыйскага аб прыхільнасці Аляксандра Севера і Юліі Мамеі да хрысціян (Euseb. Hist. Eccl. VI, 21. 3) [18, с. 386—387]. Імператар і яго сям'я магчыма былі знаёмы з прадстаўнікамі хрысціянскай інтэлектуальнай эліты Арыгенам і Юліем Афрыканам [3, с. 459—470; 19, с. 110—111]. Не ўлічваецца паходжанне сям'і рымскага імператара з Сірыі, якая з'яўлялася пляцоўкай міжкультурнага і рэлігійнага дыялогу на ўсходзе Рымскай імперыі. Культура рымскай Сірыі фармавалася і развівалася пад уплывам грэка-рымскай, парфянскай і яўрэйскай культур. У памежным горадзе Дура-Еўропас (Сірыя) прысутнічалі сакральныя помнікі мясцовага хрысціянства, арыгінальныя фрэскі з яўрэйскай сінагогі з выявамі біблейскіх сцэн, храм пальмірскіх багоў і мясцовы мітрэум — месца шанавання бога Мітры [20, с. 133—185; 21, с. 1—41]. Родзічы Аляксандра Севера жылі ў асяроддзі, якое было досыць адкрытым да міжкультурнага і рэлігійнага сінтэзу. Разам з гэтым сям'я рымскага імператара шанавала Апалонія Цянскага. Юлія Домна, якая была родзічам Аляксандра Севера і жонкай рымскага імператара Септымія Севера, замовіла біяграфію Апалонія Цянскага ў Флавія Філастрата (Philostr. VA. 1. 3) [22, с. 6]. Імператар Каракала, сын Юліі Домны і Септымія Севера, шанаваў гэтага язычніцкага філосафа (Dio Cass. LXXVII, 18. 4) [8, с. 300]. Італьянскі даследчык К. Мандэла лічыць, што сведчанне аб асабістым ларарыі Аляксандра Севера з'яўляецца праўдападобным, бо адпавядае агульнаму рэлігійнаму і культурнаму клімату пачатку III стагоддзя н. э. [23].

Заклучэнне. Рэлігійная палітыка Аляксандра Севера заключалася ў падтрымцы рэлігійных традыцый рымскай рэлігіі і праяў рэлігійнага сінкрэтызму ў духоўнай культуры Рымскай імперыі. Падтрымка рымскіх традыцый была абумоўлена палітычным кампрамісам паміж сям'ёй імператара і рымскай палітычнай эліты, якая негатыўна адрэагавала на рэлігійную рэформу імператара Элагабала. Лінія на падтрымку праяў рэлігійнага сінкрэтызму ў палітыцы рымскага імператара Аляксандра Севера захоўваецца, але мадэль сінкрэтызму становіцца кансерватыўнай, бо абмяжоўваецца прыватным культам. Родзічы рымскага імператара ўлічвалі правал рэлігійнай палітыкі Элагабала, якая не адаптавала эмескі культ да рымскіх традыцый і не атрымала значнай падтрымкі з боку розных сацыяльных колаў насельніцтва імперыі. Сведчанні нумізматычнага матэрыялу яскрава дэманструюць рэстаўрацыйны характар рэлігійнай палітыкі Аляксандра Севера, які аднаўляў рымскую традыцыю і шанаваў вярхоўнага бога імперыі Юпітэра Капіталійскага. Эпіграфічныя дадзеныя дазваляюць судзіць аб падтрымцы рымскім імператарам культу традыцыйных рымскіх багоў, што не замінала шанаванню багоў лакальных і містэрыяльных культураў.

Аляксандр Север і яго сям'я не маглі адмовіцца ад падтрымкі рэлігійнага сінкрэтызму, бо яны паходзілі з рымскай Сірыі, у якой праходзіў сінтэз розных культур і рэлігійных вераванняў. Магчыма, імператар і яго родзічы былі знаёмыя з прадстаўнікамі хрысціянскай інтэлектуальнай эліты і праяўлялі цярымасць і цікавасць да новай рэлігіі. Рэлігійная палітыка Аляксандра Севера заключалася ў кансерватыўным балансе паміж рымскім традыцыяналізмам і рэлігійным сінкрэтызмам у жыцці Рымскай імперыі. Дадзены баланс заключаецца ў дамінаванні рымскіх традыцый над праявамі рэлігійнага сінкрэтызму, які абмяжоўваўся прыватнымі і лакальнымі культурамі.

Спис цытаваных крыніц

1. *Штаерман, Е. М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи / Е. М. Штаерман. — М. : Изд-во АН СССР, 1957. — 511 с.
2. *Зелинский, Ф. Ф.* История античных религий : в 5 т. / Ф. Ф. Зелинский. — СПб. : Квадриум, 2018. — Т. 5, кн. 2 : Религия Римской империи. — 560 с.
3. *Mazzarino, S.* L'impero Romano : in 2 v. / S. Mazzarino. — Bari : Laterza, 2007. — V. 2. — 534 p.
4. *Straub, J.* Le leggi di Severo Alessandro in materia di usura (AS 26,3) / J. Straub // Atti del Colloquio Patavino sulla Historia Augusta. — Roma : Universita degli studi do Padova, 1963. — P. 5—20.
5. *Suski, R.* Jowisz, Jahwe i Jezus. Religie w Historia Augusta / R. Suski. — Warszawa : Wydawnictwo Naukowe Sub Lupa, 2014. — 496 p.
6. *Pakkanen, P.* Interpreting Early Hellenistic Religion: A Study Based on the Mystery Cult of Demeter and the Cult of Isis / P. Pakkanen. — Helsinki : Finnish Institute at Athens, 1996. — 186 p.
7. *Шайд, Дж.* Религия римлян / Дж. Шайд ; пер. с франц. О. П. Смирновой. — М. : Новое изд-во, 2006. — 280 с.
8. Кассий Дион Коккеян. Римская история. Книги LXIV—LXXX / Кассий Дион Коккеян ; пер. с древнегреч. А. В. Махлаюка. — СПб. : Филфак СПбГУ, 2011. — 456 с.
9. Властелины Рима. Биография римских императоров от Адриана до Диоклетиана / пер с лат. С. П. Кондратьева. — СПб. : Алетейя, 2001. — 384 с.
10. Геродиан. История императорской власти после Марка : в 8 кн. / пер. с древнегреч. А. И. Доватура [и др.]. — СПб. : Алетейя, 1995. — 289 p.
11. *Shäfer, D.* Iuppiter als Schutzgott des Alexander Severus in der Reichsprägung / D. Shäfer // Geldgeschichtliche Nachrichten. — Mai 2019. — Jg. 54. Heft 303. — P. 132—138.
12. The Roman Imperial Coinage (RIC) : in 10 v. / ed. H Mattingly, E. A. Sydenham. — London : Spink&Son, 1936—1994. — Vol. IV, part 2. — P. 1938—240.
13. *Cohen, H.* Description Historique des Monnaies Frappées sous L'Empire Romain communément appelées Médailles Impériales : in 8 vol. / H. Cohen. — Paris : M. Rollin, 1860. — Vol. 4. — 566 p.
14. *Rowan, C.* Becoming Jupiter: Severus Alexander, The Temple of Jupiter Ultor, and Jovian Iconography on Roman Imperial Coinage / C. Rowan // American Journal of Numismatics. — 2009. — Vol. 21. — P. 123—150.
15. *Halsberghe, G. H.* The cult of Sol Invictus / G. H. Halsberge. — Leiden : E. J. Brill, 1972. — 192 p.
16. Roman Provincial Coinage online (RPC) [Electronic resource]. — Mode of access: <https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/>. — Date of access: 28.05.2021.
17. Epigraphik-Datebank [Risorsa elettronico]. — Modalità d'accesso: <http://www.manfredclaus.de/gb/index.html>. — Data d'accesso: 01.05.2021.
18. *Кесарийский, Е.* Церковная история / Е. Кесарийский ; пер. с древнегреч., под ред. И. В. Кривушина. — СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2014. — 544 с.
19. *Rinaldi, G.* Pagan e cristiani. La storia di un conflitto (secoli I—IV) / G. Rinaldi. — Roma : Carocci editore, 2016. — 488 p.
20. *Ростовцев, М. И.* Караванные города / М. И. Ростовцев. — СПб. : Нестор-История, 2010. — 218 с.
21. *Dirven, L.* The Palmyrenes of Dura-Europos: A Study of Religious Interaction in Roman Syria / L. Dirven. — Leiden : Brill, 1999.
22. *Филострат, Ф.* Жизнь Аполлония Тианского / Ф. Филострат ; пер. с древнегреч., под ред. М. Л. Гаспарова. — М. : Наука, 1985. — 330 с.
23. *Mondello, C.* Sui Lares di Severo Alessandro (HA Alex. Sev. 29, 2; 31, 4—5): fra conservazione e trasformazione / C. Mondello // Hormos. Ricerca di Storia Antica. — 2017. — № 9. — P. 189—229.

Паступіў у рэдакцыю 24.01.2022.

УДК 930.2

Ю. Ю. СтукачеваУчреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
ул. Ожешко, 22, 230000 Гродно, Республика Беларусь, +375 (29) 885 03 42, yletnyaya@inbox.ru**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ В 1970—1980-Х ГОДАХ**

На протяжении XX века, особенно во второй его половине, историческая наука Соединенных Штатов Америки активно менялась. В 1960-х годах американские университеты пополнились новыми студентами. Значительную их часть занимали выходцы из слоев, которым ранее было недоступно высшее образование. Начался процесс фрагментации исторической науки, который усиливался с созданием новых исторических дисциплин. Катализатором борьбы между различными направлениями стал финансовый кризис. В 1970—1980-х годах в США получили широкое развитие такие исторические дисциплины, как женская, культурная, религиозная, экологическая, публичная, расовая история, история науки и техники и др. Вместе с тем «гиганты» исторической науки — интеллектуальная и экономическая история, история международных отношений — существенно ослабли. К концу 1980-х годов в США существовало большое количество исторических направлений и концепций, которые противостояли друг другу.

Ключевые слова: американская историческая наука; методология; исторические направления; женская история; кризис; постмодернизм; фрагментация.

Рис. 2. Библиогр.: 20 назв.

Y. Y. StukachevaEducational institution “Yanka Kupala State University of Grodno”, 22 Ozheshko Str., 230000 Grodno,
the Republic of Belarus, +375 (29) 885 03 42, yletnyaya@inbox.ru**METHODOLOGICAL CHANGES
IN AMERICAN HISTORICAL SCIENCE IN THE 1970—1980S**

Throughout the 20th century, especially in its second half, the history of the United States of America has been actively changing. In the 1960s, American universities were replenished with new students. A significant part of them were occupied by people from backgrounds who previously had no access to higher education. The process of fragmentation of historical science began, which intensified with the creation of new historical disciplines. The financial crisis became a catalyst for the struggle between different directions. In the 1970—1980s in the United States, such historical disciplines as women’s, cultural, religious, environmental, public, racial history, the history of science and technology, etc., were widely developed. At the same time, the “giants” of historical science — intellectual and economic history, the history of international relations — significantly weakened. By the end of the 1980s, there were a large number of historical trends and concepts in the United States that opposed each other.

Key words: American historical science; methodology; historical disciplines; crisis; postmodernism; fragmentation.

Fig. 2. Ref.: 20 titles.

Введение. В XX веке в европейской исторической науке произошли серьезные изменения. Французская школа «Анналов» выступила с призывом создания новой исторической науки. Произошел «антропологический поворот». В Италии зародилось такое историческое направление, как микроистория. Широкое распространение получили история повседневности, история женщин и т. д.

В сфере гуманитарных наук США также произошли перемены, которые заложили фундамент нынешнего этапа развития культуры и общества на Западе. Данные изменения характеризуются как методологический кризис и являются слабо изученными в русскоязычном пространстве.

Материалы и методы исследования. Источниковая база данной статьи включает в себя труды таких американских ученых, как Дж. Эпплби, П. Новик, Г. Химмельфарб, Р. Таунсенд и др. [1—7]. В русскоязычной историографии проблема методологического кризиса в исторической науке поставлена в исследованиях В. А. Тишкова, И. А. Цветкова, А. И. Кубышкина, Л. П. Репиной, Б. Г. Могильницкого, А. Я. Гуревича и др. [8—13]. Среди белорусских исследователей данную тематику изучали А. Н. Нечухрин, О. М. Шутова, В. Н. Сидорцов и др. [14—16]. Методологический кризис в исторической науке рассматривался как в теоретическом плане [1—16], так и в тематических историографических исследованиях [17—19]. В качестве примера в отношении историографического изучения истории ВКЛ, Беларуси, Речи Посполитой как проявление кризиса в исторической науке посредством изменения ее теоретико-методологических течений можно назвать работы белорусских историков Т. Т. Кручковского [17; 18] и Г. В. Васюка [19].

В решении поставленных исследовательских задач автор опиралась на основополагающие принципы исторической науки — историзма и объективности, а также ценностный подход. Практическим воплощением вышеназванных принципов в процессе подготовки настоящей работы было применение общенаучных и специально-исторических методов. Методы, применяющиеся в историографии, хотя и используются и в других областях исторической науки, но имеют существенную специфику.

Результаты исследования и их обсуждение. В XIX веке предметом исторической науки были институты, в первую очередь политические [3, с. 583]. Некоторый отход от этого стандарта наблюдался уже в начале XX века, связанный с появлением прогрессизма и распространением релятивистских концепций, однако в полной мере принципиальный отказ от изучения институтов как главного предмета исследования произошел во второй половине XX века.

После удачного для США завершения Второй мировой войны и, как следствие, роста влияния и экономики Соединенных Штатов в американской историографии ведущей концепцией стала консенсусная. Главной идеей данного направления стала теория «согласованных интересов», заключающаяся в том, что на протяжении всей истории США общество, независимо от классов, разделяло общее стремление к свободе, демократии и неприкосновенности частной собственности. Таким образом, консенсусная история придерживалась американской традиции универсальных норм, на которой строился национальный миф США [1].

Вскоре после начавшегося в США политического и ментального кризисов, вызванных Вьетнамской войной и отставанием Америки в космической гонке от СССР, центральную роль в исторической науке стали занимать представители новой социальной истории. Главным предметом их изучения стала обыденная жизнь, а не политические институты. Важным аспектом их исследования стали ранее недопредставленные группы населения, в первую очередь женщины, чернокожие и потомки иммигрантов [2, с. 124—125].

Важными направлениями в американской истории стали история идеологий и история науки, общим местом которых была релятивистская позиция о недостижимости объективности учеными в целом и историками в частности. Данная позиция вызвала ожесточенную критику со стороны позитивистского крыла американских историков. Споры между данными направлениями растянулись на годы, но так и не привели к синтезу. Отчасти это случилось из-за многолетнего тренда в истории на междисциплинарность, который помог развиваться множеству направлений в исторической науке, однако в момент дискуссии выяснилось, что язык историков разных направлений настолько отличается, что они плохо понимают аргументы друг друга [2].

Знаменательным направлением в исторической науке США стал постмодернизм. Обобщая, его основной идеей стало отсутствие отдельного индивида, наделяя данной субъектностью дискурсивные императивы (грубо говоря, общество), что поставило культуру в центр человеческого существования [1]. Также важным следствием лишения личности субъектности стал сильный толчок к релятивизму. Все эти причины непосредственно дали новый толчок

к развитию специализированных отраслей истории, в первую очередь истории культуры, однако они же сделали невозможным синтез различных исторических направлений на среднесрочной перспективе [1].

Также веским дополнением к сформированной американской исторической традиции стали работы историков, родившихся в странах Востока, которые помогли американским историкам посмотреть на свою науку под другим углом [20]. Данное направление добавило новое измерение исторической науке, одновременно обогатив ее и сделав еще более сложным дискурс.

Таким образом, процесс фрагментации, начавшийся в 1960-х годах, достиг своего пика на рубеже 1970—1980-х годов. К концу 1980-х количество противостоящих классическим для Америки историческим концепциям и друг другу направлений казалось больше, чем может вынести историческая наука [1; 2].

Необходимо также рассмотреть финансовый аспект развития исторической науки в указанный период. В 1960-х годах американская историческая наука активно росла: открывались новые кафедры, появлялись новые дисциплины, в течение десятилетия втрое увеличилось количество получивших степень доктора философии по истории в год, достигнув пика в более 1 200 человек в год в начале 1970-х годов. В первую очередь подъем был связан с хорошим финансированием университетов. Основную долю доходов американских университетов составляла студенческая оплата за обучение. В конце 1960-х «бэби-бум» закончился, что совпало с падением престижа гуманитарных наук в пользу естественных. В течение 1970-х годов процент студентов, изучающих историю, упал почти на две трети [15, с. 574].

По данным Американской исторической ассоциации, в середине 1980-х годов набор студентов-историков продолжал сокращаться, следствием чего стало уменьшение финансирования и рабочих мест. Если в 1960-е годы зарплаты ученых росли значительно быстрее, чем в других секторах рынка труда, то в 1970-х профессора особенно сильно пострадали от инфляции: с 1970—1971 по 1984—1985 годы зарплаты академиков в покупательной способности упали на 15 %, вернув их примерно на уровень начала 1960-х годов [15, с. 574—577].

Еще одним важнейшим итогом финансового кризиса стало сокращение автономии преподавателей и их участия в принятии институциональных решений. Последующие исследования пришли к выводу, что смещение власти от преподавателей к администрации было, «вероятно, самым важным изменением в высшем образовании, которое произошло за последние годы»; также исследования показывали распространенное движение «от гегемонии преподавателей к студенческому потреблению», вызванное тем, что главной задачей университетов было не создание образовательного сообщества, а зарабатывание денег [15, с. 575].

Таким образом, американская историческая наука в 1970—1980-х годах столкнулась с серьезными ментальными и финансовыми вызовами. Нарастающее расслоение исторической науки на мало контактирующие исторические дисциплины наложилось на сократившиеся рабочие места. Это привело к тому, что рост новых дисциплин мог производиться только за счет старых. Из-за данного факта резко выросла конкуренция за публику и студентов среди различных исторических дисциплин.

Отмечая разделение исторической науки в США, даже сами американские исследователи не сошлись во мнении, как именно разделилась дисциплина: на Старую и Новую историю [4; 5] или на множество разрозненных групп [3]. Вне зависимости от восприятия данного деления ученые признавали, что историческая наука становится все более разветвленной и, что действительно плохо, ее ответвления не способны на диалог друг с другом [7, с. 135].

В 1970—1980-х годах в исторической науке произошли кардинальные изменения. Их наглядно показал в своем исследовании американский ученый Р. Таунсенд, взяв за основу материалы Справочника исторических факультетов и организаций АИА [6]. Исследователь выделил пять областей исторической науки, в период с 1975 по 2015 год утративших популярность: социальную, интеллектуальную, историю международных отношений, экономическую и историю права (рисунок 1).

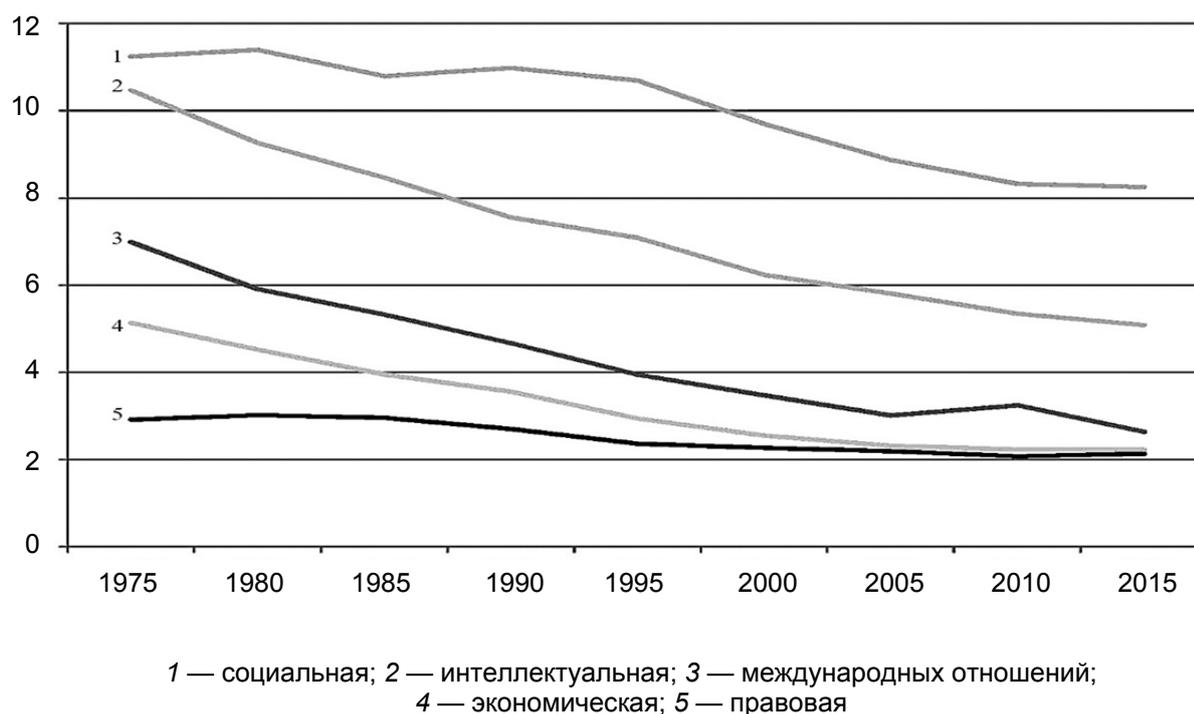

Рисунок 1. — Исторические области, в которых количество специалистов уменьшилось в 1975—2015 годах

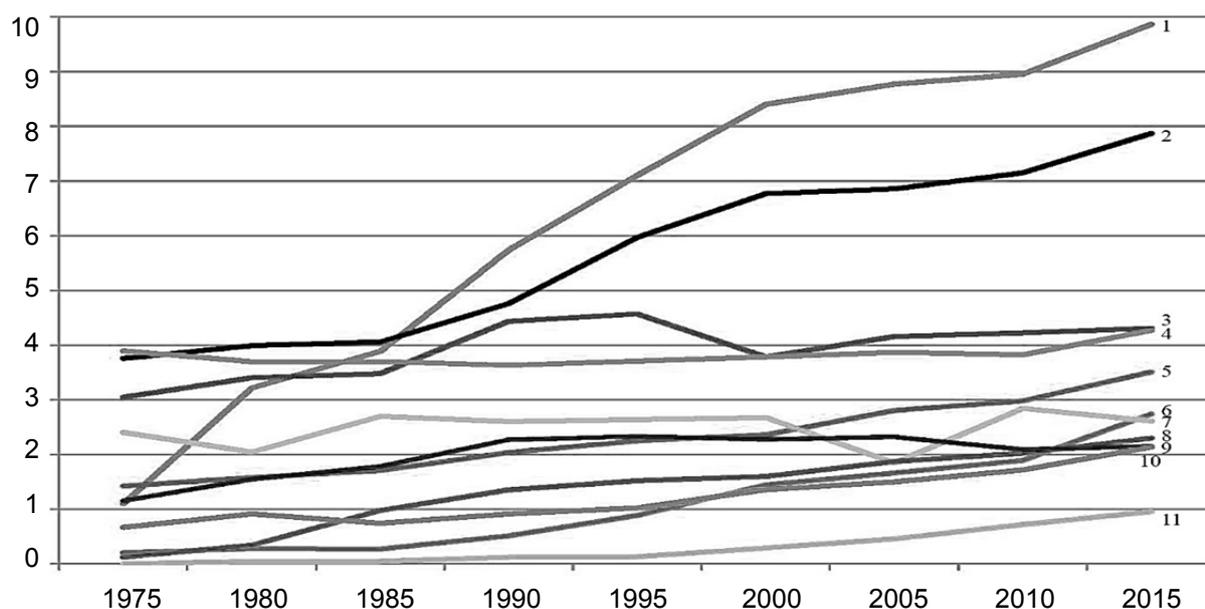
Примечание. Источник: [6].

К примеру, в 1975—2015 годах количество преподавателей экономической и интеллектуальной истории, а также истории международных отношений уменьшилось вдвое. Количество специалистов по истории права и социальной истории за указанный период снизилось на 27 %. Также Р. Таунсенд отметил уменьшение количества кафедр, которые включали бы в себя как минимум одного специалиста из каждого обозначенного выше направления [6]. Стоит отметить, что в 1970—1980-х годах социальная и правовая история изменились мало, для них переломными стали скорее 1990-е годы.

При этом, по мнению Р. Таунсенда, данные направления имеют возможность вновь набрать популярность. На это указывает тот факт, что их траектория падения за предыдущие десять лет замедлилась, а количество специалистов по истории права и экономической истории за последние годы выросло [6].

Однако в американской исторической науке также присутствовали дисциплины, которые, наоборот, выиграли от сложившейся ситуации (рисунок 2). В период с 1975 по 2015 год одиннадцать исторических направлений выросли. Самыми быстрорастущими дисциплинами оказались экологическая и публичная история: первая увеличила количество преподавателей с 0,2 до 2,7 %, вторая — с 0,1 до 2,3 %. При этом численность факультетов, в которых работают экологические историки, выросла с 4,3 до 43,0 %, а специалисты по публичной истории — с 1,7 до 30,8 % [6].

Также значительный рост продемонстрировали история культуры (на 109 %), религии (147 %), расовая (220 %) и женская история (797 %). В 1990—2015 годах быстрым ростом выделилась история сексуальности: с 0,1 до 1,0 %. Преподавательский состав военной истории в 2005—2010 годах вырос с 1,8 до 2,8 %, но к 2015 году снизился до 2,6 % (при этом процент факультетов, в которых присутствовали данные специалисты, не изменился — 37,0 %) [6].

1 — женская; 2 — культурная; 3 — науки и техники; 4 — политическая; 5 — религиозная;
6 — экологическая; 7 — военная; 8 — публичная; 9 — труда; 10 — расовая; 11 — сексуальная

Рисунок 2. — Исторические области, в которых количество специалистов увеличилось в 1975—2015 годах

Примечание. Источник: [6].

Заключение. Перемены, произошедшие в XX веке, значительно изменили американскую историческую науку. Существенно расширился ее предмет исследования, постепенно включая в себя женщин, чернокожих, потомков иммигрантов и т. д. В 1970—1980-х годах в США получили широкое развитие такие исторические дисциплины, как женская, культурная, религиозная, экологическая, публичная, расовая история, история науки и техники и др. Вместе с тем такие «гиганты» исторической науки, как интеллектуальная и экономическая история, а также история международных отношений, заметно ослабли.

Методологический и финансовый кризисы в 1970—1980-х годах привели к необратимым изменениям в американской исторической науке, в том числе повлияв на нынешнее развитие современного общества как в США, так и в Европе.

Список цитированных источников

1. Appleby, J. The Power of History [Electronic resource] / J. Appleby // The American Historical Review / Oxford University. — Oxford, 1998. — Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/2650771>. — Date of access: 11.09.2021.
2. Appleby, J. Telling the Truth about History / J. Appleby, L. Hunt, M. Jacob. — New York : W. W. Norton & Company, 1995. — 336 p.
3. Novick, P. That Noble Dream: The 'Objectivity Question' and the American Historical Profession / P. Novick. — Cambridge : Cambridge University Press, 1988. — 662 p.
4. Himmelfarb, G. The New History and the Old / G. Himmelfarb. — Cambridge : Belknap Press of Harvard University Press, 1987. — 209 p.
5. Himmelfarb, G. Some Reflections on the New History / G. Himmelfarb // The American Historical Review. — 1989. — Vol. 94, № 3. — P. 661—670.
6. Townsend, R. The rise and decline of history specializations over the past 40 years [Electronic resource] / R. Townsend // Perspectives on History: The Newsmagazine of the AHA. — 2015. — Vol. 53, № 9. — Mode of access: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/december-2015/the-rise-and-decline-of-history-specializations-over-the-past-40-years>. — Date of access: 19.09.2021.

7. *Ratner-Rosenhagen, J.* American Intellectual History: A Very Short Introduction / J. Ratner-Rosenhagen. — New York : Oxford University Press, 2021. — 174 p.
8. *Тишков, В. А.* История и историки США / В. А. Тишков. — М. : Наука, 1985. — 352 с.
9. *Цветков, И. А.* Современное состояние исторической науки в США: о чем спорят американские историки? / И. А. Цветков, А. И. Кубышкин // *Америк. ежегодник.* — 2018. — С. 214—231.
10. *Цветков, И. А.* Американские историки / И. А. Цветков. — СПб. : СПбГУ, 2008. — 192 с.
11. *Репина, Л. П.* Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. — М. : Кругъ, 2011. — 560 с.
12. *Могильницкий, Б. Г.* Понятие кризиса исторической науки / Б. Г. Могильницкий // *Истор. ежегодник. Спец. вып.* — Омск, 2001. — С. 11—16.
13. *Гуревич, А. Я.* О кризисе современной исторической науки / А. Я. Гуревич // *Вопр. истории.* — 1991. — № 2—3. — С. 21.
14. *Нечухрин, А. Н.* Содержание понятия «кризис историографии» / А. Н. Нечухрин, С. П. Рамазанов // *Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. ; рэдкал.: У. Н. Сідарцоў, С. М. Ходзін (адк. рэд.) [інш.].* — Мінск : БДУ, 2007. — Вып. 3. — С. 35—46.
15. *Шутова, О. М.* Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX — начале XXI века / О. М. Шутова. — Минск : Изд-во БГУ, 2007. — 277 с.
16. *Сидорцов, В. Н.* Постижение истории: онтологический и гносеологический подходы : учеб. пособие / В. Н. Сидорцов. — Минск : БГУ, 2002. — 291 с.
17. *Кручковский, Т. Т.* История Польши в концепциях российской историографии XIX — начала XX века : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Т. Т. Кручковский. — Минск, 2017. — 338 л.
18. *Kruczkowski, T.* Historia Polski czasów WKŁ i Rzeczypospolitej w białoruskim czasopiśmiennictwie historycznym końca lat 80-tych — początku 90-tych / T. Kruczkowski, H. Wasjuk // *Polskie-białoruskie związki językowe, literackie, historyczne, kulturalne / pod red. M. Kondraciuka.* — Grodno, 1999. — S. 129—138.
19. *Васюк, Г. В.* Брестская церковная уния в польской историографии конца XIX — начала XX вв. / Г. В. Васюк, Т. Т. Кручковский // *Наш радавод.* — 1996. — Кн. 7. — С. 395—398.
20. *Duara, P.* Rescuing History from the Nation: Questioning Narratives of Modern China / P. Duara. — London : University of Chicago Press, 1995. — 286 p.

Поступила в редакцию 27.09.2021.

УДК 331.5

Е. В. Гуторова

Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет»,
пр-т Московский, 72, 210038 Витебск, Республика Беларусь, +375 (29) 215 21 20, gev2509@mail.ru

**ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ РАБОЧЕЙ СИЛЫ:
СУЩНОСТЬ, КЛАССИФИКАЦИЯ, ОСОБЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

В статье представлена уточненная классификация территориальной мобильности рабочей силы. Систематизированы основные результаты проведенных зарубежными авторами исследований, посвященных определению факторов влияния на рассматриваемое социально-экономическое явление. Представлены основные тенденции территориальной мобильности рабочей силы в Республике Беларусь.

Ключевые слова: территориальная мобильность рабочей силы; разновидности; детерминанты; количественная оценка в Республике Беларусь.

Рис. 8. Табл. 3. Библиогр.: 12 назв.

A. V. Gutorova

Educational institution "Vitebsk State University of Technology", 72 Moscow Ave.,
210038 Vitebsk, the Republic of Belarus, +375 (29) 215 21 20, gev2509@mail.ru

**TERRITORIAL MOBILITY OF THE LABOR FORCE:
ESSENCE, CLASSIFICATION, FEATURES IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

The article presents a refined classification of the territorial mobility of the labor force. The main results of foreign studies devoted to determining the factors of influence on this socio-economic phenomenon are systematized. The main trends of territorial mobility of the labor force in the Republic of Belarus are presented.

Key words: territorial mobility of the labor force; varieties, determinants; quantitative assessment in the Republic of Belarus.

Fig. 8. Table 3. Ref.: 12 titles.

Введение. Представляя собой сложное экономическое явление, мобильность рабочей силы не имеет однозначного подхода как к определению, так и классификации. Это существенно затрудняет оценку, с одной стороны, количественных и качественных характеристик мобильности рабочей силы, а с другой — ее последствий, в том числе для рынка труда, повышая актуальность исследования данного процесса. Трактовка данной категории отдельными авторами [1] предполагает довольно узкое определение, характеризующее мобильность рабочей силы только лишь как географическое перемещение. Другие ученые [2] в качестве мобильности рабочей силы рассматривают «способность: 1) быстро и гибко ориентироваться в обстановке, связанной с выполнением сложного или срочного задания; 2) способность к перемещению в другую местность с целью выполнения необходимой работы; 3) готовность к обучению, переобучению» [2, с. 246]. Несмотря на существенные отличия точек зрения на рассматриваемое явление, большинство авторов относит перемещения территориального характера к отдельному виду мобильности рабочей силы. Согласившись с данной позицией, считаем одним из наиболее кардинальных видов территориальную мобильность рабочей

силы, которая предполагает наличие географических перемещений и смены места жительства или пребывания (временного или постоянного). Под географическим перемещением в данном случае, на наш взгляд, следует понимать перемещение, характеризующееся пересечением административно-территориальных границ.

Материалы и методы исследования. Исследования, касающиеся мобильности рабочей силы, в том числе ее территориальной формы, являются довольно многочисленными. Однако лишь небольшая их часть посвящена изучению факторов влияния на данное явление, что отражено в работах зарубежных авторов [3—6], обзор и систематизация результатов трудов которых легли в основу данной статьи. Эмпирической базой проведенного анализа выступили данные Национального статистического комитета Республики Беларусь. При написании статьи были использованы общенаучные методы исследования, графический и табличный методы отображения информации, статистические методы изучения взаимосвязей и оценки их тесноты (корреляционный анализ).

Результаты исследования и их обсуждение. Изучение различных подходов к типологии территориальной мобильности рабочей силы позволило выделить некоторые разновидности данной экономической категории применительно к ряду уточненных классификационных признаков (рисунок 1).

Обзор направлений изучения территориальной мобильности рабочей силы позволяет сделать вывод о том, что внимание большинства зарубежных исследователей сосредоточено на факторах, влияющих на рассматриваемое социально-экономическое явление. Так, эмпирические оценки отдельных авторов (George J. Borjas) [3, с. 315] позволяют сделать выводы о наибольшем распространении территориальной мобильности среди молодых и более образованных работников. Кроме того, Ronald G. Ehrenberg и Robert S. Smith отмечают, что, согласно теории человеческого капитала, «с увеличением возраста уменьшается период времени, в течение которого может быть получена отдача от издержек, связанных с переездом» [4, с. 369].

Рисунок 1. — Разновидности территориальной мобильности

Примечание. Составлено на основе [7—10].

George J. Borjas [3] особое внимание уделяет такой характеристике индивида, как семейное положение, отмечая, что в качестве субъекта, принимающего решение о территориальном перемещении (переезде), выступает домохозяйство в целом, а не конкретный его член, основываясь на сравнении текущего и предполагаемого дохода семьи (рисунок 2).

В данном случае за ΔPV_w и ΔPV_H автор принимает частные выгоды каждого из членов семьи в результате переезда. Согласно данной модели, при отсутствии семейных отношений каждый из них принял бы решение о переезде при условии, что частные выгоды положительны. Очевидно, что мотивация к переезду семьи в целом может существенно различаться от индивидуальных целей каждого из ее членов. Поэтому автор отмечает, что «семья переедет при условии, что сумма ΔPV_w и ΔPV_H положительна. Нисходящая линия 45° , проходящая через начало координат, соединяет точки, где доход семьи равен нулю. Решение семьи максимизировать пожизненный доход семьи подразумевает, что семья будет двигаться всякий раз, когда прибыль будет находиться выше линии 45° или комбинации областей *B*, *C* и *D*» [3, с. 320—321].

Среди детерминантов территориальной мобильности рабочей силы отдельные авторы (Ronald G. Ehrenberg и Robert S. Smith) выделяют восприятие «временных горизонтов» или придание большого значения благосостоянию и образованию детей и внуков в сравнении с возможными издержками, связанными с переездом («имеются доказательства, согласующиеся с теоретическим выводом о том, что те, кто инвестирует в иммиграцию, имеют более длительные временные горизонты, чем те, кто этого не делает» [4, с. 329]). Кроме того, исследователи уделяют особое внимание определению личных причин территориальной мобильности, отмечая, что «вероятность обратной миграции рабочей силы выше у экономических мигрантов, чем вероятность таких перемещений беженцев, не имеющих возможности безопасного возвращения в страну происхождения» [4, с. 352]. Изучая вопросы, связанные с территориальной мобильностью, Ronald G. Ehrenberg и Robert S. Smith выделяют такой фактор, как распределение доходов среди квалифицированных и неквалифицированных специалистов, при этом разделяя все государства на следующие группы: 1) страны с равным (с небольшой разницей в среднем заработке квалифицированной и неквалифицированной рабочей силой) распределением доходов; 2) страны с неравным распределением доходов.

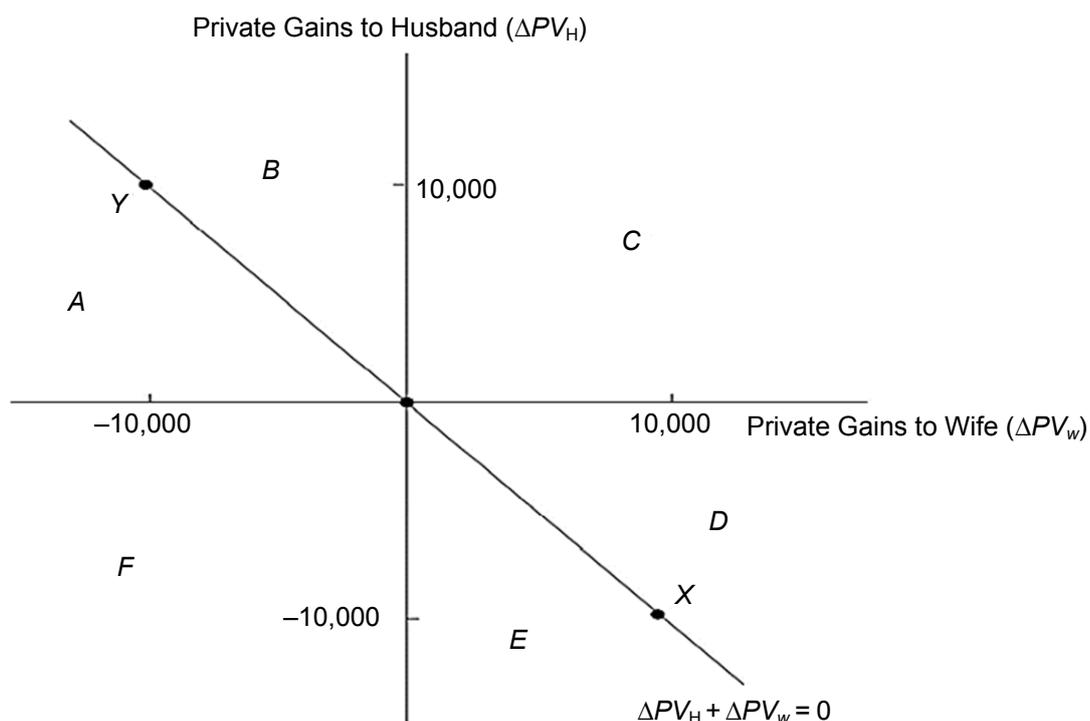

Рисунок 2. — Модель семейной мобильности

Примечание. Источник: [3, с. 320].

Авторы относят страны Северной Европы к первой группе, а США — ко второй. «Неквалифицированные работники в странах первой группы хорошо оплачиваются по сравнению с неквалифицированными работниками стран второй группы, следовательно, имеют меньше стимулов для переезда» [4, с. 330].

Также Ronald G. Ehrenberg и Robert S. Smith акцентируют внимание на степени востребованности профессии индивида на международном или национальном рынке труда. «Если соответствующий рынок труда для работы локализован, найм работников, проживающих в отдаленных районах, имеет меньшую вероятность, а работники, ищущие работу вдали от дома, сочтут собеседование относительно дорогостоящим и нецелесообразным» [4, с. 328].

Характеристика выявленных отдельными авторами [3—6; 10] факторов влияния на территориальную мобильность рабочей силы, которые можно отнести к тенденциям «общего» характера или «основным законам миграции» (часть из которых определена путем эмпирических оценок еще в 70-х годах XX века на основе статистических данных европейских стран и США [5]) представлена в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. — Основные законы миграции и их влияние на мобильность рабочей силы

Закон миграции	Описание
Миграция и расстояние	Связь между численностью мигрантов и расстоянием обратная. «С увеличением расстояния возрастают издержки, связанные с перемещением» [4, с. 369]
Ступенчатость миграции	Более крупные города населяются жителями ближайших более мелких, которые в последующем населяются жителями еще более мелких и отдаленных населенных пунктов
Закон «село—город»	Увеличение территориальных перемещений из сельских населенных пунктов в городские
Уровень урбанизации	Часть исследователей связывают повышение уровня урбанизации со снижением затрат на мобильность, а значит, повышением вероятности перемещений [4, с. 350]
Технологии и миграционные потоки	С развитием технологий возрастают миграционные потоки
Доминирование экономических факторов миграции над неэкономическими	Неэкономические факторы (политическая обстановка, климат и др.) уступают экономическим детерминантам, характеризующим стремление к повышению материального положения конкретного индивида («вероятность миграции рабочей силы чувствительна к разнице в доходах между местом назначения и местом происхождения» [3, с. 314])
Жилищная политика страны (места) прибытия	«Высокая стоимость арендной платы в месте прибытия повышает издержки, связанные с переездом, снижая мобильность рабочей силы» [4, с. 350]
Генерация обратной и повторной миграции	«Вероятность возвращения в страну происхождения в течение года составляет около 13 %, а вероятность переезда мигранта в другое место — 15 % [6]. Таким образом, чем меньше срок пребывания мигранта, тем выше вероятность обратной и повторной миграции. Одним из факторов генерации возвратной и вторичной миграции называют неопределенность и несовершенство информации об ожидаемых уровне жизни и возможности трудоустройства. Кроме того, акцентируется внимание на том, что для части профессий возвратная или вторичная миграция выступает в роли «ступеньки карьерного пути», дающей ценный вклад в человеческий капитал в виде сложного опыта, новых знаний, личных связей, тем самым максимизирующей текущую стоимость пожизненного заработка

Примечание. Составлено на основе [3; 4; 6; 10].

Таким образом, изучение результатов немногочисленных исследований влияния отдельных факторов на территориальную мобильность рабочей силы позволяет выделить три основные группы детерминантов данной экономической категории (рисунок 3).

Понятие «территориальная мобильность рабочей силы» часто отождествляется с выражением «миграция рабочей силы», под которым понимается «пространственное перемещение трудоспособного населения, вызываемое изменениями в развитии и размещении производства, условиях существования рабочей силы» [11, с. 157]. Миграция является одним из средств обеспечения трудовых ресурсов страны и их перераспределения. Отметим некоторые тенденции территориальной мобильности рабочей силы, сложившиеся в 2010—2019 годах в Республике Беларусь. Так, наблюдается снижение численности трудовых ресурсов, в том числе в трудоспособном возрасте (рисунок 4). Причем темп снижения последнего показателя выше, чем темп снижения численности трудовых ресурсов в целом (6,5 и 5,8 % соответственно).

Анализ миграционных процессов населения в трудоспособном возрасте показал несущественные различия между числом выбывшего и числом прибывшего населения на протяжении всего исследуемого периода (рисунок 5).

Рисунок 3. — Классификация факторов влияния на территориальную мобильность рабочей силы

Примечание. Собственная разработка.

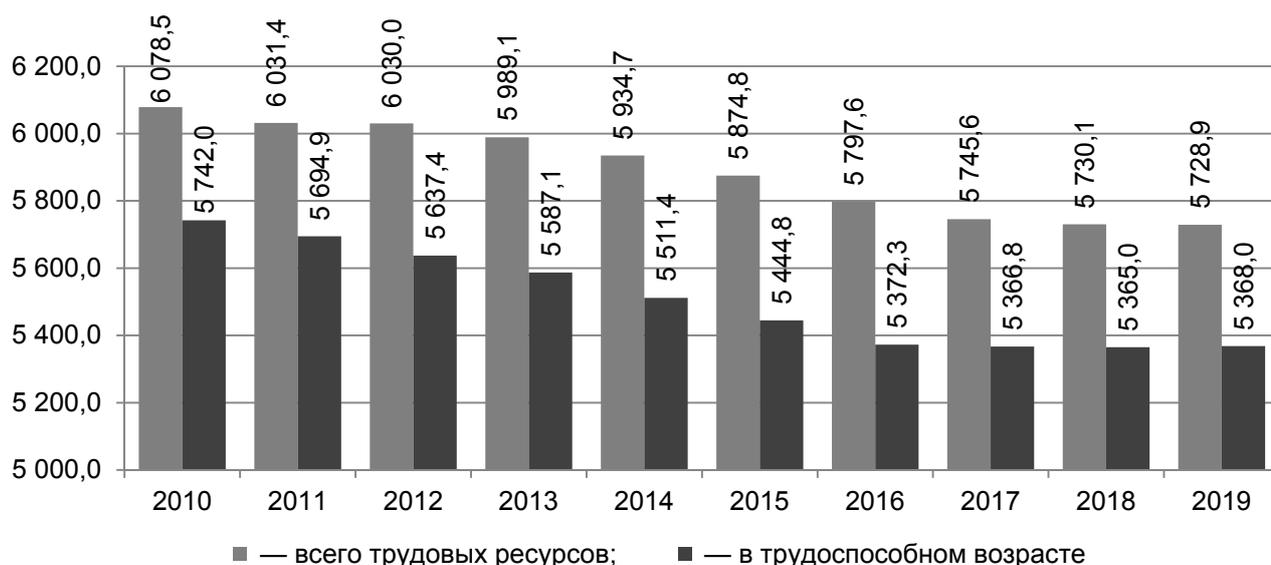

Рисунок 4. — Динамика трудовых ресурсов Республики Беларусь за 2010—2019 годы, тыс. человек

Примечание. Составлено на основе [12].

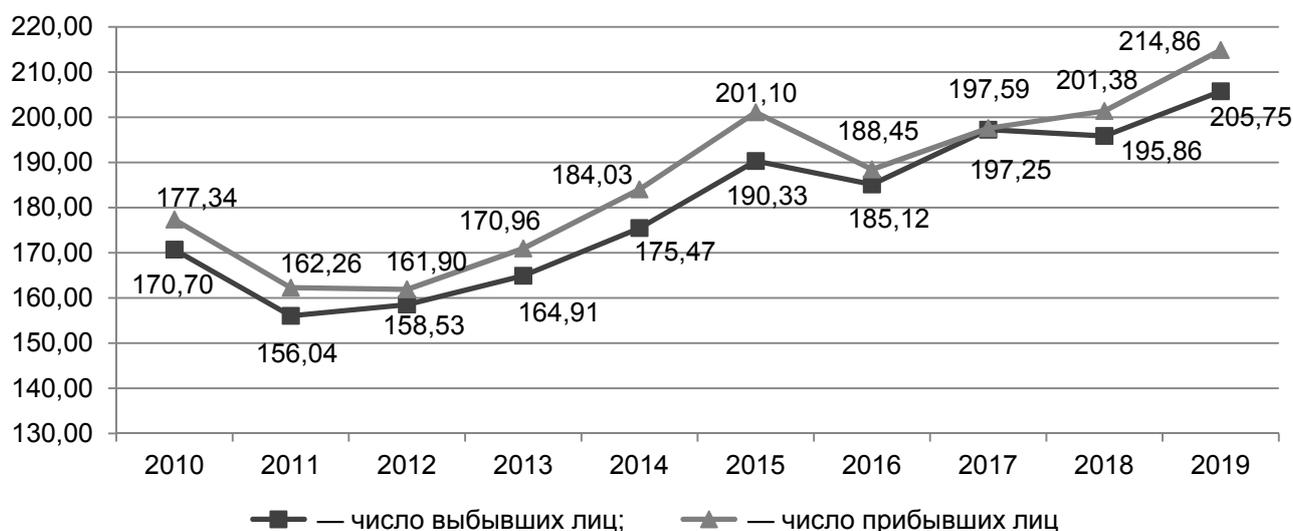

Рисунок 5. — Общие итоги миграции населения (в трудоспособном возрасте) Республики Беларусь за 2010—2019 годы, тыс. человек

Примечание. Составлено на основе [12].

Это можно объяснить значительной долей внутриреспубликанской миграции в общей структуре прибывшего и выбывшего населения страны (рисунки 6, 7).

Следует отметить тенденцию, характеризующуюся увеличением как удельного веса выбывшего за пределы Республики Беларусь населения (более чем в 2 раза), так и прибывающих в страну мигрантов (на 5,14 п. п.). Причем по данным 2019 года, удельный вес прибывшего из стран СНГ населения составляет 64,7 % (в том числе около 30,0 % — из Российской Федерации), когда удельный вес выбывшего населения в страны СНГ равен 61,7 % (в том числе в Российскую Федерацию — 38,8 %) [12].

Рисунок 6. — Структура вышедшего населения относительно потоков миграции Республики Беларусь за 2010—2019 годы, %

Примечание. Составлено на основе [12].

Рисунок 7. — Структура прибывшего населения относительно потоков миграции Республики Беларусь за 2010—2019 годы, %

Примечание. Составлено на основе [12].

Среди причин прибытия в Республику Беларусь пятую часть занимает трудовая деятельность — 20,0 %; учеба — 8,0 %; другие причины — 72,0 % [12].

Важным параметром трудовых ресурсов любого государства является уровень образования, тем более если речь идет о внешней трудовой миграции. Так, в 2019 году 30,2 % внешних мигрантов имели высшее образование; 31,6 % — среднее специальное; 11,8 % — профессионально-техническое [12].

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о наличии в 2010—2019 годах миграционного прироста населения в целом по Республике Беларусь. Динамика данного показателя в разрезе уровней образования представлена на рисунке 8.

Особенностью территориальной мобильности рабочей силы нашей страны в анализируемом периоде является наличие миграционного прироста трудоспособного населения только в Минской области и столице. Однако среди этих регионов республики только в Минской области в рассматриваемый период наблюдается прирост населения, имеющего высшее образование.

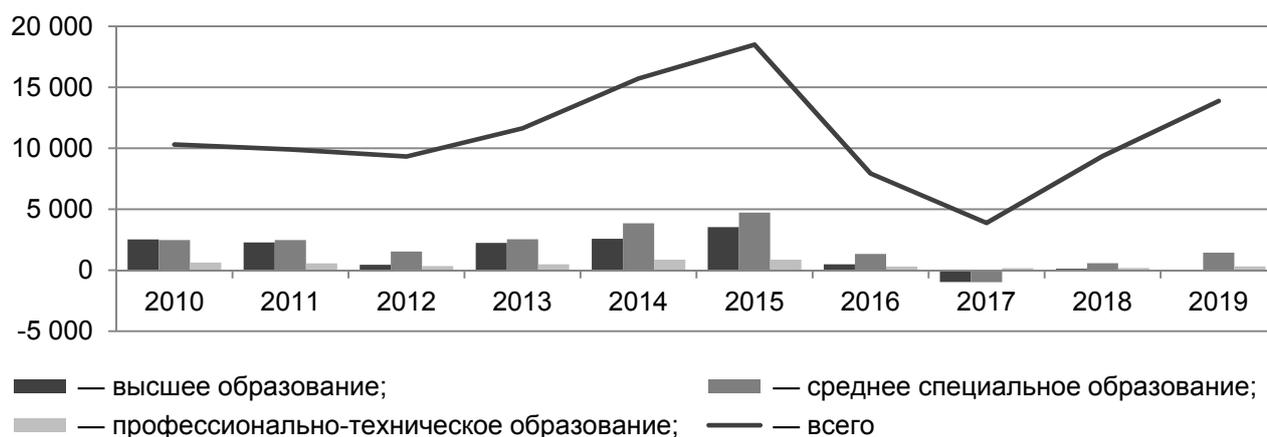

Рисунок 8. — Миграционный прирост (убыль) населения областей Республики Беларусь (по уровню образования) за 2010—2019 годы, человек

Примечание. Составлено на основе [12].

Анализ данных, полученных в результате переписи населения 2019 года [12], позволил сделать некоторые выводы относительно населения трудоспособного возраста, планирующего выехать за пределы Республики Беларусь. Так, на срок более года готовы покинуть страну 23,0 % граждан, менее года — 22,0 %, переехать на постоянное место жительства — 55,0 %. Причем 88,7 % трудоспособного населения, планирующего выезд, относятся к городскому населению.

Основной причиной возможных внешних территориальных перемещений является трудовая деятельность — 40,0 %; учеба — 8,0 %; иные причины — 52,0 % [12].

Основываясь на результатах исследования зарубежных авторов [3—6], свидетельствующих о наличии среди факторов влияния на территориальную мобильность рабочей силы характеристик рынка труда принимающего государства, считаем возможным выдвинуть гипотезу о влиянии отдельных показателей (прямо или косвенно описывающих состояние рынка труда Республики Беларусь) на мобильность рабочей силы. Причем в качестве идентификатора территориальной мобильности рабочей силы в нашей стране примем миграционный прирост (убыль) населения в трудоспособном возрасте (относительно международных перемещений). Далее установим наличие (отсутствие) зависимости данного показателя, принятого в качестве признака-результата (Y), от следующих признаков-факторов:

- 1) $X1$ — уровень безработицы (по методологии Международной организации труда), %;
- 2) $X2$ — уровень занятости, %;
- 3) $X3$ — удельный вес оплаты труда в денежных доходах населения, %;
- 4) $X4$ — обеспеченность населения жильем в расчете на одного жителя, m^2 ;
- 5) $X5$ — уровень неформальной занятости населения, %.

Таким образом, для выявления наличия (отсутствия) зависимости используем экономико-математические инструменты MS Excel (таблица 2). Источником информации для проведения данного корреляционного анализа выступает Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

Так, полученные результаты позволяют сделать вывод о преобладающем влиянии уровня занятости населения на миграционный прирост (убыль) населения трудоспособного возраста (коэффициент корреляции равен 0,836). Составим соответствующие уравнения регрессии (таблица 3).

Уровень неформальной занятости населения оказывает отрицательное влияние средней степени. В то же время отрицательная, но менее заметная связь прослеживается между выбранным признаком-результатом и такими признаками-факторами, как уровень безработицы, обеспеченность населения жильем, удельный вес оплаты труда в денежных доходах населения.

Т а б л и ц а 2. — Результаты корреляционного анализа

Фактор	Коэффициент корреляции	Коэффициент детерминации	Уровень значимости по F-критерию
X1	-0,455	0,207	0,364
X2	0,836	0,699	0,038
X3	-0,228	0,052	0,664
X4	-0,392	0,154	0,441
X5	-0,656	0,430	0,157

Примечание. Составлено на основе [12].

Т а б л и ц а 3. — Соответствующие уравнения регрессии

Фактор	Уравнение регрессии
X1	$y = 33588 - 4308,3x_1$
X2	$y = -5740 + 8671,2x_2$
X3	$y = 79420,6 - 1077,7x_3$
X4	$y = 11042,5 - 3650,3x_4$
X5	$y = 5049 - 5125,1x_5$

Примечание. Составлено на основе [12].

Заключение. Отсутствие единого подхода к определению и классификации мобильности рабочей силы существенно затрудняет количественную и качественную оценку данного процесса. Являясь статистически доступной, миграция рабочей силы исследована довольно глубоко. Однако в Республике Беларусь детерминанты территориальной формы мобильности рабочей силы остаются малоизученными. Проведенный анализ позволил выявить ряд факторов, которые с разной степенью оказывают влияние на миграцию рабочей силы. Они обусловлены национальными особенностями функционирования и регулирования рынка труда Республики Беларусь, которые либо привлекают, либо отталкивают граждан других государств.

Список цитированных источников

1. Rubrico J. G. U. Free flow, managed movement: labor mobility policies in Asean and the EU: EIAS Briefing Paper 2015-03 [Electronic resource] / J. G. U. Rubrico. — Access mode: http://www.eias.org/wp-content/uploads/2016/02/EIAS_Briefing_Paper_2015-3_Rubrico_Labour_Mobility.pdf. — Access date: 09.07.2021.
2. Социальная политика, уровень и качество жизни : словарь. — М. : Изд-во ВЦУЖ, 2001. — 288 с.
3. Borjas, George J. Labor economics / George J. Borjas. — 7th ed. — New York, 2013. — 546 p.
4. Ehrenberg, Ronald G. Modern labor economics : theory and public policy / Ronald G. Ehrenberg, Robert S. Smith. — 11th ed. — 2012. — 650 p.
5. Grigg, D. B. Ravenstein and the “laws of migration” / D. B. Grigg // Journal of Historical Geography. — 1977. — № 3 (1). — P. 41—54.
6. Dustmann, C. Return Migration, Wage Differentials, and the Optimal Migration Duration / C. Dustmann // European Economic Review. — 2003. — № 47. — P. 353—367.
7. Глоссарий терминов в области миграции / отв. ред. Р. Перрушу // Международное миграционное право. — Женева, 2005.
8. Поладова (Гайдарова), Л. Т. Незаконная миграция в Россию: тенденции, последствия, противодействие : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Л. Т. Поладова (Гайдарова). — М., 2012. — С. 8.

9. *Рофе, А. И.* Экономика труда : учебник / А. И. Рофе. — М. : КНОРУС, 2010. — 400 с.
10. *Сергеева, А. А.* Нелегальная миграция в системе трансграничных угроз: к вопросу о проблемах нормативного регулирования миграционных процессов / А. А. Сергеева, М. Н. Ракова // Вестн. Каз. юрид. ин-та МВД России. — 2013. — № 4 (14). — С. 58—65.
11. Занятость, рынок труда и социально-трудовые отношения : учеб.-метод. пособие : практикум / под ред. Р. П. Колосовой, Г. Г. Меликьяна. — М. : ТЕИС, 2008. — 458 с.
12. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.belstat.gov.by/ . — Дата доступа: 20.12.2021.

Поступила в редакцию 28.02.2022.

УДК 330.341

В. В. Климук, кандидат экономических наук, доцент
Учреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь, klimuk-vv@yandex.ru

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ВЕКТОРЕ НАУКОЕМКОЙ ЭКОНОМИКИ

В работе представлена структура инновационной инфраструктуры Республики Беларусь. Систематизирована нормативно-правовая платформа, регулирующая инновационную активность субъектов экономики и социальной сферы. Представлен инструментарий оценки эффективности деятельности субъектов инновационной инфраструктуры страны — научно-технологических парков и центров трансфера технологий — на основе авторского метода долевых коэффициентов. Проведен анализ эффективности деятельности субъектов инновационной инфраструктуры. Выявлен ряд проблемных вопросов и предложены варианты их решения в целях совершенствования функционирования инфраструктурной инновационной системы Республики Беларусь.

Ключевые слова: научно-инновационное развитие; субъекты инновационной инфраструктуры; научно-технологический парк; центр трансфера технологий; оценка эффективности научно-инновационной деятельности.

Рис. 2. Табл. 2. Библиогр.: 20 назв.

V. V. Klimuk, PhD in Economic Sciences, Associate Professor
Educational institution “Baranovichi State University”, 21 Voikova Str., 225404 Baranovichi,
the Republic of Belarus, klimuk-vv@yandex.ru

ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF THE DEVELOPMENT OF INNOVATION INFRASTRUCTURE OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE VECTOR OF KNOWLEDGE-INTENSIVE ECONOMY

The article provides the structure of innovation infrastructure of the Republic of Belarus. The regulatory and legal platform that regulates innovation activity of the subjects of economy and social sphere has been systematized. The tool is presented for assessing the effectiveness of the subjects of innovation infrastructure of the country — science and technology parks and technology transfer centres — based on the author’s method of share coefficients. The analysis of the effectiveness of the subjects of innovation infrastructure has been carried out. A number of problematic issues have been identified and possible solutions have been proposed in order to improve the functioning of the infrastructural innovation system of the Republic of Belarus.

Key words: scientific and innovative development; subjects of innovation infrastructure; science and technology park; technology transfer centre; assessment of the effectiveness of scientific and innovation activity.

Fig. 2. Table 2. Ref.: 20 titles.

Введение. Конкурентоспособность организации формируется на основе ее научно-инновационного потенциала, комплекса внедряемых новшеств, обеспечивая развитие материально-сырьевого, технико-технологического, интеллектуального потенциалов. Одним из важнейших направлений научно-инновационного развития регионов выступает сформированная и развивающаяся инфраструктура, система стимулирования инновационной активности, обуславливающие современную модель развития общества — модель неоиндустриализации.

На основе имеющейся материально-технической базы, изучения положительного передового опыта инновационного развития промышленных предприятий, мотиваторов развития инновационного потенциала, интеграционных механизмов, адаптационных процессов формируется стратегия и поэтапная программа инновационного развития организации.

Инновационная инфраструктура обеспечивает качественную реализацию инициативных технико-технологических решений для команд разработчиков. В первую очередь это касается зарождающихся бизнес-идей, реализуемых стартапов, создавая для них условия для генерации инновационных идей по решению проблемных задач, доработке уже существующих инновационных идей, производственной и рыночной апробации, тестированию бизнес-моделей и выходу на рынок с инновационной продукцией. Эффективное функционирование инновационной инфраструктуры обеспечивает повышение доли наукоемкой инновационной продукции в общем объеме производимой продукции, ее экспорте на зарубежные рынки в целях укрепления экономической, в целом национальной безопасности и усиления конкурентных позиций на мировой арене. С учетом современных условий развития — условий санкционных ограничений — вектор инноватизации и роста уровня наукоемкости производства усиливается. Высокую актуальность определяет необходимость развития интегративной экономики Союзного государства Беларуси и России.

Материалы и методы исследования. В исследовании использованы методы логико-структурного программирования, матричного моделирования, долевых коэффициентов. Расчетные процедуры выполнены на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь, Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь. Анализ научно-методического обеспечения проведен на основе изучения обзора отечественных и международных наукометрических баз РИНЦ (e-Library.ru), Cyberleninka.ru, Академия Google, Scopus, Web of Science, ORCID, SRRN.

Проблемы исследования механизмов научно-инновационного развития регионов (страны) находятся в центре внимания белорусских и зарубежных учёных. Теоретико-методологические аспекты инструментария оценки развития научно-исследовательского и инновационного потенциалов регионов (страны) отражены в работах В. И. Кудашова [1], В. Н. Сидоровой [2], Г. В. Терской [3], И. Р. Руденко, Е. А. Бессоновой [4], А. Дмитриевского, Н. Комкова, М. Кротова [5], О. А. Черновой, Л. Г. Матвеевой [6], Г. В. Астратовой [7], О. В. Андреевой [8], В. В. Климука [9—11], В. Терзиева [12], Ю. А. Кузнецовой [13] и др.

Результаты исследования и их обсуждение. Республика Беларусь определила в качестве одного из приоритетов своей динамики развитие научно-инновационного потенциала и создание соответствующей эффективной инфраструктуры, обеспечивая платформу последовательного перехода от индустриальной к неоиндустриальной стратегии развития социально-экономической системы.

В процессе регулирования научно-инновационной деятельности важную роль играет наличие соответствующей нормативно-правовой базы, формирующей институциональный базис для развития инновационной политики государства (таблица 1).

Т а б л и ц а 1. — Основные нормативно-правовые документы, направленные на стимулирование развития научно-инновационного потенциала в Республике Беларусь

Нормативно-правовой документ	Содержание
<p>Закон Республики Беларусь № 425-З от 10.07.2012 «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» (с изменениями и дополнениями от 11.05.2016)</p>	<p>Определены основные цель, задачи, принципы государственной инновационной политики, направления государственного регулирования инновационной деятельности в стране, процедуры стимулирования инновационной деятельности предприятиями, структура и функции субъектов инновационной инфраструктуры, источники и направления финансирования инновационной деятельности, направленные на создание благоприятных социально-экономических, организационных и правовых условий для инновационного развития и повышения конкурентоспособности национальной экономики [14]</p>

Окончание таблицы 1

Нормативно-правовой документ	Содержание
Указ Президента Республики Беларусь от 20 мая 2013 года № 229 «О некоторых мерах по стимулированию реализации инновационных проектов»	Определены основные подходы и принципы обращения хозяйствующих субъектов за государственной финансовой поддержкой в целях реализации инновационных проектов. Основные критерии конкурсного отбора инновационных проектов: новизна, актуальность, экономическая эффективность [15]
Указ Президента Республики Беларусь от 25 марта 2008 года № 174 «О совершенствовании деятельности Белорусского инновационного фонда»	Отмечено, что Белорусский инновационный фонд осуществляет финансирование научно-исследовательских, опытно-конструкторских и опытно-технологических работ, выполняемых в рамках реализации инновационных проектов, работ по организации и освоению производства научно-технической продукции, полученной в результате выполнения инновационных проектов и заданий государственных научно-технических программ, финансирование венчурных проектов и участвует в создании венчурных организаций [16]
Указ Президента Республики Беларусь от 7 августа 2012 года № 357 «О порядке формирования и использования средств инновационных фондов»	Определяется порядок формирования и использования средств государственных целевых бюджетных фондов, инвестиционных фондов, нацеленных на стимулирование инновационной деятельности предприятий [17]
Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 4 октября 2013 года № 888 «О некоторых мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 20 мая 2013 года № 229»	Утверждено положение о порядке предоставления инновационных ваучеров и грантов. Определен алгоритм реализации инновационных проектов физических лиц и субъектов малого предпринимательства посредством государственной поддержки в форме инновационных ваучеров и грантов на безвозмездной основе [18]

В Республике Беларусь инновационная инфраструктура представлена 24 субъектами, в том числе 16 научно-технологическими парками (далее — НТП), 6 центрами трансфера технологий (далее — ЦТТ), Белорусским инновационным фондом и Национальным центром интеллектуальной собственности (по состоянию на 31.05.2022) [19].

Для сравнения, в Российской Федерации инновационная инфраструктура представлена такими ключевыми элементами, как ЦТТ, исследовательская лаборатория, инжиниринговый центр, центр прототипирования, бизнес-инкубатор, технопарк, Proof-of-concept-центр, «живая лаборатория» и др.

Исследование региональной дифференциации субъектов инновационной инфраструктуры позволило сформировать структуру инфраструктуры инновационной сети Республики Беларусь (таблица 2).

Функции НТП сводятся к содействию в создании инновационно-ориентированных производств, а функции ЦТТ локализованы на аккумулировании технологических предложений и запросов в целях результативного взаимодействия разработчиков и инвесторов (заказчиков) (согласно Закону Республики Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь») [14].

Важно обеспечить гибкость государственной инновационной политики, учитывая быстроменяющиеся запросы рынка, внешнеэкономическую среду, геополитический вектор, ресурсную обеспеченность субъектов реальной экономики, научно-инновационный потенциал.

Для оценки эффективности функционирования субъектов инновационной инфраструктуры применяем методику матричного моделирования на основе метода долевых коэффициентов [10].

Т а б л и ц а 2. — Региональная дифференциация субъектов инновационной инфраструктуры Республики Беларусь

Область	НТП	ЦТТ
Брестская (2 НТП, 1 ЦТТ)	ЗАО «Брестский научно-технологический парк», ООО «Технопарк Полесье»	ОП «Центр трансфера технологий» БарГУ
Гродненская (1 НТП, 2 ЦТТ)	РУП «Учебно-научно-производственный центр «Технолаб»	ОП «Центр трансфера технологий» ГрГУ имени Янки Купалы», ООО «Апсель»
Минская (6 НТП, 1 ЦТТ, 2 субъекта инновационной инфраструктуры)	КПТУП «Минский областной технопарк», РИУП «Научно-технологический парк БНТУ «Политехник», ООО «Минский городской технопарк», Учебно-научно- производственное РУП «УНИТЕХПРОМ БГУ», ООО «ИнКата», ООО «Борисовский региональный технопарк», государственное учреждение «Национальный центр интеллектуальной собственности» (субъект инновационной инфраструктуры), Белорусский инновационный фонд (субъект инновационной инфраструктуры)	Филиал «Ресурсный центр ЭкоТехноПарк-Волма» учреждения образования «Республиканский институт профессионального образования»
Витебская (3 НТП, 1 ЦТТ)	РУП «Научно-технологический парк Витебского государственного технологического университета», ИМП ООО ПГ «Закон и Порядок», РИУП «Научно- технологический парк Полоцкого государственного университета»	Центр трансфера медицинских и фармацевтических технологий УО «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет»
Могилевская (2 НТП)	ЗАО «Технологический парк Могилев», ООО «Технопарк «Горки»	—
Гомельская (2 НТП, 1 ЦТТ)	РУСП «Агентство развития и содействия инвестициям», ОАО «Гомельский технопарк»	РУП «Центр научно-технической и деловой информации»

Примечание. Источник: разработано на основе [19].

Для построения матриц оценки эффективности используются показатели (на основе статистической информации):

1) для НТП:

- объем произведенных технопарком работ (услуг) в расчете на одного резидента;
- общий объем экспорта резидентами технопарка в расчете на одного резидента;

2) для ЦТТ:

- общее количество инвестиционных предложений и инвестиционных запросов в расчете на одного работника ЦТТ;
- общая прибыль ЦТТ в расчете на одного работника (рисунки 1, 2).

Полученные результаты матричного моделирования свидетельствуют о недостаточном уровне эффективности деятельности НТП страны за анализируемый период. Большинство НТП находятся ниже среднего уровня по зарегистрированным субъектам инновационной инфраструктуры, объему произведенных работ (услуг) в расчете на одного работника (15,1 тыс. руб. / год) и по объему экспорта в расчете на одного резидента НТП (349,8 тыс. руб. / год).

Вместе с тем высокие показатели производительности следует отметить у НТП «Политехник», «УНИТЕХПРОМ БГУ», которые находятся на переходной стадии (к квадранту лидеров). Высокие результаты в векторе экспортоориентированной деятельности характерны для Минского областного технопарка, Гомельского технопарка, НТП Витебского государственного технологического университета, Минского городского технопарка (см. рисунок 1).

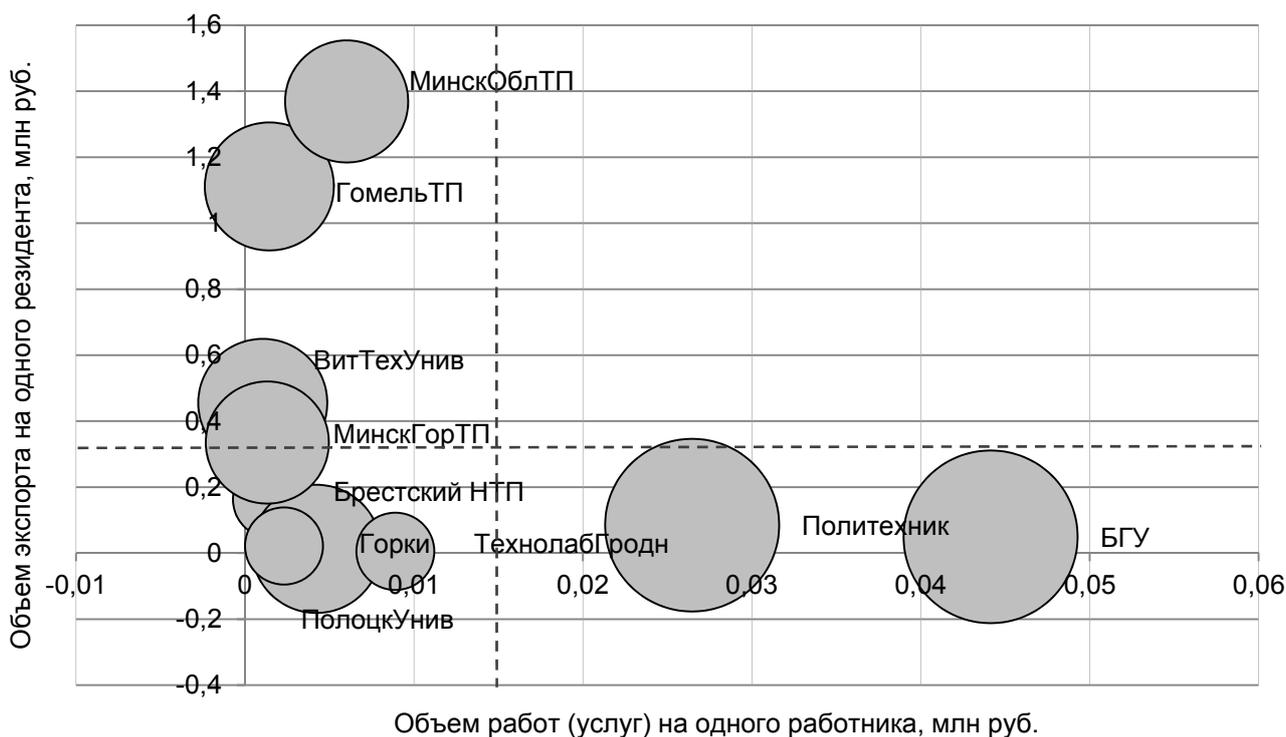

Рисунок 1. — Матрица результативности деятельности НТП Республики Беларусь за 2016—2020 годы

Примечания: 1. Площадь круга соответствует продолжительности работы НТП.
2. Источник: разработано на основе [20].

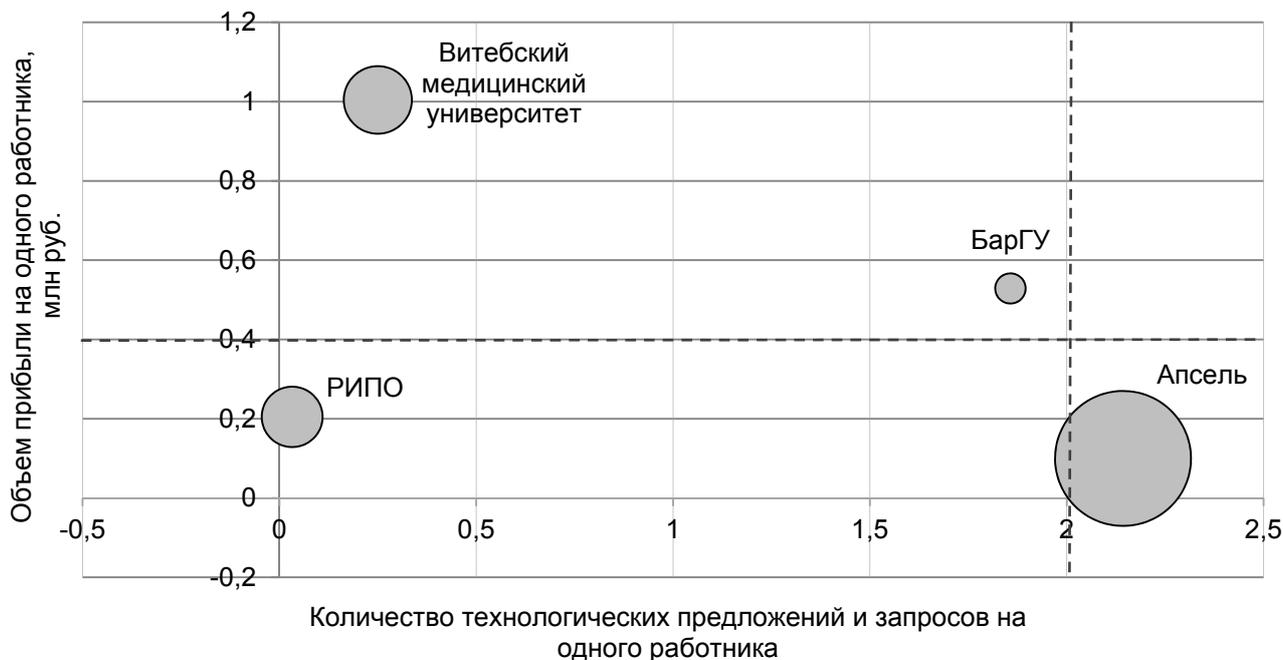

Рисунок 2. — Матрица результативности деятельности центров трансфера технологий Республики Беларусь за 2016—2020 годы

Примечания: 1. Площадь круга соответствует продолжительности работы ЦТТ.
2. Источник: разработано на основе [20].

На основе матрицы оценки эффективности деятельности ЦТТ отмечены низкие показатели результативности у ЦТТ РИПО, Витебского государственного медицинского университета. Перспективные позиции прогнозируются у нового субъекта инновационной инфраструктуры — первого в Брестской области ЦТТ — обособленного подразделения «Центр трансфера технологий» БарГУ: отмечена высокая активность ЦТТ (совокупное количество запросов и предложений). Важно создать условия для монетизации данных запросов и предложений и наращивания объема прибыли ЦТТ (см. рисунок 2).

Для обеспечения успешного функционирования субъектов инновационной инфраструктуры, а также для формирования и координации единого вектора инновационной политики государства (регионов) необходимо постоянное развитие форм поддержки, в частности, системы финансовых стимулов. В части финансирования деятельности субъектов инновационной инфраструктуры в Республике Беларусь осуществляются следующие направления:

1) финансирование развития материально-технической базы за счет средств Республиканского централизованного инновационного фонда;

2) финансирование развития материально-технической базы за счет средств местных инновационных фондов — областей и города Минска (направление: «Для финансирования организации деятельности и развития материально-технической базы, включая капитальные расходы, субъектов инновационной инфраструктуры»);

3) приобретение основных средств (научного, технологического и иного оборудования, приборов и комплектующих изделий) за счет средств республиканского бюджета, предусмотренных на научную, научно-техническую и инновационную деятельность, для организации деятельности и развития материально-технической базы субъекта инновационной инфраструктуры;

4) участие в реализации инновационных, научно-технических проектов (в рамках государственных программ научных исследований, государственных программ инновационного развития, региональных научно-технических программ, отдельных проектов).

Заключение. Развитие национальной инновационной системы обеспечивается путем создания условий для генерации научно-технических, инновационных идей, их апробации и последующего внедрения в практику деятельности субъектов экономики и социальной сферы, развития кооперационных научно-производственных связей. Важным для развития инновационной инфраструктурной сети является механизм стимулирования инновационной активности, который в Республике Беларусь представлен инновационными фондами (республиканским централизованным и местными) и грантообразующими фондами.

Следует выделить ряд предложений по совершенствованию государственной инновационной политики:

1) в целях совершенствования процедуры финансирования и последующей отчетности по результатам финансирования научно-технической, инновационной деятельности за счет выделенных бюджетных средств целесообразным является внедрение «гибких» смет, ориентированных в первую очередь на результат проекта (этапа). В настоящий момент сметы формируются на предстоящий год, что существенно усложняет процесс планирования точных цен на предполагаемые к закупке товары (услуги), устойчивости деятельности на планируемый период потенциальных поставщиков (партнеров), наличия запрашиваемых товаров (услуг) и других факторов. Для нивелирования данного проблемного аспекта необходимо предусмотреть возможность внесения в сметы альтернативных позиций по товарам (услугам) (на случай отсутствия планируемых к закупке товаров (услуг) возможность приобретения аналогичных по функциональному назначению) с учетом качественного выполнения поставленных задач (достижения конечного результата), предусмотреть условия по корректировке необходимого количества по товарным группам (услугам) (в рамках целевого ориентира деятельности и в рамках лимита общего бюджетного ресурса), предусмотреть возможность корректировки товарных позиций (услуг) в размере установленной доли от общей суммы бюджетных средств по решению субъекта инновационной инфраструктуры на достижение поставленных задач,

упростить процедуры отчетности и процедуры согласования финансирования каждой товарной позиции (работы, услуги);

2) считаем целесообразным для повышения эффективности функционирования национальной инновационной системы осуществить конкретизацию и дифференциацию функций деятельности субъектов инновационной инфраструктуры и инфраструктуры поддержки предпринимательства: технопарков, ЦТТ, инкубаторов, отраслевых лабораторий, что позволит обеспечить эффективность работы каждого из них на основе поэтапности процесса создания наукоемкой и инновационной продукции (услуг) и специализации деятельности субъектов, а также оптимизации бюджетных ресурсов, их перераспределения по приоритетным направлениям, в том числе по реализации научно-технических, инновационных проектов, модернизации научно-инновационной, материально-технической инфраструктуры, развития компетенций, в первую очередь молодежи;

3) с учетом построения интегративной экономики важным направлением усиления инновационной политики государства выступает усиление взаимодействия с субъектами научно-инновационной инфраструктуры Российской Федерации и других стран — надежных партнеров Республики Беларусь в целях создания наукоемкой и инновационной продукции (услуг) в соответствии с кооперационной ресурсной моделью, основанной на взаимосвязи образовательной, научно-инновационной компонент, реального сектора экономики и бизнеса, а также институциональной компоненты (органов государственной власти, общественных организаций).

Список цитированных источников

1. Кудашов, В. И. Инжиниринговые центры — важнейшая составляющая инновационной инфраструктуры Беларуси / В. И. Кудашов, Е. О. Пицало // Экономика и упр. — 2016. — № 3. — С. 35—40.
2. Сидорова, В. Н. Роль инновационной инфраструктуры в формировании инновационной социально ориентированной модели развития / В. Н. Сидорова, Н. В. Сидоров // Экономика и упр.: проблемы, решения. — 2018. — Т. 1, № 7. — С. 140—146.
3. Терская, Г. А. Развитие инновационного потенциала регионов / Г. А. Терская // Самоупр. — 2019. — Т. 2, № 1. — С. 155—158.
4. Руденко, И. Р. Механизм взаимодействия власти и бизнес-структур в развитии инновационного потенциала региона / И. Р. Руденко, Е. А. Бессонова // Вопр. регион. экономики. — 2018. — Т. 4, № 37.
5. Дмитриевский, А. Ресурсно-инновационный потенциал стратегического развития России / А. Дмитриевский, Н. Комков, М. Кротова // Энергет. политика. — 2021. — № 6 (160). — С. 24—37.
6. Чернова, О. А. Экосистемный подход к управлению процессами инновационного развития промышленности / О. А. Чернова, Л. Г. Матвеева, Г. В. Горелова // Journal of new economy. — 2021. — Т. 22, № 2. — С. 44—64.
7. Астратова, Г. В. Экономическое содержание инновационных процессов в современных императивах инновационного развития государственных корпораций России, Белоруссии и Таджикистана / Г. В. Астратова, В. В. Климук, А. А. Тошпулогов // Вестн. евраз. науки. — 2021. — Т. 13, № 6. — С. 26.
8. Digitalization is an Urgent Trend in the Development of the Social Sphere / T. F. Romanova [and etc.] // Lecture notes in networks and systems. — 2020. — Vol. 87. — P. 931—939.
9. Klimuk, V. V. Interaction of education, science and business in terms of digital economy development / V. V. Klimuk, V. Lazdins // Economic science for rural development : proceedings of the 2019 International Conference. — Jelgava, LLU ESAF, 9—10 May 2019. — P. 37—48.
10. Климук, В. В. Развитие инструментария оценки эффективности использования материальных ресурсов промышленного предприятия : автореф. ... дис. канд. экон. наук : 08.00.05 / В. В. Климук. — Ростов н/Д, 2015. — 22 с.
11. Климук, В. В. Концепция четырехзвенной спирали в стратегиях «умной специализации» промышленного развития / В. В. Климук, О. А. Чернова // Естество-гуманитар. исслед. — 2019. — № 25. — С. 179—184.
12. Terziev, V. Methodological concepts for modernization of industrial enterprises in the concept of postindustrial development / V. Terziev, V. Klimuk // Available at SSRN 3789208. — 2021.
13. Климук, В. В. Реализация государственной инновационной политики: анализ конвергенции / В. В. Климук, Ю. А. Кузнецова // Вестн. Алт. акад. экономики и права. — С. 292.
14. О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10.07.2012 № 425-3 : с изм. и доп. от 11.05.2016 № 364-3. — Режим доступа: <https://normativka.by/lib/document/500167917/sid/36dfec6c5876489397836cbb597c9e66> . — Дата доступа: 16.05.2022.

15. О некоторых мерах по стимулированию реализации инновационных проектов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 20 мая 2013 г. № 229. — Режим доступа: <https://normativka.by/lib/document/500178979/sid/e306e8e19daf4fa9a3628ff09c904e86> . — Дата доступа: 16.05.2022.

16. О совершенствовании деятельности Белорусского инновационного фонда [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 25 марта 2008 г. № 174. — Режим доступа: <https://normativka.by/lib/document/500055696/sid/217296bac58741f183b823f669a3fcf6> . — Дата доступа: 16.05.2022.

17. О порядке формирования и использования средств инновационных фондов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 7 авг. 2012 г. № 357. — Режим доступа: <https://normativka.by/lib/document/500168472/sid/a82a8448261c48d0afe92d26d1016e0a> . — Дата доступа: 16.05.2022.

18. О некоторых мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 20 мая 2013 г. № 229 [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 4 окт. 2013 г. № 888. — Режим доступа: <https://normativka.by/lib/document/500183521/sid/001203a374b242949173a575b20d7ea7> . — Дата доступа: 16.05.2022.

19. Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь. Перечень субъектов инновационной инфраструктуры [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://gknt.gov.by/deyatelnost/innovatsionnaya-politika/the_state_duma . — Дата доступа: 16.05.2022.

20. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by> . — Дата доступа: 16.05.2022.

Поступила в редакцию 02.06.2022.

УДК 331.5

О. А. Лабейко¹, кандидат экономических наук, доцент,
К. Н. Скидан²

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь,
¹+375 (44) 541 76 45, Olgalabeyko@bk.ru, ²+375 (33) 323 36 69, skidanaki.99@gmail.com

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА ТРУДА

В статье рассмотрена эволюция теоретико-методологических подходов к исследованию механизма функционирования рынка труда, проанализированы его элементы и установлены их взаимосвязи. Раскрыта роль государства в системе трудовых отношений, показаны направления и инструменты государственного регулирования рынка труда. Актуализирована проблема предупреждения и смягчения последствий социальных рисков в трудовой сфере.

Ключевые слова: теории рынка труда; государственное регулирование рынка труда; риски; социально уязвимые группы населения; государственные программы.

Библиогр.: 9 назв.

O. A. Labeyko¹, PhD in Economics, Associate Professor
K. N. Skidan²

Educational institution "Baranovichi State University", 21 Voikova Str., 225404 Baranovichi, the Republic of Belarus,
¹+375 (44) 541 76 45, Olgalabeyko@bk.ru, ²+375 (33) 323 36 69, skidanaki.99@gmail.com

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF STATE REGULATION OF THE LABOR MARKET

The article considers the evolution of theoretical and methodological approaches to the study of the mechanism of the functioning of the labor market, analyzes its elements and establishes their relationships. The role of the state in the system of labor relations is revealed, directions and instruments of state regulation of the labor market are shown. The problem of prevention and mitigation of the consequences of social risks in the labor sphere has been updated.

Key words: labor market theories; state regulation of the labor market; risks; socially vulnerable groups of the population; government programs.

Ref.: 9 titles.

Введение. При исследовании рынка труда все больше встречается научных работ, в которых авторы предпринимают попытку описать и (или) объяснить уровень занятости, причины и структуру безработицы, предложить инструменты регулирования этих процессов. Вместе с тем непрерывное совершенствование институциональной, технологической, организационно-управленческой, трудовой структур национального хозяйства обостряет многие социально-экономические процессы, в том числе комплекс проблем функционирования рынка труда. Выявление и обоснование путей эффективного регулирования рынка труда является сложной научно-практической задачей, решение которой требует, на наш взгляд, нового осмысления содержания функций государства как субъекта функционирования рынка труда.

Материалы и методы исследования. Методологическую основу исследования факторов и условий функционирования рынка труда, систематизации направлений, средств и инструментов регулирования трудовых отношений составляют положения общей теории рынков.

Результаты исследования и их обсуждение. С позиции методологии классической экономической теории (У. Петти, А. Смит, Д. Рикардо, Ж.-Б. Сей) объем купли и продажи рабочей силы, характер найма и предложение труда определяют содержание общественных трудовых отношений. На рынке труда наниматели предъявляют спрос на рабочую силу, в свою очередь, домашние хозяйства осуществляют предложение труда. Единственным механизмом регулирования рынка труда является заработная плата. Под влиянием спроса и предложения на рабочую силу она (цена рабочей силы) увеличивается или уменьшается. Рыночное равновесие достигается в том случае, когда любой человек может найти себе работу в соответствии с полученной специальностью и желаемым уровнем дохода, а безработица отсутствует вследствие добровольного отказа от поиска работы части населения, неудовлетворенной уровнем оплаты труда. В классической модели характерными признаками функционирования рынка труда являются: свободный выбор рабочего места и условий труда, осуществления найма рабочей силы; материальная и моральная мотивация работников в высокопроизводительном труде; конкурентная среда, дающая возможность нанимателям и работникам согласовывать при прочих равных условиях правила использования рабочей силы. Организационный и экономический механизмы функционирования рынка труда создают условия для работников, имеющих разную квалификацию, участвовать в производстве экономических благ, обеспечивают возможности получения дохода гражданам для удовлетворения своих и семьи потребностей. В теории рынка труда А. Смита трудовая деятельность служит единственным источником богатства нации, а способности к трудовой деятельности признаны товаром и объектом купли-продажи [1; 2].

Заслугой марксистской теории стало открытие двойственности характера труда, его меновой стоимости и способности создавать прибавочную стоимость. К. Маркс вводит понятие «рабочая сила», под которой понимает всю совокупность способностей человека к профессиональной деятельности, в отличие от непосредственного производства товаров и услуг (конкретного труда), результатом использования рабочей силы является стоимость созданного экономического блага. Представителями марксистской (политической) экономии разработана теория прибавочной стоимости, объясняющая создание рабочей силой стоимости товара большей, чем сама рабочая сила, которая, в свою очередь, является источником прибыли капиталистов.

В 30-е годы XX века сокращение производства, высокий уровень безработицы и снижение реальных доходов населения детерминировали исследование дополнительных субъектов регулирования рынка труда. В кейнсианской теории рынок труда характеризуется статичностью и инертностью, что отличает его от иных типов рынков. По существу, изменение спроса и предложения на рынке труда не приводит в состояние рыночного равновесия заработную плату, т. е. она не является гибкой. Дж. Кейнс придерживался положения о том, что равновесие на рынке труда является лишь частным случаем, безработица и инфляция могут быть стабилизированы только лишь активной политикой государства посредством регулирования сбережений населения и предпринимательских инвестиций.

Представители институциональной теории (Т. Веблен, Р. Коуз, Д. Норт, Дж. Коммонс, Дж. Гэлбрейт и др.) поставили под сомнение сингулярность функционирования конкурентного рынка труда, автоматического достижения рыночного равновесия, рационального поведения индивида. Они доказали различия в оплате труда работников различных отраслей, профессий, а также обратили внимание на необходимость дифференциации условий и содержания труда. Получила своё развитие теория сегментации рынка труда, разделяющая рабочую силу на занятых на постоянной работе и по краткосрочным договорам, демографические группы, доказывающая существование кластеров рабочих мест [3]. Очевидно, что расширение предмета исследования рынка труда позволило институционалистам не опровергать постулаты классической теории, а увидеть существующие противоречия, ввести и объяснить новые формы регулирования рынка труда с помощью понятия «институт». Административные правила, коллективные договоры, нормы, стандарты, обычаи являются неотъемлемой частью функционирования рынка труда.

Таким образом, на рынке труда объектом управления являются три элемента: предложение, спрос и цена рабочей силы. Конъюнктура рынка труда определяется отношением спроса и предложения рабочей силы, которая, в свою очередь, имеет существенное воздействие на цену рабочей силы [4, с. 12].

Эволюция экономических учений привела к выводу о существовании трех видов регулирования социально-трудовой сферы: рыночное, государственное, институциональное.

В современных экономических исследованиях государственное регулирование рынка труда сводится к политике по сокращению уровня безработицы и повышению уровня занятости [5]. Ряд ученых ключевой целью регулирования рынка труда видят в достижении сбалансированности спроса и предложения как по объему, так и по структуре [6, с. 57].

По нашему мнению, государственное регулирование рынка труда должно быть направлено на создание конституционных, правовых, экономических и административных институтов, обеспечивающих эффективную и свободно избранную занятость для различных социальных групп населения. Представленное определение, охватывая все аспекты регулирования рынка труда, отвечает современной концепции социального рыночного хозяйства, в котором государство создает надежные институциональные условия для реализации рыночного механизма.

Государство в системе социально-трудовых отношений представлено республиканскими, региональными органами власти, местными распорядительными и исполнительными комитетами, выполняющими следующие функции:

- законодательную (разработка правовых норм и механизмов их исполнения);
- социально-экономическую, связанную с обеспечением занятости населения, воспроизводством трудового потенциала, устранением диспропорций спроса и предложения рабочей силы, совершенствованием системы профессионального образования и др.;
- защиту прав наемных работников и интересов работодателей в сфере реализации трудовых отношений.

К числу основных направлений государственного регулирования рынка труда относятся:

- 1) политика занятости; 2) политика в области оплаты труда; 3) социальное партнерство.

Вместе с тем разражение противоречий, присущих современной системе социально-трудовых отношений (сокращение трудового потенциала, диспропорции оплаты труда в отдельных отраслях и сферах деятельности, отставание системы профессиональной подготовки от потребностей реального сектора экономики, существование на рынке труда социально уязвимых групп населения), требует выделения самостоятельного направления государственного регулирования рынка труда, такого как предупреждение и смягчение последствий социальных рисков.

Справедливости ради следует отметить отсутствие единой методологической основы исследования природы, причин, механизмов минимизации и компенсации последствий рисков в социально-трудовой сфере. Можно лишь указать на отдельные направления научных исследований, посвященных выявлению и классификации социальных рисков [6—8]. Так, Т. П. Волкова, В. С. Хомякова определяют социальные риски как «вероятности наступления событий, способных негативно повлиять на социальное, материальное и духовное состояние человека и нарушающих его социальную и профессиональную деятельность» [7]. Особое внимание указанные ученые среди возможных видов социальных рисков уделяют рискам потери профессиональной трудоспособности и трудового дохода трудовыми ресурсами страны. Ряд исследователей акцентируют внимание на причинах социальных рисков, которые могут быть вызваны нестабильной экономической ситуацией в стране, индустриальными изменениями в производстве и др.

Авторы настоящего исследования будут исходить из того, что социальные риски «это те негативные явления и процессы, с которыми может столкнуться индивид в процессе своей трудовой деятельности». Это могут быть: отсутствие возможностей и условий получения качественного профессионального образования; изменения структуры спроса на рабочую силу, приводящие к невозможности трудоустроиться в соответствии с полученной специальностью; невозможность получить профессиональную подготовку, повышение квалификации, перепод-

готовку; временная или частичная утрата профессиональной трудоспособности. При выработке механизмов нивелирования и минимизации последствий социальных рисков следует выделить субъектов трудовых отношений, подверженных воздействию указанных рисков. К таким субъектам следует отнести прежде всего социально уязвимые группы населения: молодежь, впервые ищущая работу; лица с инвалидностью; родители в многодетных и неполных семьях, а также воспитывающие детей-инвалидов; население старших возрастов; лица, утратившие социальные связи по причине длительной изоляции.

По нашему мнению, представленный подход имеет прикладной характер, позволяя государству, как гаранту социальной стабильности в обществе, вырабатывать конкретные направления управления социальными рисками в трудовой сфере. К их числу относятся:

- реализация в социально-трудовой сфере государственных и региональных программ;
- создание новых, модернизация и обновление рабочих мест;
- профессиональная подготовка и переподготовка безработных;
- стимулирование безработных по организации предпринимательской деятельности, самозанятости;
- развитие институциональных условий применения гибких форм занятости;
- содействие безработным в трудовой мобильности и т. д.

В Республике Беларусь государственные программы являются ключевым инструментом управления социальными рисками, с которыми сталкиваются уязвимые группы населения. Отличительной характеристикой Государственной программы «Рынок труда и содействие занятости» на 2021—2025 годы является ее целевой характер по содействию занятости населения, которое нуждается в дополнительных мерах социальной защиты. Программа включает одну из таких ключевых приоритетных задач, как вовлечение в трудовую деятельность экономически неактивного населения. Ее решение предусматривает активные (1, 4, 5) и пассивные (2, 3) меры содействия занятости:

- 1) бронирование рабочих мест для трудоустройства лиц, не способных на данный период времени быть конкурентоспособными на рынке труда;
- 2) компенсация нанимателям затрат на оплату труда при трудоустройстве граждан, впервые ищущих работу;
- 3) оказание финансовой поддержки нанимателям по организации адаптации к трудовой деятельности инвалидов, созданию и сохранению рабочих мест для инвалидов;
- 4) содействие в трудоустройстве и финансирование затрат на оплату труда безработным лицам, находившимся в длительной социальной изоляции;
- 5) обучение с гарантированным трудоустройством граждан предпенсионного возраста [9].

Заключение. Вопросы эффективного функционирования рынка труда — это комплексная задача, которая требует государственного регулирования по следующим направлениям: создание институциональной среды сбалансированного функционирования рынка труда по профессионально-квалификационному, территориальному признакам, уровню участия в рабочей силе; обеспечение минимальных гарантированных доходов населения и заработной платы по группам работников, отраслям и сферам деятельности; разработка механизмов взаимодействия работодателей, профессиональных союзов, исполнительной власти; управление рисками в социально-трудовой сфере. Совершенствование инструментов государственного регулирования рынка труда предполагает усиление их адресного характера с учетом различных потребностей и интересов субъектов социально-трудовых отношений.

Список цитированных источников

1. Дрождинина, А. И. Генезис теоретических основ формирования рынка труда / А. И. Дрождинина // Вестн. МГТУ. — 2011. — Т. 14, № 1. — С. 7—11.
2. Леманова, П. В. Обзор ключевых концепций функционирования рынка труда / П. В. Леманова // Вестн. Таганрог. гос. пед. ин-та. — 2014. — № 1. — С. 97—103.

3. *Ванкевич, Е. В.* Институциональное строение рынка труда в Беларуси: направления оценки и развития / Е. В. Ванкевич // *Белорус. экон. журн.* — 2009. — № 9. — С. 88—103.
4. *Низова, Л. М.* Государственное регулирование занятости населения в современной экономической системе : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / Л. М. Низова ; ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет». — Казань, 2011. — 54 с.
5. *Зиядуллаев, Н. С.* Совершенствование механизмов государственного регулирования рынка труда в условиях модернизации экономики / Н. С. Зиядуллаев, Н. В. Лясников, А. С. Воронов // *Гос. упр.* — 2018. — № 70. — С. 33—48.
6. *Солодовников, С. Ю.* Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // *Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D : «Экономические и юридические науки».* — 2015. — № 6. — С. 2—9.
7. *Волкова, Т. П.* Риски в социально-трудовой сфере: теория и практика / Т. П. Волкова, В. С. Хомякова // *Социум и власть.* — 2018. — № 4 (72). — С. 79—89.
8. *Дзюбенко, Е. В.* Роль социального риска в системе трудовых отношений [Электронный ресурс] / Е. В. Дзюбенко // *Психология, социология и педагогика.* — 2014. — № 11. — Режим доступа: <https://psychology.snauka.ru/2014/11/3945>. — Дата доступа: 01.04.2022.
9. Государственная программа «Рынок труда и содействие занятости» на 2021—2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 дек. 2020 г., № 777. — Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=C22000777>. — Дата доступа: 01.04.2022.

Поступила в редакцию 08.04.2022.

УДК 342

Г. А. Василевич, доктор юридических наук, профессор
Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030 Минск,
Республика Беларусь, +375 (29) 170 13 93, Gregory_1@tut.by

**РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА
И ГРАЖДАНИНА В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ
ПО ИТОГАМ РЕФЕРЕНДУМА 2022 ГОДА**

В статье анализируются изменения и дополнения, внесенные в Конституцию Республики Беларусь по итогам референдума 2022 года. Обращается внимание на расширение конституционно-правового статуса граждан, создание конституционной основы для дополнительного обеспечения социально-экономических прав, укрепления баланса между частными и публичными интересами. Подчеркнута важность конституционных изменений и дополнений, направленных на сохранение традиционных ценностей в сфере семейных отношений. Делается вывод, что предусмотренная в Конституции модель правового статуса человека и гражданина отражает общечеловеческие ценности, для которых характерны справедливость, добро, гуманизм, долг, необходимость, соблюдение нравственных законов человеческого общежития.

Ключевые слова: Конституция; правовой статус человека и гражданина; баланс частных и публичных интересов.

Библиогр.: 7 назв.

G. A. Vasilevich, Doctor of Law, Professor
Belarusian State University, 8 Leningradskaya Str., 220030 Minsk, the Republic of Belarus,
+375 (29) 170 13 93, Gregory_1@tut.by

**THE DEVELOPMENT OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS
OF A PERSON AND A CITIZEN IN THE CONTEXT OF AMENDMENTS
AND ADDITIONS TO THE CONSTITUTION FOLLOWING
THE RESULTS OF THE 2022 REFERENDUM**

The article analyzes the changes and additions made to the Constitution of the Republic of Belarus following the results of the referendum of 2022. Attention is paid to the expansion of the constitutional and legal status of citizens, creation of the constitutional basis for the additional provision of social and economic rights, strengthening the balance between the private and public interests. The importance of constitutional changes and additions aimed at preserving traditional values in the sphere of family relations is emphasized. It is concluded that the model of the legal status of a person and a citizen provided for in the Constitution reflects universal values which are characterized by justice, kindness, humanism, duty, necessity and observation of the moral laws of human community.

Key words: Constitution; legal status of a person and a citizen; balance of private and public interests.

Ref.: 7 titles.

Введение. Внесенные изменения в Конституцию обусловлены складывающейся новой объективной реальностью, в том числе в социально-экономической сфере, а также в личном пространстве человека, желанием сохранить наши традиционные ценности, историческую

память о подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны (1941—1945), противостоять правовыми средствами проникновению в наше культурное пространство западных «ценностей», свидетельствующих о деградации семьи, искажению нормальных взаимоотношений между родителями и детьми, прославлению нацизма и др.

Таким образом, внесение в Конституцию изменений в наши дни является ответом на новые складывающиеся реалии, меняющийся менталитет общества. Возникает необходимость конституционно закрепить важнейшие социальные ценности, предусмотреть дополнительные гарантии для устойчивого развития общества [1, с. 3—33].

Материалы и методы исследования. Автор статьи при ее написании использовал общенаучные методы исследования, обобщение положений нормативных правовых актов, результатов научных трудов белорусских и российских ученых, авторов.

Результаты исследования и их обсуждение. В Беларуси за всю ее историю было проведено пять республиканских референдумов: в 1991, 1995, 1996, 2004 и 2022 годах. Все они так или иначе были направлены на уточнение конституционных норм и принципов. Но лишь по итогам последнего референдума в Конституцию нашей республики внесено наибольшее число изменений и дополнений (изменения), касающихся правового статуса человека и гражданина. Речь не идет только о разделе II «Личность. Общество. Государство», но и о иных разделах, где также затронуты права граждан (в 1996 году в этой части было уточнено лишь несколько статей Конституции, например, ст. 44, 60).

Изменения Конституции 2022 года укрепляют конституционную модель нашего государства как правового, демократического, социального. Именно предусмотренная в ней модель правового статуса человека и гражданина отражает общечеловеческие ценности, для которых характерны справедливость, добро, гуманизм, долг, необходимость, разумный баланс между частными публичными интересами, соблюдение нравственных законов человеческого общежития. Конституционные принципы и нормы обеспечивают разумное сочетание нравственности и права.

На важную роль Конституции в утверждении нравственных начал обращают внимание многие ученые [2—4]. Поддерживаем позицию В. Д. Зорькина, обращающего внимание на различия между восточным и западным мышлением, обусловленные культурными, религиозными и иными традициями [5, с. 6].

Все внесенные изменения в Конституцию можно сфокусировать применительно к существующей в науке дифференциации прав и свобод на личные, политические, социально-экономические, а также новые обязанности. Можно также выделить индивидуальные и коллективные права.

Отметим сделанную в Конституции замену слова «личную» (личную жизнь) на «частную» (частную жизнь). Эта замена не столь необходима в силу схожести понятий (личная и частная жизнь), но вполне допустима, хотя и можно было на практике обеспечить современное истолкование понятия «личная жизнь». Для защиты личного пространства человека (его частной жизни) важно дополнение ст. 28 положением о том, что государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании. Конечно, эта и другие новые конституционные нормы получают свою реализацию на практике, в нормотворчестве. Обратим внимание на то, что имеется текущее законодательство в области защиты персональных данных, среди которых центральным стал Закон Республики Беларусь «О защите персональных данных». Достаточно новым и полезным для процесса нормотворчества и последующего правоприменения является указание в данном законе на то, что обработка персональных данных должна быть соразмерна заявленным целям их обработки и обеспечивать на всех этапах такой обработки справедливое соотношение интересов всех заинтересованных лиц. Принцип соразмерности (пропорциональности) в современном праве

имеет огромную практическую роль, он является важным критерием оценки правомерности действий органов государственной власти (должностных лиц).

Закон «О защите персональных данных» устанавливает в качестве общего правила презумпцию несогласия на обработку персональных данных: необходимо согласие заранее получить. При этом в соответствии со ст. 5 согласие субъекта персональных данных представляет собой свободное, однозначное, информированное выражение его воли, посредством которого он разрешает обработку своих персональных данных. Полагаем, что лучше было бы зафиксировать норму о даче информированного и добровольного согласия на обработку данных. Конечно, исключения могут устанавливаться законом.

Значительное внимание уделено укреплению семьи, поддержке семей с детьми, молодежи, пожилым людям и инвалидам. Хотя в ст. 32 Конституции и ранее предполагалось, что брак заключается между женщиной и мужчиной по достижении ими брачного возраста (при подготовке проекта Конституции в начале 90-х годов были предложения указать, что брак заключается гражданами, т. е. без указания на половую принадлежность), с учетом идущей с западных стран угрозы традиционным семейным ценностям дополнительно указано, что брак — это союз женщины и мужчины. При этом супруги имеют равные права в браке и семье. Полагаем, что это будет способствовать защите не только женщин, но и мужчин, например, при расторжении брака и решении вопроса о возможности участвовать в воспитании детей. В настоящее время все чаще дети по решению суда остаются с матерями. Конечно, законодательство в данной области существенно продвинулось, может быть предусмотрено время общения отцов со своими детьми, однако еще на практике вопросы остаются.

Потенциально сильной является норма, зафиксированная в ст. 32, согласно которой приоритетным является воспитание детей в семье. Надо сказать, что и ранее государство всячески содействовало этому. В качестве позитивного примера можно привести Декрет Президента Республики Беларусь от 24.11.2006 № 18 (ред. от 23.02.2012) «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях». Благодаря его реализации, объединению усилий ряда государственных органов и общественности, удалось существенно снизить количество социальных сирот, обеспечить воспитание детей в полноценных семьях. По сути, данная конституционная норма в определенной мере препятствует распространенной за рубежом практике изымать детей из семьи (например, когда родители действовали по отношению к детям не вполне тактично).

В ст. 32 акцентировано внимание на проявление со стороны государства особой заботы о молодежи, содействие развитию ее талантов. Острые были споры относительно реализации способности к труду. Так, долго обсуждалось предложение о фиксации в Конституции нормы об обязанности трудиться. Автором данной статьи приводились аргументы, что это делать нецелесообразно, в условиях нестабильных экономических отношений трудно обеспечить всеобщую занятость, особенно с учетом места жительства. Конечно, работу можно в пределах республики найти, но каждый ли готов поменять место жительства или пройти переобучение. Видимо, нет. В этой связи более удачной является новая норма, появившаяся в ст. 21, согласно которой каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства. В данном случае реализуется идея социальной солидарности. Ведь и государство наше является социальным. Его суть нельзя сводить только к вопросам социального обеспечения (выплатам пенсий, пособий и т. п.), но в таком государстве трудоспособные лица проявляют свою активность, исключается социальное иждивенчество. Статья 41 Конституции подверглась лишь небольшому уточнению в части исключения из понятия «принудительный труд» указания на то, что к данной категории не относится работа или служба, назначаемые по судебному постановлению (ранее — по приговору суда). То есть сейчас появились правовые основания для назначения не только уголовного наказания, но и общественных работ за совершение административных правонарушений. Согласно ст. 6.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП) общественные

работы заключаются в выполнении физическим лицом в свободное от основной работы, службы или учебы время бесплатных работ, направленных на достижение общественно полезных целей. Хотя законодатель в КоАП выбрал оригинальный подход к назначению такого взыскания, как общественные работы, они могут быть назначены только с согласия самого правонарушителя, что дает основания для некоторой критики [6, с. 269—270].

В перспективе можно было бы в ст. 41 Конституции не просто закрепить право на труд, а право на достойный труд. Концепция достойного труда обоснована Международной организацией труда. В ряде программных документов, а также в выступлениях Генерального директора Международного бюро труда на 87-й (1999) и 89-й сессиях (2001) Международной конференции труда в качестве цели указывается «содействие в получении и выполнении достойной работы в условиях свободы, справедливости, гарантий защищенности и безопасности и человеческого достоинства». Эта концепция предполагает реализацию широкого круга потребностей работника, обеспечения высокого качества трудовой функции и развития трудовой демократии: трудовая деятельность должна проходить в безопасной и здоровой производственной среде; условия труда должны быть совместимы с благосостоянием и человеческим достоинством трудящихся; труд должен открывать человеку реальные возможности для саморазвития личности и служения обществу [7].

Создаются новые условия для охраны здоровья. В соответствии с уточненной редакцией части первой ст. 45 обеспечивается охрана здоровья, включая бесплатное лечение за счет государственных средств, не только в государственных, но и иных учреждениях здравоохранения. Такой вывод, на наш взгляд, можно сделать из новой редакции указанной статьи. Споры вначале вызвало дополнение в проекте ст. 45 указанием на то, что граждане обязаны принимать меры по сохранению, укреплению и восстановлению собственного здоровья. Обязанность принимать меры по «восстановлению» здоровья была исключена с аргументацией автора данной статьи, что тем самым граждане ориентируются на принятие мер по самолечению. Во время обсуждения проекта в трудовых коллективах также многие его участники высказывались против возложения обязанности по сохранению и укреплению здоровья на граждан. Высказывались доводы, что если существует обязанность, то возможна и юридическая ответственность. В итоге было найдено оптимальное решение: часть первая ст. 45 была дополнена нормой о том, что граждане заботятся о сохранении собственного здоровья.

Совершенно по-новому сейчас в Конституции обращается внимание на две категории граждан — пожилых лиц и лиц с инвалидностью. Согласно ст. 47 гражданам Республики Беларусь гарантируется право на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца и в других случаях, предусмотренных законом. При этом указано, что государство проявляет особую заботу о ветеранах войны и труда, о лицах, утративших здоровье при защите государственных и общественных интересов, а также об инвалидах и пожилых людях. Инвалидам обеспечиваются равные возможности для осуществления прав и свобод человека и гражданина. Государством реализуется политика социальной интеграции инвалидов, создания доступной среды и улучшения качества их жизни, поддержки семей с инвалидами. Тем самым проводимая государством политика в области защиты указанных категорий граждан, создания им приемлемых условий для жизнедеятельности, занятости, досуга получает конституционное подкрепление.

Усилены гарантии прав и свобод. Так, в ст. 60, где изначально каждому гарантировалась защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в порядке и сроки, определенные законом, сейчас предусмотрено, что решения и действия (бездействие) государственных органов и должностных лиц, ущемляющие права и свободы, могут быть обжалованы в суде. Такая формула обеспечивает развитие судебной защиты, а в перспективе, на наш взгляд, административной юстиции. Это должно повлечь признание судебного и административного прецедента в качестве источника регулирования правовых отношений. Изменение ст. 60 следует рассматривать во взаимосвязи со ст. 61 и 116-1 Конституции. Так, согласно

ст. 61, каждый вправе в соответствии с международными договорами Республики Беларусь обращаться в международные организации в целях защиты своих прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Предстоит выработать позицию относительно определения «исчерпания всех имеющихся средств внутригосударственной защиты». Можно надеяться, что получит развитие институт конституционной жалобы. Ведь согласно ст. 116-1, Конституционный Суд в порядке, установленном законом, выносит решения по жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод, проверяя конституционность законов, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие средства судебной защиты; по запросам судов, проверяя конституционность нормативных правовых актов, подлежащих применению при рассмотрении судами конкретных дел. Здесь обратим внимание на то, что в данном случае идет речь лишь о законах, примененных в конкретном деле (автором предлагалось указать на любой акт, в том числе и подзаконный, который подлежал применению в судебном процессе). Если получит развитие практика непосредственного обращения судов в Конституционный Суд, то это также будет способствовать укреплению конституционной законности.

Как уже отмечалось в начале статьи, в Конституции появились нормы об обязанности граждан и их долге. Так, согласно ст. 54, сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь.

Заключение. Модернизация Конституции Республики Беларусь, усиление конституционных гарантий прав граждан являются важными факторами укрепления доверия граждан к государству, повышения эффективности управления государственными и общественными делами, консолидации общества.

Список цитированных источников

1. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование : монография / отв. ред. В. Е. Чиркин. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. — 656 с.
2. Дулов, А. В. Нравственное содержание Основного Закона государства / А. В. Дулов // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 26—27 окт. 2001 г. / Гродн. гос. ун-т ; редкол.: Н. В. Сильченко (отв. ред.) [и др.]. — Гродно, 2002. — С. 50—51.
3. Кравец, И. А. Формирование российского конституционализма. Проблемы теории и практики / И. А. Кравец. — М. : ЮКЭА, 2002. — 362 с.
4. Конституция в XXI веке : сравн.-правовое исслед. / Е. Б. Абросимова [и др.] ; отв. ред. В. Е. Чиркин. — М. : Норма : Инфра-М, 2013. — 655 с.
5. Зорькин, В. Д. Конституция и права человека в XXI веке / В. Д. Зорькин. — М. : НОРМА, 2008. — 224 с.
6. Василевич, С. Г. Теоретико-прикладные факторы обновления административно-деликтного законодательства в Республике Беларусь / С. Г. Василевич // Современные проблемы белорусского законодательства в условиях конституционных преобразований / под общ. ред. Г. А. Василевича, А. Ф. Вишневого, В. А. Кучинского. — Минск : Амалфея. — 360 с.
7. Козлова, О. А. Вопросы становления института достойного труда в России [Электронный ресурс] / О. А. Козлова, Е. А. Селезенева. — Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/55683/1/8udf2_018.pdf. — Дата доступа: 10.02.2022.

Поступила в редакцию 01.04.2022.

УДК 342.9

О. Н. Людвигевич, кандидат юридических наук, доцент
Учреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 720 91 53, ludvikevich1@mail.ru

ВНЕШТАТНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена внештатному сотрудничеству как наиболее эффективному способу взаимодействия организаций (органов), учреждений высшего образования и обучающихся. Внештатное сотрудничество рассматривается через призму требований Концепции развития юридического образования в Республике Беларусь, наиболее важным из которых является обеспечение практической направленности образовательного процесса.

В статье приведен опыт учреждения образования «Барановичский государственный университет» в области организационной и информационной поддержки внештатного сотрудничества. Данное сотрудничество рассматривается как взаимовыгодные партнерские отношения между университетом, правоохранительными органами и обучающимися. Указаны преимущества, получаемые каждой из сторон в процессе реализации внештатного сотрудничества.

Статья содержит определенные предложения по совершенствованию правового регулирования внештатного сотрудничества, направленные на развитие такого сотрудничества и расширение практики его использования.

Ключевые слова: внештатный сотрудник; внештатное сотрудничество; правоохранительный орган; обучающийся; образовательный процесс; практикоориентированность подготовки.

Библиогр.: 5 назв.

V. N. Lyudvikevich, PhD in Law, Associate Professor
Educational institution “Baranovichi State University”, 21 Voikova Str., 225404 Baranovichi,
the Republic of Belarus, +375 (29) 720 91 53, ludvikevich1@mail.ru

NON-STAFF COOPERATION IN THE CONTEXT OF REALIZATION THE CONCEPT OF THE LEGAL EDUCATION

The article is devoted to non-staff cooperation as the most effective way of interaction of the organizations (bodies), establishments of higher education and students. Non-staff cooperation is considered through a prism of requirements of the Concept of development of the legal education in Belarus: the most important of which is maintenance of a practical orientation of educational process.

In the article the experience of the educational institution “Baranovichi State University” in the field of organizational and information support of non-staff cooperation is presented. The given cooperation is considered as mutually advantageous partner relations between university, law enforcement bodies and students. The advantages received by each of the parties, in the course of realisation of non-staff cooperation are indicated.

The article contains certain offers on perfection of legal regulation of the non-staff cooperation, directed on development of such cooperation and expansion of practice of its use.

Key words: the non-staff employee; non-staff cooperation; the law enforcement agency; educational process; practice-oriented training.

Ref.: 5 titles.

Введение. Современное государство и общество ставят перед системой высшего образования новые задачи. В текущем моменте развития высшего образования речь должна идти не только о подготовке востребованного на рынке труда специалиста, но и о возможности выпускника оперативно включиться в трудовую деятельность, исключая период длительной и сложной адаптации к практической сфере.

Практикоориентированность подготовки — важнейшее условие успешной образовательной деятельности. Такая подготовка обеспечивается вовлечением в образовательный процесс

ведущих практических работников, функционированием филиалов кафедры, учебными и производственными практиками как важными элементами образовательного процесса.

Одним из наиболее результативных способов обеспечения практикоориентированности подготовки специалистов с высшим юридическим образованием, по нашему мнению, является институт внештатного сотрудничества.

Материалы и методы исследования. Несмотря на наличие определенного исторического опыта оказания гражданами помощи правоохранным органам, институт внештатного сотрудничества достаточно молодой. Однако можно с уверенностью утверждать, что данный институт положительно себя зарекомендовал и результативно используется в Следственном комитете Республики Беларусь и органах прокуратуры.

В соответствии со ст. 6 Закона Республики Беларусь от 26 июня 2003 года № 214-З «Об участии граждан в охране правопорядка» внештатное сотрудничество с правоохранными органами является одной из форм участия граждан в охране правопорядка. В научной литературе высказывается абсолютно верное мнение о том, что «взаимодействие правоохранных органов с гражданским обществом повышает уровень правовой культуры и социальной активности граждан, способствует снижению уровня преступного поведения, делает более информационно открытой правоохранный систему, повышает уровень доверия к ней, ее авторитет и престиж правоохранный службы» [1, с. 158].

Внештатное сотрудничество осуществляется путем привлечения граждан, не состоящих в штате, к участию в работе правоохранный органа на добровольной основе под непосредственным руководством уполномоченных должностных лиц данного органа. Порядок оформления и деятельности внештатных сотрудников правоохранный органов устанавливается законодательством Республики Беларусь (ст. 8 Закона «Об участии граждан в охране правопорядка») [2].

В развитие положений Закона «Об участии граждан в охране правопорядка» утверждено Типовое положение о порядке оформления и деятельности внештатных сотрудников правоохранный органов, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, органов пограничной службы Республики Беларусь [3]. Данное положение предусматривает порядок зачисления внештатным сотрудником. В течение месяца сотрудниками соответствующих правоохранный органов изучаются деловые и моральные качества кандидатов во внештатные сотрудники. Затем сотрудник, ведущий работу с внештатными сотрудниками, докладывает об этом в установленном порядке руководителю соответствующего правоохранный органа. Руководитель правоохранный органа принимает решение о зачислении кандидата внештатным сотрудником после проведенного с кандидатом собеседования.

Изложенное позволяет сформулировать следующие принципы внештатного сотрудничества: добровольность участия во внештатном сотрудничестве, строгий отбор кандидатов во внештатные сотрудники, сочетание внештатного сотрудничества с трудовой или учебной деятельностью.

В соответствии с п. 4 положения внештатные сотрудники оказывают правоохранным органам содействие в проведении мероприятий по охране общественного порядка, борьбе с преступностью и решению других задач на общественных началах в свободное от учебы время.

Необходимо особо подчеркнуть, что обучающиеся по юридическим специальностям, являющиеся внештатными сотрудниками, не только оказывают помощь правоохранным органам, но и приобретают ценный практический опыт в сфере своей будущей профессиональной деятельности, а также обеспечивают свое последующее трудоустройство.

Еще одним важным документом, направленным на обеспечение практикоориентированности подготовки, несомненно, следует считать Концепцию развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 года (далее — Концепция) [4]. Данный документ определяет основные направления совершенствования юридического образования в условиях развивающейся политической и социально-экономической системы государства

и прогнозирует возможности повышения его социальной эффективности. Для реализации Концепции утвержден План мероприятий по реализации Концепции развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 года, программы взаимодействия заинтересованных субъектов по внедрению основных направлений Концепции.

Концепция содержит оценку текущего состояния и тенденций развития юридического образования, определяет систему приоритетов, направлений и организационный механизм дальнейшего совершенствования юридического образования в республике с учетом накопленного в данной сфере потенциала.

Реализация Концепции призвана обеспечить устранение имеющихся проблем и создание научно обоснованной системы подготовки высококвалифицированных специалистов, готовых к профессиональной деятельности в условиях процесса глобализации, растущей в мире конкуренции, интенсивного экономического роста, инновационности базовых отраслей и новых производств, современных системах управления.

Анализируемый документ предусматривает меры по усилению научного, кадрового, нормативного, организационного и материально-технического обеспечения юридического образования.

Следует отметить, что в систему юридического образования, согласно Концепции, включены не только учреждения высшего образования, но и организации — заказчики кадров, государственные органы, участвующие в заказе на подготовку юридических кадров, организации, обеспечивающие проведение практических занятий, прохождение практики обучающимися.

Одной из главных проблем юридического образования, согласно Концепции, является недостаточный уровень сотрудничества учреждений образования с заказчиками юридических кадров при формировании профессиональных компетенций выпускников, в том числе поступающих на службу в органы прокуратуры, иные правоохранительные органы, суд. Отсюда в Концепции содержится требование максимальной эффективности использования на различных уровнях образования как научного и педагогического потенциала отечественной юридической школы, так и высокопрофессиональных специалистов, представителей заказчиков кадров.

Одним из концептуальных принципов государственной политики в сфере подготовки юридических кадров определен принцип сочетания теоретических знаний и практических навыков в профессиональной подготовке юридических кадров.

Важнейшей задачей, которая требует скорейшего разрешения в сфере юридического образования, названа активизация взаимодействия учреждений высшего образования с организациями — заказчиками юридических кадров, в том числе судом, органами прокуратуры, и формирование долгосрочных взаимовыгодных отношений.

Результаты исследования и их обсуждение. Все мероприятия, указанные в Концепции, направлены на усиление практической направленности знаний, получаемых в процессе подготовки юридических кадров. И выполнить данную важнейшую задачу без содействия практического сектора силами только учреждений высшего образования, по нашему мнению, невозможно. Необходимо обеспечение оптимального сочетания прочных теоретических знаний и практической направленности подготовки специалистов юридического профиля.

Одним из важнейших механизмов реализации Концепции следует признать внештатное сотрудничество.

В учреждении образования «Барановичский государственный университет» налажено внештатное сотрудничество между органами Следственного комитета, прокуратуры и студентами специальностей 1-24 01 02 Правоведение и 1-24 01 03 Экономическое право. Внештатными сотрудниками могут стать студенты II—IV курсов указанных специальностей. Кафедра гражданских и уголовно-правовых дисциплин факультета экономики и права осуществляет организационную и информационную поддержку внештатного сотрудничества, проводит мероприятия по его активизации, а также оказывает помощь в подборе студентов, которые по своим деловым и моральным качествам могут претендовать на внештатное сотрудничество.

В свободное от учебы время обучающиеся получают практические навыки работы по выбранной профессии, выполняют индивидуальные задания, присутствуют при приеме граждан, готовят ответы на заявления и жалобы, составляют проекты процессуальных и других юридических документов.

До зачисления во внештатные сотрудники студенты проходят проверку и собеседование, затем приказом руководителя зачисляются во внештатные сотрудники, им назначается опытный руководитель, который до получения диплома о высшем образовании дает рекомендации о распределении выпускника. Имеется опыт распределения выпускников-внештатников, которые обучались в университете за счет собственных средств. При этом выпускники получают статус молодого специалиста и гарантии, предусмотренные законодательством о труде.

Таким образом, внештатное сотрудничество студентов учреждения образования «Барановичский государственный университет» с органами Следственного комитета и прокуратуры направлено на реализацию принципов государственной политики в сфере подготовки юридических кадров, наиболее важным из которых является принцип сочетания теоретических знаний и практических навыков в профессиональной подготовке специалистов с высшим юридическим образованием.

Как показывает практика, в процессе партнерских отношений, связанных с внештатным сотрудничеством, участвуют три субъекта, каждый из которых получает значительную выгоду от сотрудничества:

– учреждение образования — налаживает связь с практическим сектором, совершенствует порядок мониторинга качества подготовки специалистов, повышает свой рейтинг и качество профориентационной работы, обеспечивает практикоориентированность подготовки;

– организация (орган) — получает возможность обратной связи с учреждением высшего образования и участия в совершенствовании подготовки специалистов, решает кадровые проблемы и повышает свою удовлетворенность в кадровой сфере, получает помощь при решении текущих производственных вопросов;

– обучающийся — имеет возможность определиться с будущей профессиональной деятельностью, приобрести практические компетенции уже на стадии получения образования, изучить правоприменительную практику, проверить психологическую готовность к правоохранительной деятельности, получить гарантию трудоустройства.

Заключение. Учитывая изложенное, можно заключить, что, к сожалению, в Концепции не содержатся положения о внештатном сотрудничестве. Полагаем, что общие положения о таком сотрудничестве как наиболее эффективной форме трехстороннего партнерства должны найти свое непосредственное закрепление в данном документе, что позволит усилить дальнейшее развитие законодательства в сфере образования в части заключения договоров о взаимодействии между учреждениями высшего образования и заинтересованными в подготовке специалистов юридического профиля органами (организациями).

Таким образом, институт внештатного сотрудничества находится не только в плоскости правоохранительной деятельности, но и представляет особый интерес в сфере образовательной деятельности. Можно предположить, что развитие данного института сделает целесообразным внесение изменений в нормативные правовые акты, регулирующие образовательный процесс. Так, например, перспективным видится предусмотреть в Положении о практике студентов, курсантов, слушателей, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 03.06.2010 № 860 [5], возможность зачета внештатным сотрудникам всех видов практики, кроме преддипломной, путем проведения собеседования.

Полагаем, что практика внештатного сотрудничества должна развиваться не только в системе правоохранительных органов, но и поддерживаться другими органами и организациями как наиболее результативный способ взаимодействия учреждений образования с практическим сектором.

Список цитированных источников

1. *Погосян, Э. С.* Внештатное сотрудничество как вид гласного содействия граждан правоохранительным органам / Э. С. Погосян // Закон и право. — 2018. — № 9. — С. 158—161.
2. Об участии граждан в охране правопорядка [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 26 июня 2003 г. № 214-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2014 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
3. Типовое положение о порядке оформления и деятельности внештатных сотрудников правоохранительных органов, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, органов пограничной службы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь от 17.10.2003 № 1354 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 14.08.2014 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
4. Концепция развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 года [Электронный ресурс] : утв. Министром образования Респ. Беларусь 31.08.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
5. Положение о практике студентов, курсантов, слушателей [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь от 03.06.2010 № 860 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 19.07.2021 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.

Поступила в редакцию 25.04.2021.

УДК 342.543

О. В. Чмыга, кандидат юридических наук, доцент
Белорусский государственный университет, пр-т Независимости, 4, 220030 Минск,
Республика Беларусь, +375 (29) 720 07 73, ch.ok.vas@mail.ru

ПРАВО НА ЗАПРОС, ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЗАМЕЧАНИЯ, ОБРАЩЕНИЕ ДЕПУТАТА МЕСТНОГО СОВЕТА КАК ЗНАЧИМЫЙ ИНСТРУМЕНТ МЕСТНОЙ КОЛЛЕГИАЛЬНОЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Осуществлен анализ особенностей и порядка реализации контрольных правомочий депутатов местных Советов депутатов, реализуемых в таких демократических их формах, как право на запрос, право на вопрос, предложения и замечания, а также обращение. Определены перспективы дальнейшего совершенствования правового регулирования общественных отношений в данной сфере правового положения местных депутатов, концептуальные векторы усиления представительской функции местных Советов депутатов как значимого инструмента местной коллегиальной представительной демократии, в том числе с учетом возможной частичной апробации положительного опыта зарубежных государств в исследуемой сфере.

Ключевые слова: местный депутат; право на запрос; вопрос; предложение и замечание; обращение; контрольные правомочия; местная коллегиальная представительная демократия; Беларусь.

Библиогр.: 6 назв.

O. V. Chmyga, PhD in Law, Associate Professor
Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Ave., 220030 Minsk, the Republic of Belarus,
+375 (29) 720 07 73, ch.ok.vas@mail.ru

RIGHT TO REQUEST, SUGGESTIONS AND COMMENTS, APPEAL OF LOCAL COUNCIL DEPUTY AS A SIGNIFICANT INSTRUMENT OF LOCAL COLLEGIATE REPRESENTATIVE DEMOCRACY

The peculiarities and procedure for the exercise of control powers of deputies of local Councils of Deputies, exercised in such democratic forms as the right to request, the right to question, suggestions and comments, and the right to appeal, have been analysed. Prospects for further improvement of the legal regulation of public relations in this area of the legal position of local deputies have been determined, conceptual vectors for strengthening the representative function of local Councils of Deputies as a significant instrument of the local collegial representative democracy have been identified, including taking into account the possible partial testing of the positive experience of foreign countries in the area under study.

Key words: local deputy; right to request; question; proposal and comment; appeal; control powers; local collegial representative democracy; Belarus.

Ref.: 6 titles.

Введение. Существенную роль в процессе реализации права белорусского народа на управление делами своего государства на современном этапе играют местные Советы депутатов — важнейшее звено местной коллегиальной представительной демократии. В свете проводимой в настоящее время конституционной реформы мы уверенно можем прогнозировать потребность в усилении представительской функции данного органа власти в ближне- и среднесрочной перспективе белорусского социума и государства. Речь здесь идет, прежде всего, «о необходимости повышения авторитета местных Советов депутатов, чего можно добиться, используя, по меньшей мере, два направления: повысить статус местных Советов посредством расширения полномочий; изменить систему выборов, перейдя к мажоритарной или смешанной системе» [1, с. 360—361].

Действительно, указанную объемную задачу по активизации деятельности местных Советов депутатов и их народных представителей, по нашему мнению, возможно решить посредством поступательного совершенствования национального законодательства Беларуси, направленного на укрепление полномочий депутата местного Совета депутатов (прежде всего контрольных правомочий), а также правоприменительной практики, научной доктрины в данной сфере.

Важно подчеркнуть, что в настоящее время правовое положение как местных Советов депутатов в целом, так и их отдельных представителей в частности на национальном и международном уровнях в целом достаточно неплохо нормативно урегулировано. Так, правовую основу статуса местных Советов депутатов как основного звена коллегиальной представительной демократии составляют такие акты, как Международный пакт о гражданских и политических правах, Европейская хартия о местном самоуправлении, а также ряд национальных актов: действующие Конституция Республики Беларусь, Избирательный кодекс Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 года «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», Закон Республики Беларусь «О статусе депутата местного Совета депутатов», нормативные правовые акты Президента Республики Беларусь, регламенты местных Советов депутатов и т. п.

Действительно, «наше законодательство в последние десятилетия развивается динамично, причем в интересах всего народа. Это заставляет действовать без радикальных шагов, но поступательно, в русле современных тенденций» [1, с. 364]. Вместе с тем, к сожалению, существует некоторая пробельность данного национального нормативного массива, а также практики его применения.

В этой связи в настоящей статье обозначим основные проблемные аспекты реализации контрольных правомочий депутата местного Совета депутатов как значимого инструмента местной коллегиальной представительной демократии и сформулируем отдельные прогнозные направления совершенствования деятельности названного местного представителя национального законодательства в указанной сфере.

Материалы и методы исследования. В процессе подготовки настоящей статьи автор использовал общенаучные методы исследования, осуществлял обобщение положений актов национального и зарубежного законодательства, результатов научных работ белорусских и российских ученых-правоведов.

Результаты исследования и их обсуждение. В рамках указанной группы прав местного депутата нельзя не обратить особое внимание на такие важнейшие демократические формы его деятельности, как запрос, право на вопрос, предложение, замечание, обращение. Примечательно, что перечень контрольных прав депутата местного Совета имеет много общего с соответствующими правами членов парламента Беларуси.

Следует отметить, что право на запрос в юридической науке в наиболее общем виде определяется как «контрольное право депутата и парламента требовать на сессии от определенных законом государственных органов и должностных лиц объяснений по любому вопросу их деятельности, после заслушивания которых проводится обсуждение и принимается решение» [2, с. 81]. Как обоснованно утверждает Е. В. Охотский, «запросы являются инструментом усиления социальной эффективности государственной власти, а конструктивность реакции на них — важнейшим критерием ее законопослушности и демократичности» [3, с. 74].

По форме запрос в Республике Беларусь в соответствии с действующим национальным законодательством представляет собой вносимое депутатом местного Совета на сессии Совета в письменной форме предложение дать официальное разъяснение или изложить позицию по вопросам, касающимся важнейших общественных интересов соответствующей административно-территориальной единицы.

Следует также отметить, что в силу особой значимости поднимаемой в запросе местным депутатом проблемы по решению Совета письменный ответ на запрос может оглашаться на

сессии Совета и доводиться до сведения граждан через СМИ или иным путем, а местный представитель — инициатор запроса — вправе дать на сессии Совета оценку ответа на него. Примечательным является и тот факт, что в рамках указанной группы прав депутат местного Совета, не согласный с решением Совета или его органа, в состав которого он избран или входит по должности, имеет право изложить свое особое мнение на сессии Совета, заседании его органа или сообщить о нем в письменной форме председательствующему на сессии местного Совета.

Закономерным представляется вывод о том, что запрос по своей сути является достаточно весомым требованием — средством контроля — современного местного депутата, направленным на минимизацию либо ликвидацию наиболее значимых проблем, возникающих в той или иной сфере жизнедеятельности населения, проживающего на территории соответствующей административно-территориальной единицы.

Таким образом, содержание запроса составляют факты, как правило, негативного характера, являющиеся острой и актуальной для общества, государства, конкретного региона, а следовательно, и для местного Совета депутатов проблемой, информацией о которых располагает данный представитель. В их числе: нарушения законности, игнорирование обращений местного депутата, пренебрежительное отношение к правам граждан и т. п. (конкретная тематика запросов нормативно не ограничена, за исключением того, что она не должна выходить за пределы полномочий указанного местного представительного органа и адресата). Поскольку запрос является итогом предшествующей, так и не достигшей цели работы местного депутата по преодолению указанных весомых недостатков, основная цель запроса как наиболее действенного средства контроля — устранить их, добиться выполнения принятых решений.

Если такой цели нет, местный депутат обязан использовать иные, отдельно закрепленные в законе свои права: на вопрос, предложение, замечание, обращение. В процессе их реализации указанный народный представитель также участвует в осуществлении функции контроля, но не в чистом виде, а лишь в некоторой степени. Важно отличать эти права.

Как видим, запрос депутата местного Совета имеет много общего с запросом парламентариев и является весьма эффективным инструментом его работы в рассматриваемой сфере деятельности. Поэтому А. Т. Лейзеров, характеризуя данную категорию, обоснованно считает, что «установление каких-либо формальных требований к “масштабности запросов” вряд ли возможно и целесообразно» [4, с. 25].

Представляется, что существенным условием эффективности запроса депутата местного Совета депутатов является его четкое формулирование и последующее тщательное обсуждение на заседании местного Совета. Поэтому каждому местному представителю, решившему использовать право запроса, полагаем, полезно перед его внесением проконсультироваться со специалистами, более опытными местными депутатами (в том числе и с бывшими местными народными избранниками предыдущих созывов) о целесообразности запроса. Данное обстоятельство объясняется тем, что проблема, которую депутат предполагает вынести на рассмотрение местного Совета, может оказаться незначительной или она может быть решена другим способом: в порядке реализации им прав на обращение, предложение, замечание и т. п.

Важно подчеркнуть, что нормативных требований к структуре запроса депутата местного Совета депутатов в белорусского законодательстве не существует. Полагаем, что на легальном уровне в национальном законодательстве Беларуси необходимо закрепить требование о том, что данный документ должен включать в себя следующие обязательные формальные его элементы: а) указание на адресат запроса; б) факты нарушения актов законодательства, невыполнения (ненадлежащего выполнения) обязанностей и т. п.; в) указание на конкретное должностное лицо, орган, допустившие нарушение; г) перечень мер, принятых местным депутатом для устранения вышеназванных нарушений; д) список лиц, ответственных за наведение порядка в поднятой местным депутатом проблеме; е) проект решения проблемы (т. е. какие меры, по мнению местного депутата, должны быть приняты для решения проблемы); ж) фамилия, имя, отчество местного депутата, подпись.

Помимо прочего, полагаем, в начале каждого заседания необходимо обращаться к местным депутатам с предложением использовать свое право запроса, специально резервировать для запросов указанных представителей время. Результаты же выполнения намеченных в решении местного Совета мер по реализации уже внесенного запроса необходимо регулярно обсуждать на заседаниях данного представительного органа, а местный депутат, его внесший, обязан участвовать в соответствующих проверках. О внесенных запросах и их результатах местному депутату необходимо регулярно информировать и свой электоральный корпус (при проведении отчетов перед избирателями, собраний, встреч с трудовыми коллективами, в республиканских и региональных СМИ, посредством активного использования возможностей сети Интернет и т. п.).

Таким образом, запрос местного депутата является действенным средством контроля лишь в том случае, когда: 1) нет препятствий для его внесения; 2) запрос обсужден на заседании местного Совета депутатов (данное условие представляется нам обязательным: этим обеспечивается публичность, гласность контроля, исключается возможность подмены запроса обычным вопросом); 3) местному депутату предоставлен полный и объективный ответ на запрос; 4) дана объективная оценка действий (бездействия) адресатов запроса; 5) по запросу соответствующим местным Советом принято решение, которое содержит ответ по разрешению поставленной в запросе проблемы, предусматривает меры ответственности виновных лиц, а также меры, направленные на обеспечение выполнения этого решения.

Порядок, сроки и ответственность рассмотрения запроса депутата местного Совета достаточно детально определены базовыми для настоящего исследования Законом Республики Беларусь 18 июля 2011 года «Об обращениях граждан и юридических лиц», Законом Республики Беларусь от 27 марта 1992 года «О статусе депутата местного Совета депутатов». Примечательно, что белорусский законодатель закрепляет правило, согласно которому депутат местного Совета вправе дать оценку ответа на его запрос. Кроме того, по решению Совета письменный ответ на запрос может оглашаться на сессии Совета и доводиться до сведения граждан через средства массовой информации или иным путем, что, безусловно, является существенным стимулом для добросовестного отношения к подготовке ответа на запрос всех уполномоченных соответствующими актами законодательства лиц.

Следует подчеркнуть, что в отличие от легального закрепления права на запрос как белорусского парламентария, так и депутата местного Совета конституционному законодательству некоторых европейских государств присуща также и интерпелляция — одна из разновидностей запроса. Как правило, интерпелляция «предусматривает постановку какого-либо важного, общественно значимого вопроса на пленарном заседании, за которой следует объяснение главы правительства, обсуждение и принятие решения путем голосования» [5, с. 278]. Отметим, что «в отличие от запросов и вопросов эта форма контроля обставляется рядом сложных формальных требований (количество подписей депутатов под интерпелляцией, жесткие сроки ее подачи и другие требования, определенные регламентом» [6, с. 419].

Так, к примеру, в соседней с Беларусью Польше интерпелляция представляет собой обращение депутата (члена парламента) к главе правительства или иным членам Совета Министров по вопросам, имеющим принципиальный характер и касающихся проблем, связанных с политикой государства. Примечательно, что в отличие от запроса, к содержанию интерпелляции польский законодатель предъявляет ряд четких и строгих требований, что обусловлено ее особым значением для государства. Так, данный документ должен быть в пределах компетенции интерпеллируемого и включать в себя краткое представление фактического положения вещей, являющегося предметом интерпелляции, а также вытекающие из него вопросы. При этом интерпелляция должна быть представлена маршалу Сейма в письменной форме. После получения текста интерпелляции председатель польского Совета Министров либо иные члены Совета Министров обязаны дать ответ на интерпелляцию не позднее чем в 21-дневный срок с момента её получения также в письменной форме. Примечательно, что дополнитель-

ные объяснения даются интерpellлируемым в 21-дневный срок со дня поступления требования дать дополнительные объяснения. Как и сама интерpellляция, ответ на нее публикуется в приложении к стенографическому отчету о заседании Сейма, проведения дебатов по ответам на интерpellляции на пленарных заседаниях не предусматривается.

Анализируя установленный легальный порядок и практику реализации прав на интерpellляцию европейских парламентариев и сравнивая их с правом депутатов местных Советов депутатов на запрос, мы находим в данных правомочиях как общие, так и отличные друг от друга характеристики. Множественность схожих законодательных положений (они преобладают) связана с сущностным (содержательным) их наполнением. Отличные же друг от друга характеристики названных прав проявляются, прежде всего, в формальном их выражении — в более детально прописанной в европейском законодательстве по сравнению с белорусским процедуре их реализации, что, по нашему мнению, является позитивной характеристикой европейской законодательной формулы. Полагаем, указанный опыт европейской парламентской традиции может быть в определенной степени имплементирован (прежде всего в формальном ее выражении) и в белорусском нормативном массиве в части реализации депутатом местного Совета депутатов своих контрольных полномочий.

Примечательно, что от прав на вопрос, предложение, замечание, обращение право депутата местного Совета на запрос отличается особым статусом, содержанием и порядком реализации. Это связано с тем, что вопрос, в отличие от запроса, преследует лишь цель получения информации об обстоятельствах, не известных или не ясных местному депутату, по своему характеру при этом менее значительных, чем те, которые требуют внесения запроса данного местного представителя. Кроме того, вопрос ставится обычно применительно к повестке дня заседания местного Совета депутатов, а запрос может быть внесен вне зависимости от обсуждаемых на заседании вопросов. Поэтому, безусловно, право депутатов местных Советов депутатов на вопросы в этом перечне является существенным и достаточно эффективным правовым инструментом контроля местного представителя.

Что касается такого значимого контрольного правомочия местного депутата, как обращение, то, в отличие от запроса, белорусскими местными депутатами обращение адресуется вне сессии местного Совета и представляет собой изложенное в письменной форме предложение государственным органам, другим организациям или должностным лицам о предоставлении информации и (или) разъяснений по вопросам, отнесенным к их компетенции и связанным с деятельностью депутата Совета. Ответ на него передается непосредственно местному депутату, оглашению и обсуждению на сессии местного Совета не подлежит.

От замечаний и предложений местного депутата, которые он имеет право высказывать в процессе своих выступлений на сессии Совета, запрос отличается тем, что они лишь учитываются при принятии решения по обсуждаемому вопросу, информация об их исполнении предоставляется местному депутату в установленном актами законодательства порядке (в частности, предложения и замечания местного депутата, высказанные ими на сессиях Совета, могут быть направлены государственным органам, должностным лицам государства, а также организациям и должностным лицам в целях их тщательного рассмотрения. О его результатах названные уполномоченные субъекты обязаны сообщить местным депутатам в письменной форме), но решения местного Совета по ним не принимаются.

Заключение. В Республике Беларусь на современном этапе сложился и существует достаточно целостный и комплексный нормативный механизм, регулирующий контрольные правомочия депутатов местных Советов депутатов, реализуемых в таких демократических их формах, как право на запрос, право на вопрос, предложения и замечания, а также обращение.

Разумеется, правоприменительная практика и национальное законодательство нуждаются в дальнейшем изучении и совершенствовании данной сферы общественных отношений, в том числе и на основе накопленного положительного опыта зарубежных государств в на-

званной области. Данное обстоятельство объясняется тем, что некоторые законодательные положения, упорядочивающие отношения в рассматриваемой в настоящей работе области правового положения депутатов местных Советов депутатов, к сожалению, все еще не лишены пробельности, равно как и практика их реализации, следовательно, они должны быть подвергнуты дальнейшему научному осмыслению.

Полагаем, предложенные в данной статье отдельные прогнозные направления совершенствования правового регулирования контрольных правомочий местных депутатов в определенной степени могут стать концептуальным вектором кратко- и среднесрочной перспективы законодательного развития Беларуси в данной сфере.

Список цитированных источников

1. *Василевич, Г. А.* Актуальные направления развития местного самоуправления в Республике Беларусь в контексте Европейской хартии местного самоуправления / Г. А. Василевич // *Вестн. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук.* — 2020. — Т. 65, № 3. — С. 355—366.
2. *Зиновьев, А. В.* Конституционное право России / А. В. Зиновьев. — М., 2002.
3. *Охотский, Е. В.* Государственная служба в парламенте: отечественный и зарубежный опыт / Е. В. Охотский. — М. : Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) : Рос. полит. энцикл. (Росспэн), 2002. — 399 с.
4. *Лейзеров, А. Т.* Демократические формы деятельности местных Советов / А. Т. Лейзеров ; науч. ред. А. А. Безуглов. — Минск : Изд-во БГУ, 1977. — 144 с.
5. *Чиркин, В. Е.* Конституционное право зарубежных стран / В. Е. Чиркин. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Юристъ, 2008. — 606 с.
6. *Василевич, Г. А.* Конституционное право зарубежных стран : учебник / Г. А. Василевич, Н. М. Кондратович, Л. А. Приходько ; под общ. ред. Г. А. Василевича. — Минск : Книж. дом, 2006. — 480 с.

Поступила в редакцию 07.02.2022.

УДК 343.37

И. В. Шуленкова¹, С. А. Ворошкевич²

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь, ¹+375 (29) 524 80 30, shuarina@yandex.by ,
²+375 (29) 108 45 05, stas.voroshkevich.120@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНТРАБАНДЫ КАК ОПАСНОГО ТАМОЖЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Данная статья посвящена уголовно-правовой характеристике контрабанды по законодательству Республики Беларусь. Опасность анализируемого преступления в том, что оно причиняет социальный вред, который тесно связан с экономическим ущербом. Поскольку государственный бюджет недополучает значительные средства, создается напряженность в расходных статьях. Вследствие дефицита финансовых средств государство минимизирует затраты на те или иные сферы. Безусловно, контрабанда негативным образом влияет на правопорядок в любом государстве. Вместе с этим постепенно стираются границы внутригосударственной преступности. Разнообразные сообщества, для которых контрабанда давно является бизнесом, становятся сегодня все более изощренными. Они обеспечены финансовыми, интеллектуальными, материальными ресурсами. Борьба с этим явлением правоохранительным и таможенным структурам в отдельно взятой стране бывает очень сложно, а зачастую просто невозможно. Ввиду обозначенных аспектов общественной опасности полагаем, что законодательство в обозначенной сфере нуждается в детальном совершенствовании.

Ключевые слова: контрабанда; экономическая деятельность; таможенное регулирование; таможенная граница ЕАЭС; перемещение; запрещенные и ограниченные к перемещению товары.

Библиогр.: 10 назв.

I. V. Shulenkova¹, S. A. Voroshkevich²

Educational institution "Baranovichi State University", 21 Voikova Str., 225404 Baranovichi,
the Republic of Belarus, ¹+375 (29) 524 80 30, shuarina@yandex.ru ,
²+375 (29) 108 45 05, stas.voroshkevich.120@mail.ru

CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF SMUGGLING AS A DANGEROUS CUSTOMS CRIME

This article is devoted to the criminal-legal characteristics of smuggling under the legislation of the Republic of Belarus. The danger of the analyzed crime is that it causes social harm, which is closely related to economic damage. Since the state budget lacks significant funds, tension is created in expenditure items. Due to the lack of financial resources, the state minimizes costs for certain areas. Of course, smuggling has a negative impact on the rule of law in any state. At the same time, the boundaries of domestic crime are gradually being erased. The diverse communities that have long been a business of smuggling are becoming increasingly sophisticated today. They are provided with financial, intellectual and material resources. It is very difficult, and often simply impossible, for law enforcement and customs structures in a particular country to fight this phenomenon. In view of the designated aspects of public danger, we believe that the legislation in this area needs detailed improvement.

Key words: smuggling; economic activity; customs regulation; the customs border of the EAEU; movement, goods prohibited and restricted for movement.

Ref.: 10 titles.

Введение. Актуальное значение на современном этапе развития государства имеют проблемы, связанные с обеспечением законности и правопорядка в сфере организации и осуществления таможенными органами своих функций. К тому же на сегодня борьба с контрабандой в Республике Беларусь является первоочередной задачей ввиду того, что незаконное перемещение через таможенную границу ЕАЭС в крупном размере товаров, запрещенных или

ограниченных к такому перемещению, и его последствия оказывают воздействие на всевозможные сферы жизнедеятельности людей: экономику, политику, социальную среду государства, а также установленные нравственные и общественные идеалы.

Контрабанда, как одно из наиболее опасных посягательств на интересы внешней экономической деятельности Республики Беларусь, создает реальную угрозу общественной безопасности, правам и свободам человека и гражданина, материальным и духовным ценностям общества [1, с. 109]. Контрабанда (итал. *contrabando*, *contra* против; *bando* правительственный указ) является наиболее распространенным и общественно опасным преступлением против установленного порядка таможенного регулирования. Во многих странах мира контрабанда признана одним из самых опасных видов преступной деятельности.

Материалы и методы исследования. Применялись общепринятые методы научного исследования: системный, сравнительно-правовой, формально-юридический, статистический анализ, исследование документов и печатных изданий, диалектический метод познания.

Результаты исследования и их обсуждение. По результатам правоохранительной деятельности в первом полугодии 2021 года пресечено 13 000 таможенных нарушений и выявлено 120 преступлений. В бюджет от правоохранительной деятельности таможенных органов поступило порядка 17,4 млн руб. [2]. Полагаем, что указанные статистические данные свидетельствуют о положительной динамике борьбы с совершением контрабанды в силу того обстоятельства, что заинтересованность государств в противодействии данному преступлению обоснованно определяет ее как объект для международного слаженного противодействия.

По нашему мнению, международное сотрудничество приобретает особую актуальность и необходимость в условиях нынешнего времени. Более того, важно отметить, что без такого сотрудничества в самых разных областях вряд ли возможно позитивное существование и прогрессивное развитие даже самых современных и развитых государств. Целесообразность широкого международного сотрудничества в борьбе с преступностью обусловлена, прежде всего, предотвращением и пресечением особо опасных преступлений, посягающих не только на национальный, но и на международный правопорядок [3].

Общим для всех преступлений, наносящих ущерб международному экономическому и социально-культурному развитию, в число которых входит и контрабанда, является объект их посягательства. Так, контрабанда посягает на порядок в области внешней торговли, наносит ущерб прогрессивному развитию экономических отношений между государствами, международной торговле, что, в свою очередь, существенно нарушает государственный и экономический суверенитет государств.

Вследствие того, что контрабанда подрывает экономическую основу государств, она признана наиболее опасной из всех видов таможенных преступлений. С течением времени угроза для государств, исходящая от контрабанды, не только не снижается, а, наоборот, получает все большее распространение.

Очевидно, что контрабанда будет существовать до тех пор, пока существуют государственные границы между странами. В таких высокоразвитых странах, как США, Великобритания и Франция, не ставится задачей полное искоренение данного преступления. Речь идет лишь о сокращении ее размеров до минимума, которого реально достичь.

Причинами роста такого вида преступления, как контрабанда, являются: во-первых, высокие ставки отдельных видов налогов и таможенных пошлин; во-вторых, низкий уровень налогового и таможенного контроля; в-третьих, низкий уровень благосостояния граждан. Вероятно, что последняя причина подводит малообеспеченных людей сознательно участвовать в нелегальном бизнесе [4, с. 191].

В целях устранения названных причин и создания благоприятных условий развития экономики государства формируются таможенные союзы, в рамках которых образуются единые

таможенные территории, пространства, а также вводятся таможенные тарифы и применяются нетарифные меры регулирования в отношении третьих стран.

В связи с созданием в 2015 году Таможенного союза ЕАЭС (ТС ЕАЭС) [5] с таможенных границ был снят таможенный контроль на внутренних границах. Следовательно, участие Республики Беларусь в ЕАЭС возлагает на таможенные и правоохранительные органы дополнительные функции, связанные с обеспечением порядка перемещения товаров через границу и защитой внутреннего рынка государств-участниц данного союза, а также борьбу с таможенными преступлениями и реализацию уголовной политики.

С сожалением приходится констатировать, что в настоящее время отсутствует единое мнение о том, что же является непосредственным объектом контрабанды. Так, Б. М. Угаров считает, что непосредственным объектом контрабанды «являются общественные отношения, функционирующие в сфере монополии государства на внешнюю торговлю, его экономические интересы и общественную безопасность» [6, с. 14].

Вместе с тем А. И. Лукашов определяет непосредственный объект контрабанды как «экономические интересы Республики Беларусь в сфере осуществления внешнеэкономической деятельности или совершения отдельных внешнеэкономических операций» [7, с. 264].

Однако комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь (далее — УК) указывает, что непосредственным объектом контрабанды является «порядок перемещения через таможенную границу Республики Беларусь товаров и ценностей, запрещенных или ограниченных к такому перемещению» [8, с. 470].

Таким образом, основываясь на мнениях различных ученых, рассматривающих данную проблему, под непосредственным объектом контрабанды предлагаем понимать общественные отношения, складывающиеся в таможенной сфере и регламентирующие порядок перемещения через таможенную границу ЕАЭС товаров, запрещенных или ограниченных к такому перемещению.

Важное правовое значение для характеристики объекта преступления и контрабанды в частности имеет предмет преступления. Так, товары и ценности, являющиеся предметом контрабанды, подразделяются на два вида, дифференцированная ответственность за незаконное перемещение которых предусмотрена, соответственно, ч. 1 и 2 ст. 228 УК.

Таким образом, предметы контрабанды первого вида — это товары и ценности, запрещенные или ограниченные к перемещению через таможенную границу Республики Беларусь, кроме прямо указанных в ч. 2 ст. 228 УК. Уголовная ответственность за незаконное перемещение таких предметов наступает только в том случае, если их размер является крупным, т. е. если стоимость перемещаемых товаров и ценностей превышает в две тысячи раз размер базовой величины, установленный на день совершения преступления. Ко второму виду предметов контрабанды относятся ограниченные к перемещению через таможенную границу Республики Беларусь и прямо указанные в ч. 2 ст. 228 УК предметы — наличные деньги или денежные инструменты [8, с. 471—472].

При этом в качестве предмета контрабанды не могут выступать наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры или аналоги, а также сильнодействующие, ядовитые, отравляющие вещества, радиоактивные материалы, огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства, оружие массового поражения или средства его доставки, а также иные виды вооружения и военной техники. Уголовная ответственность за перемещение данных предметов установлена иными статьями УК.

Обязательным признаком предмета преступления, предусмотренного ст. 228 УК, как уже отмечалось выше, является крупный размер незаконно перемещаемых товаров. Так, в ч. 2 примечаний к ст. 228 УК указано, что крупным размером для ч. 1 данной статьи признается превышение стоимости товаров в две тысячи и более раз размера базовой величины, установленной на день совершения преступления [9]. Контрабанда указанных товаров и ценностей в меньшем размере влечет административную ответственность.

Согласно ч. 3 примечаний к ст. 228 УК, деяние, предусмотренное ч. 2 настоящей статьи, признается совершенным в крупном размере, если сумма перемещаемых наличных денежных

средств, в том числе в международных почтовых отправлениях, и (или) стоимость перемещаемых денежных инструментов, в том числе в международных почтовых отправлениях, превышают двукратный размер суммы наличных денежных средств и (или) стоимости дорожных чеков, разрешенных Таможенным кодексом Евразийского экономического союза к перемещению без таможенного декларирования в письменной форме [9]. Объективная сторона анализируемого преступления выражается в виде деяния — как правило, действия, т. е. незаконного перемещения через таможенную границу ЕАЭС товаров, запрещенных или ограниченных к такому перемещению.

Следовательно, местом совершения контрабанды является таможенная граница ЕАЭС, которой, согласно ч. 2 ст. 5 ТК ЕАЭС, являются пределы таможенной территории ТС ЕАЭС, а также в соответствии с международными договорами в рамках ТС ЕАЭС пределы отдельных территорий, находящихся на территориях государств-членов [5].

При совершении деяния, предусмотренного ст. 228 УК, контрабандисту важно продумать немало действий и решить значительное количество задач. Из практики следует, что первоначальным этапом подготовки к совершению контрабанды является освоение преступником нескольких смежных специальностей, основной из которых может являться профессия автомеханика. Так как по своей сущности контрабанда предусматривает перемещение товаров через таможенные границы государств, лицу, ее совершающему, необходимо, как нам видится, владение специальными знаниями в устройстве транспортных средств, а также географическими знаниями и умением ориентироваться на местности.

В соответствии с ч. 1 примечаний к ст. 228 УК под незаконным перемещением через таможенную границу Евразийского экономического союза понимается перемещение товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с заведомо недостоверным декларированием или недекларированием товаров, либо с использованием документов, содержащих заведомо недостоверные сведения о товарах, или с использованием поддельных или относящихся к другим товарам средств идентификации [9].

Под недостоверным декларированием товаров или недекларированием ценностей, вещей и предметов, перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС, понимается незаявление в установленной письменной, устной или иной форме достоверных сведений либо заявление недостоверных сведений о товарах, ценностях, веществах и предметах, их таможенном режиме и других сведений. Названный способ выражается в заявлении в таможенной декларации либо в документе другой установленной формы декларирования недостоверных сведений, которые необходимы для принятия решения о выпуске, в том числе условном, товаров и транспортных средств, помещении их под избранный таможенный режим или влияющих на взимание таможенных платежей. Такими сведениями являются сведения о наименовании, количестве, таможенной стоимости, стране происхождения товаров и транспортных средств, об их таможенном режиме и т. п., перечень не является исчерпывающим [5].

Обманым использованием документов, содержащих заведомо недостоверные сведения о товарах, признается перемещение через таможенную границу ЕАЭС предмета контрабанды с представлением таможенному органу в качестве документов, необходимых для таможенных целей, поддельных документов, недействительных документов, документов, полученных незаконным путем, документов, содержащих недостоверные сведения, либо документов, относящихся к другим товарам, ценностям, веществам и предметам.

По конструкции объективной стороны состав данного преступления — формальный. Оконченным преступлением контрабанду надлежит считать с того момента, когда предметы контрабанды были фактически перемещены через таможенную границу ЕАЭС.

В соответствии с Научно-практическим комментарием к УК с субъективной стороны контрабанда характеризуется виной в форме прямого умысла [8, с. 445]. Прямой умысел признается, когда лицо сознает, что оно незаконно перемещает через таможенную границу ЕАЭС запрещенные или ограниченные к перемещению товары в крупном размере (ч. 1) либо налич-

ные денежные средства или денежные инструменты в крупном размере (ч. 2), а также осознает общественную опасность совершаемых действий и желает совершить именно эти действия.

Мотивы и цели контрабанды не влияют на квалификацию и учитываются лишь при назначении наказания. Вместе с тем их установление имеет большое значение для подтверждения наличия в действиях виновного составов иных преступлений, направленных, например, против государства, общественной безопасности, здоровья населения, порядка осуществления хозяйственной деятельности и т. п. [8, с. 475]. Чаще всего при контрабанде мотив и цель носят корыстный характер — желание и стремление обогатиться незаконным путем.

Субъектом контрабанды является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет вне зависимости от гражданства. Совершившим контрабанду будет считаться лицо, которое непосредственно осуществляло оформление и перемещение предметов контрабанды через таможенную границу, а также то лицо, которое использовало для этих целей иных лиц, действовавших невинно (опосредованное исполнение) [8, с. 475].

Стоит заметить, что контрабанда по своей природе — преимущественно групповое преступление. По мнению российского ученого Д. В. Васильева, данное деяние «фактически носит характер международной организованной преступности: ему присущи все черты современного криминального формирования, в том числе высокий уровень организации и конспирации преступной деятельности» [10, с. 10].

Одним из квалифицирующих признаков ст. 228 УК являются действия, «совершенные лицом, ранее судимым за преступления, предусмотренные ст. 328-1 и 333-1 УК, если такое преступление (одно или несколько) совершено в течение сроков судимости за предшествующую контрабанду» [8, с. 475].

Грамматическое толкование такого квалифицирующего признака, как совершение контрабанды «лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные ст. 328-1 и 333-1 УК» (ч. 3 ст. 228 УК) позволяет сделать вывод о том, что лицо должно ранее совершить сразу два указанных преступления. Скорее всего, законодатель вместо союза «и» имел в виду союз «или», который непосредственно подразумевает альтернативу. В силу данного обстоятельства считаем необходимой корректировку квалифицирующего признака, указывающего на специальную повторность контрабанды — «лицом, ранее совершившим преступление, предусмотренное ст. 328-1 и 333-1 УК» — в части изменения союза «и» на союз «или». Такой подход будет соответствовать принципу правовой определенности.

Следовательно, предлагаем изложить ч. 3 ст. 228 УК в следующей редакции: «3. Деяния, предусмотренные ч. 1 или 2 ст. 228 УК, совершенные ...лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные ст. 328-1 или 333-1 УК, ...».

Кроме того, следует отметить, что квалифицирующие признаки контрабанды не содержат указание на такой криминообразующий признак, как незаконное перемещение предмета контрабанды в особо крупном размере. Как представляется, такое положение дел не соответствует принципам дифференциации ответственности и индивидуализации наказания. Считаем необходимым законодательно внести указанный квалифицирующий признак в нормы об ответственности за контрабанду и отразить его в ч. 5 ст. 228 УК следующей редакции: «5. Деяния, предусмотренные ч. 1, 2 или 3 ст. 228 УК, совершенные в особо крупном размере, наказываются лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет со штрафом или без штрафа».

Заключение. Уголовно-правовая характеристика объективных и субъективных признаков контрабанды позволяет сделать несколько выводов.

В настоящее время отсутствует единое мнение о том, что же является непосредственным объектом контрабанды, поэтому на основании взглядов большинства ученых предлагаем понимать под непосредственным объектом контрабанды общественные отношения, складывающиеся в таможенной сфере и регламентирующие порядок перемещения через таможенную границу ЕАЭС товаров, запрещенных или ограниченных к такому перемещению.

Субъектом контрабанды может быть физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста ко времени совершения преступления, вне зависимости от его гражданства. С учетом либерализации уголовного законодательства в экономической сфере, а также нераспространения подобных случаев сегодня нет необходимости в УК пересматривать позицию снижения возраста ответственности за контрабанду.

Грамматическое толкование такого квалифицирующего признака, как совершение контрабанды «лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные ст. 328-1 и 333-1 УК» (ч. 3 ст. 228 УК), позволяет сделать вывод о том, что лицо должно ранее совершить сразу два указанных преступления. В силу данного обстоятельства считаем необходимой корректировку данного квалифицирующего признака в части изменения союза «и» на союз «или». Такой подход будет соответствовать принципу правовой определенности. Следовательно, предлагаем изложить ч. 3 ст. 228 УК в следующей редакции: «3. Деяния, предусмотренные ч. 1 или 2 ст. 228 УК, совершенные ...лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные ст. 328-1 или 333-1 УК...».

Квалифицирующие признаки контрабанды не содержат указание на такой криминообразующий признак, как незаконное перемещение предмета контрабанды в особо крупном размере. Представляется, что такое положение дел не соответствует принципам дифференциации ответственности и индивидуализации наказания. В связи с этим считаем необходимым законодательно внести указанный квалифицирующий признак в нормы об ответственности за контрабанду и отразить его в ч. 5 ст. 228 УК следующей редакции: «5. Деяния, предусмотренные ч. 1, 2 или 3 ст. 228 УК, совершенные в особо крупном размере, наказываются лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет со штрафом или без штрафа».

Список цитированных источников

1. *Азаренкова, Е. А.* Сравнительно-правовой анализ законодательства стран Таможенного союза, предусматривающего уголовную ответственность за контрабанду / Е. А. Азаренкова // Вестн. Моск. ун-та МВД России. — 2015. — № 8. — С. 108—111.
2. Результаты правоохранительной деятельности таможенных органов в 2021 году [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.customs.gov.by/ru/>. — Дата доступа: 02.09.2021.
3. Договор о сотрудничестве в охране границ государств — участников Содружества Независимых Государств с государствами, не входящими в Содружество [Электронный ресурс] : подписан в г. Минске 26 мая 1995 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
4. *Забелов, С. М.* Административное право : курс лекций / С. М. Забелов. — Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2004. — 324 с.
5. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. — Дата доступа: 09.09.2021.
6. *Угаров, Б. М.* Международная борьба с контрабандой / Б. М. Угаров. — М. : Междунар. отношения, 1981. — 216 с.
7. *Лукашов, А. И.* Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / А. И. Лукашов ; под общ. ред. А. И. Лукашова. — Минск : Изд-во Гревцова, 2009. — 960 с.
8. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / А. В. Барков [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. — Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. — 1004 с.
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : Закон Респ. Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.09.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
10. *Васильев, Д. В.* Контрабанда культурных ценностей: криминологическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д. В. Васильев ; Моск. гос. юрид. акад. — М., 2008. — 29 с.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, цифровых данных, личных имён и другой информации несут авторы опубликованных материалов.

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ

Научная концепция журнала предполагает публикацию современных достижений в области исторических наук и археологии, экономических и юридических наук; представление результатов фундаментальных и прикладных исследований, а также результатов, полученных в производственных условиях областей, включая результаты национальных и международных исследований. Статьи аспирантов и докторантов последнего года обучения публикуются вне очереди при условии их полного соответствия требованиям, предъявляемым к научным изданиям Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований.

Публикация статей в журнале бесплатная на основании заключённого договора о передаче исключительных прав на объект авторского права.

Подробные правила для авторов представлены на официальном сайте БарГУ (<http://www.barsu.by/publishing/vestnik.php>).

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

The scientific strategy of the journal suggests publishing modern achievements in the field of history of science and archaeology, economic science and law; presentation of the results of fundamental and applied research, as well as the results obtained under production conditions, both at the domestic and international level. Articles by postgraduate and doctoral students in their final year of traineeship are published out of turn if they are written in strict conformity with the specified requirements of the scientific publications of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation research.

Publication of articles is free of charge in accordance with the existing contract on transfer of authority to the subject matter of copyright.

More detailed instructions for authors can be found on the official website of BarSU (<http://www.barsu.by/publishing/vestnik.php>).

ДЛЯ ЗАМЕТОК